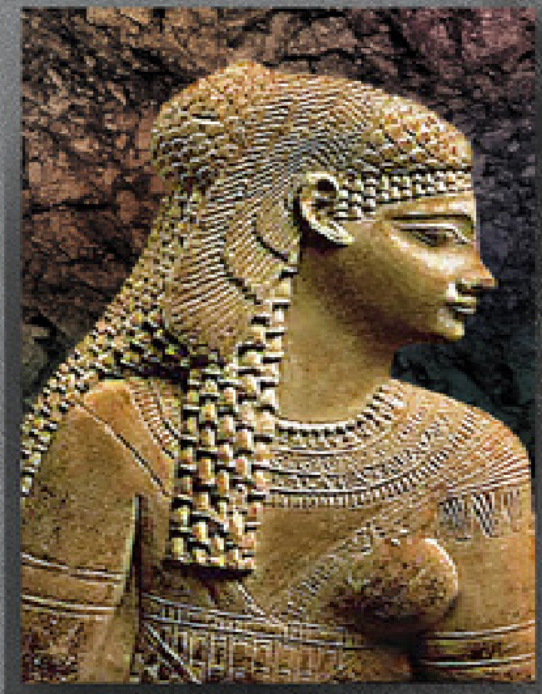
Артур Вейгалл

ВЛАДЫКИ МИРА



КЛЕОПАТРА

Последняя царица Египта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Артур Вейгалл – член экспедиции лорда Карнарвона, открывшего миру гробницу Тутанхамона, – был известным знатоком древностей Египта. Ученый и писатель, он создал объемный и прекрасный портрет самой необыкновенной женщины Античности.

Клеопатра пришла к власти в восемнадцать лет, она говорила на семи языках, возродила обряды древней религии Египта и приняла символ божественной сущности Матери-богини Хатхор, дочери Великого Ра. Бесстрашная, властолюбивая и обаятельная, она была очень любима своим народом. Деловая, с острым, проницательным умом, царица всеми возможными средствами отстаивала права женщин и оказывала поддержку правительницам маленьких и слабых государств.

- Артур Вейгалл
  - Завеса тайны над Клеопатрой поднята
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть вторая
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
  - Приложения
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5

    - Хронологическая таблица
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Артур Вейгалл
Клеопатра. Последняя царица Египта

Завеса тайны над Клеопатрой поднята

Я – то, что было, есть
И будет;
И мой покров еще не поднимал
Ни один смертный.

Богиня Нейт

Разве какая-нибудь женщина за всю историю человечества так владела умами и воображением людей, как Клеопатра VII, последняя царица Египта? И чей еще образ женственности господствовал так успешно и так долго? Почитаемая при жизни как богиня (такова египетская традиция – все фараоны обожествлялись. И представители македонской династии Птолемеев (последней в ней стала Клеопатра) не оказались исключением. – *Ред.*), Клеопатра продолжала быть объектом поклонения, и даже три века после Христа люди курили фимиам и приносили в ее честь жертвы как Царице Небес. В умах и сердцах простых людей ее образ оставался жить и все более и более превращался в олицетворение женского совершенства. Поэты один за другим воспевали ее неземную красоту, распространяя легенду о ней в страстных хвалебных одах. Шекспир, величайший из драматургов, грезил о Клеопатре как о «царственной возлюбленной».

> Возраст не может лишить ее свежести, а привычка
> Не может лишить новизны ее бесконечную многогранность.
> Другие женщины пресыщают собой, а она заставляет испытывать голод;
> Самые низменные вещи настолько приличествуют ей,
> Что святые отцы благословляют ее, когда она предается распутству.

Ее полюбил величайший завоеватель и искусный политик всех времен Гай Юлий Цезарь, тот, кого не могли уничтожить ничьи воинства и армии.

> Она заставила великого Цезаря положить свой меч на ложе.

Он вспахал ее, и она дала урожай.

Цезарю Клеопатра родила его единственного законного сына Цезариона.

Ради Клеопатры наследник Цезаря Марк Антоний лишился власти над римским миром и считал, что хорошо ею распорядился. «За поцелуями мы позабыли о царствах и провинциях» – так с полным основанием могли сказать они.

Артур Вейгалл в своем самом полном биографическом произведении «Жизнь и эпоха Клеопатры, царицы Египта» классически оживляет динамичный рассказ о ее кровосмесительном происхождении (это тоже древняя египетская традиция. – *Ред.*) и браках, внебрачных связях, убийствах, детях и ее чрезмерных амбициях, которые охватывали окружающий мир, пока в возрасте тридцати девяти лет она не совершила самоубийство. Произведение Вейгалла уже давно считается наиболее точным отображением тех времен, когда властвовала Клеопатра, и той страсти, которую она вселила не только в сердца Цезаря и Антония, но и в души мужчин наших дней. Ни в какой другой биографии нельзя получить такую полную и подробную информацию о личности Клеопатры, о ее деятельности, достижениях, поражениях, трагедии, а также об эпохе и людях, окружавших ее.

Подобно Александру Македонскому, в армии которого ее предок Птолемей Лаг служил военачальником, Клеопатра мечтала о завоевании Индии, об обладании огромной империей, воспроизводящей в больших масштабах древнюю империю фараонов. В отличие от своих предшественников – убийц, прелюбодеев, преступников, замешанных в инцесте, – она создала при жизни живую легенду о себе, завоевав верность и поддержку своих подданных – египтян. Жители Александрии, греки, македонцы и евреи, ненавидели ее, потому что она искала и добилась преданности местных жителей – египтян, которых потомки греко-македонских завоевателей эксплуатировали на протяжении трех веков (Александр Великий занял входивший с 525 г. до н. э. [с перерывом в 405–341 гг. до н. э.] в состав иранской империи Ахеменидов Египет без боя в 332 г. до н. э. С 323 г. до н. э., после смерти Александра, Египет оказался под властью Птолемея Лага, в 305 г. до н. э. принявшего титул царя. – *Ред.*).

Рожденная в 69 г. до н. э., она пришла к власти в восемнадцатилетнем возрасте, выйдя замуж за своего брата Птолемея XII, которому в то время было десять лет, и возродила

древние обряды и религию Египта. В начале своего правления Клеопатра совершила путешествие вверх по Нилу. В Верхнем Египте на нее были возложены рога Матери-богини Хатхор (центр культа Хатхор [богиня небес, земли и загробного мира, изображалась в образе коровы или женщины с рогатой головой коровы] находился в Дендере. – *Ред.*), символ божественной сущности, которые она передала сыну Цезаря Птолемею XIV (или, по другой хронологии, XV). С восемнадцати лет Клеопатра говорила и действовала как царица и богиня, принимая подношения в обеих ипостасях. По всему миру в ее честь возводились храмы, и сам Юлий Цезарь поставил на форуме (площадь в Древнем Риме, центр общественно-политической жизни того времени. – *Пер.*) на месте поклонения своей прародительнице Венере Генетрикс (Юлий Цезарь ввел почитание богини Венеры как Венеры Генетрикс – покровительницы материнства и брака. – *Ред.*), шокировав Рим, статую Клеопатры. Единственная из греко-македонской династии Птолемеев (Лагидов), она говорила на египетском языке так же хорошо, как и на семи других языках, и этот факт, соединившись с ее властолюбивым характером, завоевал ей глубокое уважение и любовь угнетенных египетских крестьян.

Ее власть охватывала все Восточное Средиземноморье; Рим опасался ее силы. До самой смерти Клеопатры в 30 г. до н. э., после того как Октавиан нанес ей и Антонию поражение в морском сражении при Акции в 31 г. до н. э., коренное население Египта было готово подняться против римлян на ее защиту. Подобно Наполеону, оказавшемуся в схожих обстоятельствах (в 1814 г., когда русские и их союзники взяли Париж, и в 1815 г. после поражения от англо-голландской армии Веллингтона и пруссаков Блюхера при Ватерлоо. – *Ред.*), Клеопатра запретила это проявление верности ей, чтобы предотвратить кровопролитие. Однако после смерти Клеопатры в августе 30 г. до н. э., движимые желанием отомстить, египтяне восстали и многие нашли свою смерть от коротких мечей легионеров непобедимых римских легионов. Клеопатра была настолько любима народом, что когда Октавиан распорядился уничтожить ее статуи, то неизвестный человек выкупил их за 200 талантов, что в настоящее время превышает сумму миллион долларов. (В талантах, принятых Александром Македонским [1 талант = 25,9 килограмма серебра], это 5180 килограммов серебра, что в ценах на конец 2009 – начало 2010 г. [17–20 долларов за тройскую унцию (31,1 грамма)] составляет около 3 миллионов долларов. – *Ред.*)

История ее жизни чрезвычайно поразительна. Природа не наделила Клеопатру совершенной внешностью для великой

искусительницы, но на свете не было более прекрасной женщины. Будучи далека от идеала красоты, она тем не менее внушала к себе глубочайшую верность и любовь особенно благодаря своему чувственному голосу и личности, своим обольщающим капризам и своей живой способности к получению от жизни удовольствий, которая, по-видимому, была особым талантом Клеопатры. Она могла вести бесконечные оргии, участвовать в абсурдных розыгрышах, растворять в кислоте бесценные жемчужины, охотиться, рыбачить или идти на войну – и все это с непринужденным изяществом, которое делало ее незаменимой для очарованных ею талантливых мужчин. Все это Клеопатра проделывала, ни на миг не теряя из виду свою главную цель – восстановление и возвращение огромной империи ее семье и принятому ею под свое крыло народу, египтянам.

Клеопатра была образованной женщиной и обладала практичным умом; она тщательно изучала мышление того времени. Она была автором книг по философии, единицам веса, измерений и монетной системе, а также книг о прическах и косметике. У Галена сохранился любопытный рецепт Клеопатры для лечения облысения. Возможно, это был тот самый рецепт, который она составила для Цезаря, который скрывал свою плешивую макушку под лавровым венком императора. В качестве лечения Клеопатра советовала: «Истолочь красную серу с мышьяком и смешать со смолой дуба. Положить смесь на тряпицу и прикладывать, предварительно хорошенько намылив лысое место. Я смешивала вышеозначенные ингредиенты со взбитой селитрой, и средство имело хорошее действие… Следующий рецепт самый лучший при выпадении волос, когда его наносят вместе с маслом или помадой; действенно при выпадении ресниц или при полном облысении. Он просто чудесный. Одна часть сожженных домашних мышей, одна часть сожженной виноградной лозы, одна часть сожженных зубов лошади, одна часть медвежьего жира, одна часть костного мозга оленя, одна часть коры тростника. Все это в сухом виде раздробить и смешивать с большим количеством меда до тех пор, пока смесь не приобретет консистенцию меда. Затем нужно смешать с этим медвежий жир и костный мозг оленя (растопив), и это средство следует положить в медную флягу и втирать его в облысевшую часть головы до тех пор, пока на ней не начнут расти волосы».

Алхимики и суеверные авторы I в. н. э. твердо верили, что Клеопатра владела философским камнем, который давал ей возможность превращать простые металлы в золото. Безусловно, ее расточительство не знало границ, а ее богатство казалось неисчерпаемым. В экзотическом окружении Клеопатры была

труппа *cinaedi* (кинеды [*гр.*] – предающиеся противоестественным половым сношениям. – *Ред.*), которые, вероятно, были евнухами или кастратами. Таких людей нанимали аристократы того времени и сама Клеопатра, вероятно, для того, чтобы избежать риска при сбрасывании сексуального напряжения, так как они ограничивались извращенными действиями. Ее фаворитом был евнух по имени Челидон. Но несомненно, рассказы об эротических похождениях Клеопатры были преувеличены. По-видимому, ее интересовали в основном политика и экономика, ее амбиции выходили за пределы простой сексуальности или любви. Она знала, как надо подчинять себе мужчин и привязывать их к себе всеми уловками и приемами Афродиты, но при этом не теряла ни головы, ни сердца.

Всеми возможными способами она отстаивала права женщин, особенно в политических ситуациях. Будучи деловой женщиной с острым и проницательным умом, Клеопатра сама работала на нескольких шерстопрядильных фабриках с помощью своих служанок и оказывала поддержку различным царицам маленьких государств, таким как Александра Иудейская, в пресечении попыток их супругов узурпировать их власть.

Однако, какой бы образованной, преданной искусству и широкомасштабному строительству ни была Клеопатра, она тоже неизбежно вела династическую игру. Ее муж и брат Птолемей XIII утонул; своего второго брата Птолемея XIV, за которого она тоже вышла замуж, она приказала отравить, а затем убила свою сестру Арсиною. Клеопатра, согласно традиции египетских фараонов и династии Птолемеев, жила в кровосмесительном браке со своими братьями и, возможно, со своим странным отцом Птолемеем XI Авлетом. Начиная с первой династии фараонов Древнего Египта, около 3200 г. до н. э., в царской семье сочетались браком мать с сыном, отец с дочерью, брат с сестрой без каких-либо опасных последствий для потомства. (Это через несколько поколений приводило к вырождению и пресечению династии. – *Ред.*)

В венах Клеопатры, вероятно, текла и толика сирийской крови, так как ее бабушка, любовница ее деда Птолемея Латира, была из этого народа. Клеопатра, несомненно, имела македонские, греческие и иранские гены, но ни одна капля египетской крови не запятнала ее белоснежные одежды или кожу.

Ее эпоха была временем великого распутства, когда женщины благородного происхождения даже обучали собак доставлять им удовольствие, когда был широко распространен гомосексуализм, в частности педерастия, а у представителей высших классов чаще рождались незаконные дети, нежели законные. Тем не менее змей Нила предстает в виде преданной матери и возлюбленной.

Цезарю она родила сына, а Марку Антонию близнецов, мальчика и девочку, а позднее еще одного сына.

В возрасте четырнадцати лет она мимолетно встретилась с Марком Антонием, который в то время был привлекательным мужественным легатом под командованием Габиния и находился в Египте. Очевидно, Антоний так и не забыл ее, и, после того как Цезарь, его господин, был безжалостно убит заговорщиками, он взял на себя не только роль Цезаря в мировой политике и поставил перед собой его амбициозную цель завоевать Парфию и Индию, но и заменил своего владыку и хозяина в объятиях несравненной Клеопатры. На эллинистическом Востоке они вместе изображали Диониса и Афродиту, а перед египтянами представали как Осирис и Исида. После своего бракосочетания в 37 г. до н. э. они переименовали своих близнецов в Гелиоса и Селену, Солнце и Луну.

Клеопатра создала легенду, такую же великую, как и Александр. Ее поклонники ошибочно приписывали ей чудеса, а также строительство дворца и маяка, возведение Александрийского Гептастадиума (дамба, которая соединяла остров Фарос с мысом на материке. – *Пер.*) и создание канала, который провел воду в Александрию. В XII в. коптский епископ Иоанн из Никиу сказал, что она сделала больше, чем любой царь, который правил до нее, что она была «самой прославленной и мудрой из женщин… великой сама по себе, а также благодаря своим достижениям, демонстрировавшим мужество и силу». Клеопатра играла роль дочери Ра, и ей почти удалось возродить древнюю египетскую империю фараонов.

Тем не менее она, олицетворявшая женскую силу, не моргнула и глазом, когда ее отец убил одну сестру, в то время как ее другую сестру в цепях римляне вели на Капитолийский холм, празднуя победу Цезаря, мимо глумящихся, издевающихся толп народа, и тогда, когда рабы умирали от яда, чтобы она могла испытать наиболее эффективный метод ухода из жизни. Ее научное любопытство, по-видимому, почти не знало границ; в Талмуде рассказывается о том, как Клеопатра приказывала вскрывать животы беременным женщинам, чтобы определить тот момент, когда эмбрион превращается в утробный плод, то есть то время, когда душа входит в тело.

Римская пропаганда называла ее «позором Египта, фурией смерти Лация (древняя область в Италии, где возник и окреп Рим. – *Пер.*), чья порочность дорого обошлась Риму. Точно так же, как опасная красота спартанской царицы Елены привела к уничтожению Аргоса и Трои, Клеопатра разжигала страсти в Италии. Ее погремушка (намек на хвост гремучей змеи, которая

позднее погубила ее (автор ошибается – эти змеи в Африке не водятся. Клеопатра использовала для самоубийства египетскую кобру, известную также как гая или настоящий аспид [Naja haje]. – *Ред.*) (здесь игра слов, имеется в виду шумный, веселый образ жизни Клеопатры. – *Пер.*), ужасала Капитолий – может ли такое быть?.. Вопрос стоял так: должна ли миром править женщина, которая даже не является римлянкой». Но даже они вынуждены были галантно признать: «Кто может отказать Антонию в прощении его безрассудной страсти, когда даже стойкое сердце Цезаря запылало?» Для великого поэта Горация Клеопатра была женщиной «достаточно сумасшедшей, чтобы вынашивать самые фантастические надежды, будучи любимицей судьбы». И все же в конце резкой обличительной речи против египетской царицы он согласился с тем, что «эта женщина не робкого десятка!».

Римляне пытались заклеймить ее как пьяницу. На самом деле она носила на пальце кольцо с ликом богини Меты (невоздержанность), выгравированном на аметисте, камне трезвости, для того чтобы предотвратить опьянение и достичь того вида экстаза, который известен как божественная мудрость. Более того, оно указывало на то, что Клеопатра была последовательницей Диониса и его мистерий. Она не только познакомила Рим со всеми возможными пороками, но и научила римлян многим мудростям египтян.

Клеопатра встретила смерть с большим мужеством, чем можно было бы ожидать от такой роскошной женщины: она положила себе на грудь ядовитую змею, божественного посланца своего отца Ра, и приняла ее укус скорее как освобождение, нежели как наказание. Когда Клеопатра, умирая, легла на свою золотую кушетку, ее служанка Хармиона тоже совершила самоубийство после того, как надела венец на голову своей царицы. Еще одна из служанок Клеопатры по имени Ирада добровольно последовала за ней. О скольких правителях в истории человечества можно сказать, что их ближайшие слуги предпочли смерть жизни без них?

После этого даже в наши дни в Египте называют Клеопатру, Богиню Очарования, просто Царицей, как будто другой никогда и не было.

Сидни Холперн

Часть первая
Цезарь и Клеопатра

Ничто не тронуло бы Цезаря, но красота Клеопатры поддержала ее просьбу, и она добилась своего. Ее судья был подкуплен, и с ним она провела ночь постыдной и извращенной страсти. Когда благосклонность Цезаря была завоевана и куплена ее дарами, за этим радостным событием последовал пир. Какой поднялся переполох, когда Клеопатра продемонстрировала свое великолепие – великолепие, которое римское общество еще не переняло. Там были несчастные мальчики, которые утратили свою мужскую сущность после взмаха ножа, а напротив них стояли юноши, щеки которых, несмотря на их возраст, едва оттенял пушок. Там села царица, а с ними – великий Цезарь. Там была Клеопатра, недовольная своей собственной короной и братом в роли мужа; ее гибельная красота была подчеркнута красками сверх всякой меры; усыпанная дарами Красного моря, она несла на шее и на волосах целое состояние и сгибалась под тяжестью украшений. Ткань из Сидона открывала ее белые груди.

М. Анней Лукан (39–65; римский поэт)

Глава 1
Дитя

Клеопатра была последним царствующим монархом из египетской династии Птолемеев и седьмой египетской царицей, которая носила такое имя[1], обладая всеми правами и привилегиями этого необыкновенного рода фараонов. Династия Птолемеев была основана в 305 г. до н. э. Птолемеем Лагом, который был одним из македонских военачальников Александра Великого и который после смерти своего повелителя (в 323 г. до н. э.) захватил провинцию Египет, а несколько лет спустя (в 305 г. до н. э.) сделал себя царем этой страны, обосновавшись в недавно основанном Александром (в 331 г. до н. э.) городе Александрии на морском побережье. В течение около трех веков эта династия вершила судьбами Египта сначала с заботливой осторожностью, а позднее с поразительной беспечностью до тех пор, пока со смертью великой Клеопатры и ее сына Птолемея XIV Цезариона царский род не закончился.

Чтобы правильно понять характер Клеопатры, следует отдавать себе отчет в том, что Птолемеи не были египтянами. Они были македонцами, как я уже говорил, и в их жилах не было ни капли египетской крови. Их столица Александрия была главным образом средиземноморской колонией на египетском побережье, не имевшей никаких других связей с дельтой и долиной Нила, кроме чисто коммерческих и официальных отношений, которые по необходимости существовали между приморской резиденцией правителя и провинциями. Город был греческим по своим отличительным особенностям; храмы и общественные здания были выстроены на греческий манер; искусство того периода было греческим; жизнь имущих классов протекала по греческому образцу; придворные и аристократия одевались в греческое платье; язык, на котором они говорили с заметным македонским акцентом, был греческим. Вполне вероятно, что никто из рода Птолемеев никогда не надевал египетского платья, за исключением, возможно, церемониальных случаев. Попутно можно отметить, что современное традиционное представление о Клеопатре, разгуливающей по своему дворцу в великолепных египетских одеяниях и в головном уборе с изображением кобр, который носили царицы в древности, не имеет под собой никаких оснований. Верно то, что она, как отмечалось, в определенных случаях облачалась в одежду, которая должна была имитировать тот наряд, который, по

мнению жрецов того времени, должна была носить богиня-мать Исида. Но изображения Исиды того времени обычно представляют ее одетой на греческий, а не на египетский манер. И если Клеопатра когда-либо надевала платье египетских цариц, которое они носили в древности, то это, вероятно, случалось лишь по большим религиозным праздникам или в тех случаях, когда следование устаревшим обычаям требовалось церемониалом.

Птолемеи, эти греческие монархи – и Клеопатра в той же мере, что и ее предшественники, – получали титулы, которые так величественно носили Рамсес II Великий и еще ранее могущественный Тутмос III более чем за тысячу лет до них. Их называли Живым воплощением бога Амона, Потомком Солнца и Избранным Птахом точно так же, как великого Мемнона (Аменхотеп III, изображения которого известны как «колоссы Мемнона», преемник Тутмоса IV, внука Тутмоса III. – *Ред.*) и фараона-завоевателя Сенусерта III (фараон Среднего царства [XIX в. до н. э., то есть почти за четыре века до Тутмоса III], когда Египет был первой державой в мире (с 3-го тысячелетия до н. э. в Месопотамии существовали мощные государства [Шумер, Аккад, империя Ура III, Вавилония, Митанни, Элам, Ассирия], с XVII в. до н. э. до ок. 1200 г. до н. э. в Малой Азии поднялась Хеттская держава, которая сильно потеснила Египет в Передней Азии. – *Ред.*). В храмах по всей стране, за исключением влиятельных храмов в Александрии, этих македонских монархов графически изображали в одежде древних фараонов, увенчанных высокими коронами Верхнего и Нижнего Египта, рогами и перьями Амона и с царской змеей на лбу. Там их видели поклоняющимися древним богам Египта, простирающимися ниц перед коровой Хатхор, склоняющимися перед крокодилом Себеком, воскуряющими фимиам у святилища богини с кошачьей головой Бастет и совершающими все магические церемонии, освященные традициями четырехтысячелетней давности. На изображениях их возводят на престол вместе с богами, а вот они в объятиях Исиды, вот их приветствует Осирис, целует Мут, богиня-мать (жена Амона-Ра. – *Ред.*). И все-таки сомнительно, чтобы в действительности кто-либо из Птолемеев в какой-либо период так отождествлял себя с традиционной фигурой фараона.

Очень редко эти правители-греки покидали свой город Александрию, чтобы посетить собственно Египет и совершить путешествие вверх по Нилу. В определенных городах такой правитель удостаивал своим визитом местный храм и формально исполнял все предписанные церемонии, подобно тому как современный монарх закладывает первый камень или спускает на

воду линкор. Но нет никаких свидетельств того, что кто-то из членов царского дома Птолемеев считал себя египтянином в традиционном смысле этого слова. Как правило, Птолемеи заботились о том, чтобы ублажить жрецов и предоставить им возможность свободно пользоваться своими средствами при строительстве и украшении храмов; и общественная жизнь египтян получала весьма значительный стимул. Но в Александрии человеку трудно было поверить в то, что он находится в стране фараонов, и царский двор по своему характеру был почти полностью европейским (греческим. – *Ред.*).

Все представители династии Птолемеев были чрезвычайно бессердечными в своей оценке человеческой жизни, и история этой династии на всем своем протяжении отмечена серией подлых убийств. В этом отношении они проявили свою неегипетскую кровь: люди, жившие в долине Нила, были более добрыми, не предрасположенными к ремеслу наемных убийц и ни в коей мере не равнодушными к правам своих соотечественников. Может оказаться интересным перечислить здесь некоторые из убийств, за которые несли ответственность Птолемеи. Птолемей III, согласно Юстину (римский историк III в. до н. э. – *Пер.*), был убит своим сыном Птолемеем IV, который также, по-видимому, в разные времена спланировал убийства своего брата Магаса, своего дяди Лисимаха, своей матери Береники и своей жены Арсинои. Птолемей V описывается как жестокий и вспыльчивый монарх, который, по-видимому, завел себе привычку убивать тех, кто его раздражал. Птолемей VII Фискон, по словам Полибия, обладал пороком необузданности, свойственным египтянам, хотя в целом он не был расположен к кровопролитию. Птолемей VIII был убит своим дядей, Птолемеем VII Фисконом, который женился на матери погибшего мальчика, овдовевшей царице Клеопатре II, которая вскоре подарила ему ребенка, которого назвали Мемфитес, но здесь его отцовство сомнительно. Согласно некоторым источникам, позднее Птолемей убил этого ребенка и прислал его тело, разрезанное на куски, матери.

Затем Птолемей VIII взял в жены свою племянницу Клеопатру III, и она, оставшись вдовой, по-видимому, убила Клеопатру II. Эта Клеопатра III родила сына, который позднее взошел на трон как Птолемей X; впоследствии она попыталась убить его, но тарелки с едой оказались передвинуты, и убитой оказалась она. Птолемей X убил свою мать, после чего был изгнан. Птолемей XI Авлет, отец великой Клеопатры, убил свою дочь Беренику и зятя, а также нескольких других известных людей.

Женщины в этой семье были даже еще более жестокими, чем мужчины. Махаффи описывает их характерные черты так:

«Огромная власть и богатство, которые они имеют, подразумевают обладание большими людскими и денежными ресурсами; взаимная ненависть; пренебрежение семейными узами и привязанностями; самая искренняя цель – братоубийство – такие картины порочности заставляют любого здравомыслящего человека остановиться и задать вопрос: уж не потеряли ли эти женщины свою человеческую природу и не занял ли ее место, по словам поэта, гирканский (Гиркания – область в Древнем Иране, совр. восточная часть иранского Прикаспия [восток Мазендерана и запад Горгана]. – *Ред.*) тигр». Да и в других отношениях эта жестокая царская семья имела незавидную репутацию. Первые три Птолемея были наделены многими благородными качествами и выделялись своими талантами, но остальные монархи этой династии были по большей части дегенератами и развратниками. Однако они были покровителями наук и искусств и на самом деле сделали на этом поприще больше, чем почти любой другой царский дом в мире. Александрия Птолемеев была в какой-то степени центром развития таких наук, как анатомия, геометрия, конические сечения, гидростатика, география и астрономия, одновременно занимая самое важное положение в мире искусства. Царский дворец был известен своим великолепием и роскошью, и монарх жил в хроническом состоянии пресыщения, которого не испытывал ни один владыка. Когда Сципион Африканский посетил Египет, он увидел прадеда нашей Клеопатры Птолемея VII, который носил прозвище Фискон (значений у этого слова много, и все плохие), толстым, задыхающимся и явно перекормленным. Когда Сципион шел к дворцу вместе с царем, который, одетый в слишком прозрачные одежды, тяжело дышал рядом с ним, он прошептал другу, что Александрия извлекла по крайней мере одну пользу от его посещения – она увидела своего владыку на прогулке. Птолемей IX, дед Клеопатры, получил прозвище Латир (Лафур) благодаря, как говорят, сходству его носа с викой (травянистое кормовое растение семейства бобовых. – *Пер.*) или ему подобным стручковым растением: этот факт, безусловно, наводит на мысль о том, что царь не был человеком умеренным в своих привычках. Многие из Птолемеев были столь толсты от обжорства и пороков, что редко ходили без поддержки, хотя под воздействием вина вместе со своими пьяными сотрапезниками могли скакать по комнате достаточно легко. Птолемей XI, отец Клеопатры, настолько не одобрял воздержание, что однажды пригрозил философу Деметрию смертной казнью за то, что тот не напился допьяна на одном из его пиров. И несчастный вынужден был на следующий день публично напиться до одури, чтобы спасти свою

жизнь. Такие картинки показывают нам Птолемеев с самой худшей стороны, и мы вынуждены задать вопрос, как могло быть возможным, что Клеопатра, на которой закончилась их династия, не стала совершенно безнравственной женщиной. До сих пор, как вскоре станет очевидным, нет веских причин предполагать, что ее грехи были многочисленными или связанными с распутством.

Отец Клеопатры Птолемей XI (в некоторых хронологиях – XII), носивший прозвище Авлет (то есть Флейтист), был дегенератом маленького роста, который проходит по политической сцене в состоянии почти непрекращающегося опьянения. Мы видим его изображенным в пьяном виде, когда он возглавляет буйные оргии во дворце. Мы видим его, когда он строит бестолковые заговоры и плетет интриги, чтобы удержать свой шатающийся трон; мы слышим, как он часами играет на своей флейте; и мы понимаем, что его деяния едва ли стоили бы быть увековеченными, если бы не тот факт, что во время его правления наметился перелом в развитии политических отношений между Римом и Египтом, которые к концу династии Птолемеев стали оказывать такое сложное воздействие на историю обеих стран. После битвы при Пидне (состоялась в 168 г. до н. э. во время Третьей Македонской войны. – *Пер.*), закончившейся разгромом Македонии, Рим получил почти абсолютную власть над эллинистическим миром и вскоре наложил лапу на всю торговлю в Восточном Средиземноморье. К концу эпохи Птолемеев великая республика (в недалеком будущем – империя) обратила жадный взор на Египет, выжидая случая захватить эту богатую страну.

Главная ветвь рода Лагидов закончилась с убийством Птолемея X Александра. Жители Александрии сразу же приняли Птолемея XI, сына Птолемея IX, как своего царя, потому что он был самым старшим потомком этого рода по мужской линии, и их отказ принять его правление привел бы эту династию к затуханию, тем самым обеспечивая себе немедленную римскую оккупацию. Цицерон пишет об этом новом монархе как *nec regio genere ortus*, что означает: кем бы ни была его мать, она не была правящей царицей, когда родила его. Но население Александрии не было склонно сомневаться в его происхождении, когда было очевидно, что только он стоит между их свободой и безжалостной властью Рима.

Однако, как только он взошел на трон, открылось, что Птолемей X Александр назначил своим наследником в своем завещании Римскую республику, тем самым добровольно завершая свою династию. Такой ход был не нов. Так было в случае с Пергамом в Малой Азии, Киреной (греческая колония в

совр. Ливии, в Киренаике [восток страны]. – *Пер.*) и Вифинией (в Малой Азии), и кажется вероятным, что Птолемей Александр сделал этот шаг, чтобы получить финансовую или моральную поддержку римлян в отношении своего восхождения на престол или по какой-нибудь в равной степени неотложной причине. Сенат признал подлинность завещания, что, разумеется, партия Птолемея XI отвергла. Почти нет сомнений в том, что это завещание было подлинным; однако есть большие сомнения в том, что оно имело силу с юридической точки зрения. Во всяком случае, римский сенат, получая благодаря этому документу столько личного богатства завещателя, сколько удалось присвоить, не предпринял никаких шагов к тому, чтобы свергнуть с престола двух новых царей ни в Египте, ни на Кипре, хотя, с другой стороны, официально не признал их.

На такое отношение сената повлиял также тот факт, что многие люди в Риме не хотели видеть республику втянутой в дела Востока, они также в то время не были склонны давать в руки любому человеку такую власть, которая достанется чиновнику, назначенному губернатором новой провинции. Египет считался очень богатой и сильной страной. Он хранил ключи к богатым странам юга и казался чуть ли не главными вратами в Аравию и Индию. Доходы дворца в Александрии были равны в то время государственному доходу Рима, и даже в более поздний период, после того как Помпей сильно увеличил ежегодные поступления в казну, богатство египетского двора не сильно отставало от этой возросшей суммы. Александрия стала преемницей Афин как центр культуры и образования и теперь считалась вторым городом в мире. Поэтому считалось, что армии и полководцы, посланные через море в эту далекую страну, могут подвергнуться риску оказаться поглощенными жизнью страны, которую они удерживают, и неизбежно создадут Восточную империю, которая станет угрозой Риму.

Новый царь Египта, которого мы теперь можем называть по его прозвищу Авлетом, был очень обеспокоен существованием этого завещания и на протяжении всего своего правления постоянно прилагал усилия к тому, чтобы откупиться от ожидаемого вмешательства Рима. Он был несчастным, невезучим человеком. Все, чего он просил, – это позволение наслаждаться царскими богатствами в пьяном умиротворении, а не испытывать навязчивый страх того, что его могут вышвырнуть из его царства. Авлет был большой любитель пожить всласть, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем участие в оргиях Диониса. Он умело играл на флейте и, когда бывал трезвым, по-видимому, проводил много часов, безмятежно играя на флейте

под лучами солнца. И все же его правление постоянно омрачалось знанием того, что римляне могут в любой момент свергнуть его с трона. О нем пишут, что по вечерам он часто давал волю своей меланхолии, выдувая из своей маленькой флейты одну из тех плачущих мелодий своей родины, которая дрожит, как песня ночной птицы, и, наконец, уносится на полутоне в тишину.

На пятом году своего правления, то есть в 75 г. до н. э., его родственница Селена послала двух своих сыновей в Рим с целью заполучить троны Египта, Кипра и Сирии, и Авлет, вероятно, с беспокойством следил за их попытками занять его место. Он знал, что они направо и налево раздают взятки сенаторам, чтобы добиться своей цели, и он понимал, что одним только этим можно тронуть сердце Римской республики, и все же пока он избегал этого способа траты доходов своей страны и через некоторое время с удовлетворением узнал, что Селена оставила свои попытки получить признание. На тринадцатом году своего правления Помпей послал флот под командованием Лентула Марцеллина с целью очистить побережье Египта от пиратов, и, когда Лентул стал консулом, он приказал, чтобы на его монетах изображались орел и молния Птолемеев, чтобы отметить тот факт, что он осуществляет акт верховной власти, который связан с этой страной. Три года спустя в Александрию был послан еще один римский флот, чтобы выполнить волю сената в отношении определенных спорных вопросов; и снова Авлет, должно быть, испытывал муки ужаса перед грозящим ему лишением власти.

В 65 г. до н. э. его, пребывающего в пьяной беззаботности, потревожила весть о том, что римляне подумывают об отправке Красса или Юлия Цезаря с целью захвата его царства, но эти планы сошли на нет, и на какое-то время Авлета оставили в покое. В 63 г. до н. э. Помпей насильственно присоединил Сирию (а также Палестину) к римским владениям (Помпей занял Иерусалим. Вломился в святая святых, осквернив храм Соломона. – *Ред.*), после чего Авлет послал ему в подарок большую сумму денег и припасы для воска, чтобы купить дружбу римского полководца. Одновременно с этим он пригласил Помпея приехать в Египет с дружеским визитом, но Помпей, приняв от царя деньги, не счел необходимым воспользоваться его гостеприимством.

Наконец, в 59 г. до н. э. Авлет решил, что сам поедет в Рим, надеясь при посредничестве Помпея или Цезаря, который в том году был консулом, получить официальное признание сенатом его права на египетский трон. Поскольку он был дегенеративной и ничтожной личностью, не было никакой вероятности того, что римляне утвердят его в правах на царство, если только им как

следует не заплатить за это, и поэтому Авлет взял с собой все деньги, какие только смог достать. В Риме, по словам Моммзена (Теодор Моммзен, 1817–1903; немецкий историк. Написал много трудов по истории Древнего Рима, в том числе «Римскую историю», охватывающую период до 46 г. до н. э. – *Ред.*), «люди забыли, что такое честность. Человека, который отказывался от взятки, считали не честным, а личным врагом». Поэтому по приезде Авлет дал огромные взятки различным сенаторам, чтобы заручиться их поддержкой, и сообразительные римские магнаты, по-видимому, регулярно грабили его. Когда в какой-то момент деньги, привезенные из Египта, закончились, он занял колоссальную сумму у крупного ростовщика Рабирия Постума, который уговорил некоторых своих друзей тоже дать царю денег взаймы. Эти люди образовали нечто вроде синдиката по финансированию Авлета на том условии, что если его утвердят в правах наследства, то каждый из них вернет себе сумму гораздо большую, чем та, которую каждый вложил.

Визит Авлета в Рим состоялся как раз вовремя. Война с пиратами и Третья война с Митридатом заставили республику испытывать острую нужду в средствах, и было много разговоров о преимуществах немедленной аннексии Египта. Красс, трибун Рулл и Юлий Цезарь проявляли большое желание захватить эту страну без промедления; и несчастный царь Египта, таким образом, оказался в самом отчаянном положении. Наконец, взятка в размере 6 тысяч талантов (155,4 тонны серебра) заставила почти обанкротившегося Цезаря дать Авлету столь желанное признание его монархом, и эта позорная сделка временно закончилась тем, что Цезарь силой провел в сенате свой Закон Юлия о царе Египта, в котором Птолемей XI был назван «союзником и другом римского народа».

В следующем, 58 г. до н. э. римляне, по-прежнему испытывавшие нужду в деньгах, приготовились аннексировать Кипр, которым правил Птолемей, брат Авлета. Такой шаг был предложен Публием Клодием, низким политиком, который питал злобу к кипрскому Птолемею из-за того, что однажды, когда Клодия захватили пираты, Птолемей предложил всего 2 таланта, чтобы его выкупить. Этот Птолемей не стал откупаться от захватчиков, как это сделал его брат, и, как результат, Марк Порций Катон высадился на острове и сделал его частью римской провинции Киликии. Птолемей, с царским достоинством, тут же отравился, предпочтя умереть, нежели страдать, подвергнувшись унизительному изгнанию с трона, который он узурпировал. Его богатства в сумме 7 тысяч талантов попали в руки Катона, который, несомненно забрав себе долю добычи, передал

оставшуюся ее часть милостивому сенату.

Как только Авлет получил поддержку Рима, его собственный народ в Александрии, возмущенный ростом налогов, необходимых для выплаты его долгов, и отказом царя отнять у римлян Кипр, поднял восстание и изгнал его из Египта. По пути в Рим Авлет зашел на остров Родос, где, как он слышал, остановился Катон, чтобы получить у этого прославленного сенатора какую-нибудь помощь. А так как Авлет лично мало общался с римлянами, он послал царское приглашение или приказ Катону явиться к нему. Но сенатор, который в тот день страдал от разлития желчи и как раз только принял дозу лекарства, не был в настроении идти к подвыпившему царю. Поэтому он послал Авлету записку, в которой говорилось, что если тот желает его видеть, то ему лучше прийти к нему домой. И таким образом, царь Египта был вынужден смириться и отправиться в дом сенатора. Катон даже не поднялся с места, когда в комнату провели Авлета, а сразу предложил царю сесть и прочитал ему строгую нотацию о том, что глупо ехать в Рим, чтобы обратиться со своей просьбой. Он заявил, что, даже если весь Египет превратить в серебро, это вряд ли удовлетворит жадность римлян, которых ему придется подкупать, и настойчиво побуждал его вернуться в Египет и помириться со своими подданными. Но по-видимому, состояние здоровья сенатора не позволило продолжать этот разговор, и Авлет, не поддавшийся увещеваниям, отплыл в Италию.

Тем временем дочь царя Береника захватила египетский трон и безмятежно правила вместо своего отца. Эта принцесса и ее сестра Клеопатра VI, которая вскоре умерла, были единственными детьми Авлета от первого брака с Клеопатрой V. В детских комнатах дворца жили четыре малолетних ребенка, родившиеся от его второго брака, но кто была их мать, или была ли она в то время жива или мертва, история умалчивает. Двое из этих четверых детей впоследствии вступили на престол как Птолемей XII (в некоторых источниках – XIII) и Птолемей XIII (в некоторых источниках – XIV). Третьим ребенком была несчастная принцесса Арсиноя, а четвертой была великая Клеопатра VII, героиня этой книги, которой в то время было около одиннадцати лет (она родилась зимой 69/68 г. до н. э.).

Прибывший в Рим Авлет обратился к сенату как человек, несправедливо изгнанный из своих владений, которые он у сената купил. Он снова давал взятки видным государственным деятелям и снова везде занимал деньги, хотя теперь, вполне вероятно, его римские кредиторы были не так оптимистичны, как в предыдущий раз. Цезарь на этот раз находился в Галлии и

поэтому не мог быть подкуплен. Любопытно, что Помпей, по-видимому, не принял от царя деньги, хотя предложил ему гостеприимство своей виллы в Альбано (в Лацио юго-восточнее Рима. – *Пер.*) – факт, который предполагает, что идея возвращения Авлета на трон сильно привлекала впечатлительного римлянина. Он уже сделался кем-то вроде покровителя египетского двора, и можно почти не сомневаться в том, что в обмен на свои услуги он надеялся получить у Авлета свободный доступ к богатству и ресурсам богатейшей страны этого монарха.

Жители Александрии, которые совершенно не желали воцарения Авлета, прислали в Рим посольство из ста человек, чтобы изложить сенату свои доводы против царя. Но изгнанный монарх, движимый отчаянием, нанял убийц, которые напали на посольство у Путеол (в настоящее время Поццуоли, город к западу от Неаполя. – *Пер.*) и многих убили. Тем, кто остался в живых, были вручены хорошие взятки, и таким образом это преступление замяли. Возглавлявший эту депутацию философ Дион на этот раз уцелел, но был отравлен Авлетом, как только прибыл в Рим. После этого доведенный до отчаяния царь снова получил возможность спокойно дышать. И все теперь пошло бы у него хорошо, и он мог бы получить в свое распоряжение римскую армию, если бы какой-то политический противник не нашел в сивиллиных книгах пророчество, которое гласило, что, если царь Египта явится просить помочь, ему следует предложить дружбу, но не оружие. На этом, отчаявшись, несчастный Авлет покинул Рим и поселился в Эфесе, оставив в столице своего представителя по имени Аммоний, чтобы тот держал его в курсе всех событий.

Спустя три года, в январе 55 г. до н. э. интересы царя все еще обсуждались, и Помпей пытался урывками помочь Авлету вернуться на трон. Но страх сената отдать это дело в руки какого-либо человека был так велик, что никакое решение не было принято. Было высказано предложение, чтобы Лентул Спинтер, наместник Киликии, обошел сивиллино пророчество, оставив Авлета в Птолемаиде (совр. Акка), а сам поехал в Египет во главе армии. Но царь, без сомнения, увидел в этом попытку коварных римлян просто захватить его страну и выступил против этого плана с вполне понятной горячностью. Тогда поступило предложение, чтобы Лентул не брал армию, а положился бы на авторитет Рима с этой целью, тем самым следуя совету пророческой книги.

В конце концов Авлет предложил огромную взятку в размере 10 тысяч талантов за то, чтобы вернуть себе свое царство. В результате губернатор Сирии Авл Габиний, который сам был

банкротом и остро нуждался в деньгах, согласился вторгнуться в Египет и посадить Авлета на трон, несмотря на предостережение пророчества. Будучи в долгах как в шелках и зная, что большая часть обещанной суммы достанется ему, Габиний очень хотел начать войну, хоть и боялся возможного поражения, поэтому он торопился с приготовлениями к военной кампании и вскоре был готов выступить в поход через пустыню в Египет.

Тем временем александрийцы выдали Беренику замуж за Архелая, верховного жреца города Команы в Каппадокии, честолюбивого человека, обладавшего большим влиянием и властью, который был протеже Помпея Великого, сделавшего Архелая верховным жрецом в 64 г. до н. э., после чего Архелай тут же предпринял попытку – однако безуспешную – получить поддержку Рима. Габиний недолго думая объявил войну Архелаю под тем предлогом, что тот поощряет пиратство на североафриканском побережье, а также строит флот, который может рассматриваться как угроза Риму; и вскоре его армия уже шла по пустыне из Газы в Пелусий.

Кавалерией, которая была послана впереди основных сил, командовал Марк Антоний, который в то время был энергичным молодым военачальником с радужными перспективами. Пограничная крепость Пелусий сдалась благодаря его блестящему полководческому искусству, и вскоре римские легионы уже шли на Александрию. Дворцовая охрана присоединилась к захватчикам, Архелай был убит, и город пал.

Авлет немедленно возвратился на трон, а свою дочь Беренику казнил. Большое количество римских пехотинцев, а также кельтская и германская кавалерия, о которых мы еще услышим, остались в городе для поддержания порядка, и, по-видимому, какое-то короткое время Марк Антоний пребывал в Александрии. Юная принцесса Клеопатра была в ту пору девушкой лет четырнадцати и, говорят, уже тогда привлекла командира римских кавалеристов своей юной красотой и обаянием. В восточной части Средиземноморья девушка в четырнадцать лет считается уже взрослой и давно достигшей того возраста, который называется брачным. По всей вероятности, не следует придавать большого значения этой встрече, но она представляет интерес в свете будущих событий.

Теперь римляне начали требовать выплат различных сумм, обещанных им Авлетом. Одним из самых крупных кредиторов оказывается Рабирий Постум, и способ, при помощи которого царь мог расплатиться с ним, состоял в том, чтобы сделать его диойкетом (административно-финансовая должность в греко-римском Египте. Диойкет был вторым после царя лицом –

контролировал царские владения, торговлю, чеканку монет, работу транспорта, составлял план сева, следил за сбором налогов и др. – *Ред.*), чтобы все налоги могли проходить через его руки. Рабирий также представлял интересы докучливого Юлия Цезаря, а возможно, и Габиния. Деньги римлян были даны в долг и должны быть возвращены; римские чиновники контролировали все налоги; римская армия оккупировала столицу, а царь правил с разрешения римского сената, которому было завещано это царство.

В 54 г. до н. э. александрийцы предприняли попытку сбросить с себя это бремя и изгнали Рабирия из Египта (это сделал сам Птолемей XI Авлет, устранивший Рабирия под угрозой народного восстания. – *Ред.*). Внимание Рима сразу же обратилось на Александрию и остальной Египет; вероятно, эта страна была бы немедленно присоединена к Римской империи, если бы ужасная катастрофа в Парфии в следующем, 53 г. до н. э., когда Красс потерпел поражение и был убит, не обратила мысли римлян в другое русло (из 40 тысяч римлян погибло 20 тысяч, в том числе Красс и его сын, 10 тысяч попали в плен. – *Ред.*). Но Авлет недолго наслаждался своими дорого купленными привилегиями и летом 51 г. до н. э. умер, оставив четверых детей от второго брака с неизвестной женщиной, которая к тому времени была, вероятно, уже мертва. Знаменитая Клеопатра, седьмая по счету в династии с таким именем, была старшей в этой семье, и в момент смерти ее отца ей было приблизительно восемнадцать лет. Ее сестра Арсиноя, которую она от всего сердца не любила, была на несколько лет моложе. Третьим ребенком был мальчик десяти или одиннадцати лет, который позднее был известен как Птолемей XII (или XIII). И наконец, был еще один ребенок, который впоследствии стал Птолемеем XIII (или XIV), ему тогда было лет семь-восемь. Авлет, наученный своим собственным горьким опытом, предпринял меры предосторожности и написал подробное завещание, в котором он четко изложил свои пожелания в отношении престолонаследия. Один экземпляр этого завещания хранился в Александрии, а вторая копия, должным образом заверенная и запечатанная, была отдана в Риме Помпею, который подружился с царем, когда тот был в этом городе. В этом завещании Авлет распорядился, чтобы старшая из его уцелевших дочерей и старший из уцелевших сыновей правили совместно, и призвал римский народ именем его богов и ввиду всех заключенных с ним договоров проследить, чтобы условия его завещания были исполнены. Далее он просил римский народ выступить в роли опекунов нового царя, словно боясь, что мальчика может подавить или даже убрать со своего пути его

соправительница-сестра. И в то же самое время Авлет настаивал, чтобы ничего не было изменено в порядке престолонаследия, и его слова сочли намеком на то, что он боялся, чтобы Клеопатра тем же манером не оказалась устраненной в пользу Арсинои. При дворе Птолемеев тот факт, что два сына и две дочери живут во дворце в момент смерти царя, не сулил ничего хорошего в смысле спокойствия в стране. Авлет знал о том, что Клеопатра и Арсиноя находятся друг с другом не в самых лучших отношениях, и это породило в нем самые мрачные опасения. Помня историю своей семьи и зная, что его руки обагрены кровью собственной дочери Береники, которую он убил по возвращении из ссылки, Авлет, вероятно, полностью осознавал возможность междоусобной войны между его оставшимися детьми. Устав в преклонном возрасте от кровопролития и желая себе и своим потомкам лишь мира, он сделал все, что было в его власти, чтобы обеспечить им то приятное бездействие, которого часто был лишен он сам.

Ясное дело, что желание Птолемея XI (или XII) Авлета, чтобы его восемнадцатилетняя дочь правила вместе с его десятилетним сыном, повлекло за собой брак сестры с братом, ведь Птолемеи следовали древним египетским обычаям настолько, что в случае необходимости брак между царственными братом и сестрой совершался. Этот обычай был в Египте очень древним и изначально основывался на законе о порядке наследования трона женщинами, согласно которому старшая дочь монарха становилась наследницей царства. Сын, которого избрал отец в наследники трона или который так или иначе претендовал на власть, получал свое законное право на царство, женившись на этой наследнице. Когда такой наследницы не существовало или когда претендент на престол мужского пола не имел серьезных соперников, это правило, по-видимому, часто оставалось без внимания. Но есть несколько примеров такого пренебрежения им, когда обстоятельства требовали подкрепления царских притязаний на трон.

Поэтому, когда, согласно условиям завещания Авлета, его старшая дочь и его старший сын совместно унаследовали престол как Клеопатра VII и Птолемей XII (или XIII), их формальный брак рассматривался как нечто само собой разумеющееся. Нет никаких доказательств свершения этого брака, и можно предположить, что по желанию Клеопатры он был отложен на основании чрезвычайной молодости царя. Браки в возрасте одиннадцати или двенадцати лет не были чем-то необычным в Древнем Египте, но они были не вполне приемлемы для греков, и царица, вероятно, без труда сделала это оправданием того, что власть оказалась в ее собственных руках. Этот юный Птолемей XII был отдан на

попечение евнуха Потина, который, по-видимому, был типичным представителем категории дворцовых интриганов, знакомой любому историку. Учитель царя по имени Теодот, сомнительный греческий преподаватель риторики, также имел значительное влияние при дворе. А третьим наперсником царя был неразборчивый в средствах военачальник-египтянин по имени Ахиллес, который командовал дворцовой охраной. Эти три человека вскоре приобрели значительную власть и, действуя от имени своего юного хозяина, сумели прибрать к рукам большую часть правления страной. Клеопатра тем временем, по-видимому, страдала чем-то вроде помрачения. Она была все еще лишь юной девушкой, а ее советники оказались менее целеустремленными, чем те, которые окружали ее брата. Так как царь был еще малолетним, основную часть государственных дел вела царица, но, вероятно, реальными правителями страны был Потин и его товарищи.

Два года спустя после смерти Авлета (то есть в 49 г. до н. э.) Марк Кальпурний Бибул, проконсул и наместник Сирии, послал в Александрию двух своих сыновей с приказом римским войскам, размещенным в этом городе, присоединиться к его армии в планируемой военной кампании против парфян (после победы над Кроссом парфяне перешли в наступление. В 40–38 гг. до н. э. они даже сумели захватить Сирию, Палестину и значительную часть Малой Азии. Только после поражения в 38 г. до н. э. при Гиндаре, близ Антиохии, Парфия отступает и переходит к обороне. – *Ред.*). Эти войска, размещенные в Александрии, представляли собой оккупационную армию, которую оставил в Египте Габиний в 55 г. до н. э. в качестве обеспечения защиты Авлету. По большей части это была галльская и германская кавалерия, состоявшая из неотесанных мужланов, чьи грубые привычки и крупные тела, вероятно, делали их диковинкой и наводили ужас на население города. Эти *Gabiniani milites* к этому времени уже обустроились на своей новой родине и взяли себе жен из греческих и египетских семей Александрии. Несмотря на то что в оккупационной армии было много римских пехотинцев-ветеранов, которые воевали под командованием Помпея, дисциплина в войсках уже сильно ослабла. И когда был получен приказ от наместника Сирии, немедленно поднялся мятеж, а двое несчастных сыновей Бибула были сразу же убиты разъяренными и, наверное, пьяными солдатами. Когда об этом стало известно во дворце, Клеопатра отдала распоряжение немедленно арестовать убийц. И солдаты, поняв, что им не годится роль мятежных войск, выдали зачинщиков бунта, и в дальнейшем, очевидно, беспорядков не было. После этого царица отправила пленников в

цепях к Бибулу, но он в лучших традициях старой римской аристократии отослал этих убийц своих двух сыновей ей назад с посланием, в котором говорилось, что право налагать наказание в таких случаях принадлежит только сенату. История умалчивает о том, какова была окончательная судьба этих людей, и этот инцидент не имеет большого значения, за исключением того, что он показывает первое деяние Клеопатры, зафиксированное во время ее правления, которое характеризовалось тактичной взвешенностью и справедливостью по отношению к своим римским соседям.

Вскоре после этого, в 49 г. до н. э., Помпей послал своего сына Гнея Помпея в Египет, чтобы достать корабли и людей, необходимых для готовящейся гражданской войны, которая казалась неизбежной. И войска Габиния, понимая, что война против Юлия Цезаря дает более благоприятные возможности, чем кампания против свирепых парфян, радостно откликнулись на этот призыв. Пятьдесят боевых кораблей и отряд из пятисот человек покинули Александрию вместе к Гнеем Помпеем и со временем присоединились к армии Бибула, который теперь стал адмиралом Помпея в Адриатике. Говорят, что Гней Помпей был пленен красотой и обаянием Клеопатры и сумел войти к ней в близкие отношения, но нет абсолютно никаких сведений, что оправдали бы предположение, будто там была какая-то серьезная любовная связь. Я придерживаюсь того мнения, что истории такого рода стали циркулировать благодаря тому факту, что возможность брака между Клеопатрой и молодым римлянином взвешивалась александрийскими политиками. Великий Помпей был едва ли не первым лицом в Римской державе, и союз с его сыном – по аналогии с союзом между Береникой и верховным жрецом Команы Архелаем – был бы очень желателен. Но это предложение, по-видимому, не получило большой поддержки, и некоторое время спустя оно было забыто.

В следующем, 48 г. до н. э., когда Клеопатре исполнился двадцать один год, а ее брату-соправителю четырнадцать лет, в Александрии произошли важные события, о которых в истории не осталось ясных записей. Оказалось, что брат и сестра поссорились, а дворец разделился на две противоборствующие партии. Молодой Птолемей при поддержке евнуха Потина, краснобая Теодота и военачальника Ахиллеса выдал себя за единственного правителя Египта, и Клеопатра была вынуждена спасать свою жизнь, бежав в Сирию. Мы ничего не знаем об этих важных событиях: борьба во дворце, дни, когда молодая царица находилась в смертельной опасности, безрассудно смелое бегство из Египта. Мы знаем только то, что, когда занавес над этой

царской драмой вновь поднимается, молодой Птолемей предстает царем Египта и со своей армией находится на восточной границе царства, чтобы не допустить вторжения своей изгнанной сестры, которая в Сирии собрала экспедиционные войска и отправилась на свою родину, чтобы снова захватить потерянный трон. Что-то сильно будоражит воображение при мысли о быстром возвращении деятельной царицы на опасное место действия, откуда она незадолго до этого спасалась бегством. И историк сразу понимает, что имеет дело с женщиной с сильным характером, которая смогла так быстро собрать армию наемников и осмелилась идти походным маршем в боевом порядке через пустыню в страну, которая сделала ее изгнанницей.

Глава 2
Девушка

Крепость Пелусий, возле которой встали противоборствующие армии Птолемея XIII и Клеопатры VII, располагалась в низинной пустынной местности вблизи моря, немного восточнее современного Порт-Саида. Это был самый дальний восточный порт и крепость в дельте Нила. Построенная на оживленной дороге, которая шла вдоль побережья между Египтом и Сирией, крепость была воротами царства Птолемеев в Азию. Юный Птолемей XIII со своими советниками и воинами расположился в этой крепости, чтобы преградить путь Клеопатре, которая, как мы уже видели, продвигалась вместе с большой армией в Египет из Сирии, куда бежала, спасая свою жизнь. 28 сентября 48 г. до н. э., когда войско Клеопатры, дойдя до Пелусия, готовилось атаковать крепость, расположив свой лагерь на морском побережье в нескольких милях к востоку от нее, произошло событие, которому было суждено изменить весь ход истории Египта. Из-за пустынного мыса к западу от небольшого порта в море показался селевкийский боевой гребной корабль и бросил якорь на небольшом расстоянии от берега. На палубе этого корабля стояли потерпевший поражение Помпей Великий и его жена Корнелия, которые, спасаясь бегством после разгрома при Фарсале (в решительной битве при Фарсале в Фессалии в 48 г. до н. э. Цезарь разгромил Помпея. – *Ред.*), приплыли просить египетского царя оказать им гостеприимство. Молодой царь, по-видимому, был предупрежден о его прибытии, потому что Помпей заходил уже в порт Александрии и, узнав там, что Птолемей XIII отбыл в Пелусий, вероятно, послал к нему гонца по суше, а сам поплыл по морю. Эта весть вызвала в лагере царя величайшее волнение, и в тот момент и наступление Клеопатры, и надвигающееся сражение с ее войском были совершенно забыты в возбуждении от прибытия человека, который на протяжении такого долгого времени был могущественным покровителем двора Птолемеев.

Египет, как и весь остальной мир, с большим интересом следил за ходом войны, которую вели два римских титана, Помпей и Цезарь, уверенный в успехе первого. И гонец проигравшего полководца был, вероятно, первым, кто принес подлинные вести о результате сражения, которого дожидались с таким нетерпением. Все симпатии александрийцев были на стороне армии Помпея, ведь беглец, который теперь просил

отплатить ему добром за его былые услуги, всегда был для них олицетворением римского покровительства. Они почти ничего не знали о Цезаре, который много лет провел далеко на северо-западе (ведя в 58–51 гг. до н. э. долгую, кровавую, но победную войну в Галлии, на юге Британии и против германцев на Рейне, сокрушив всех своих противников. – *Ред.*), а Помпей был для них самим Римом и всегда, когда возникала необходимость, демонстрировал свое стремление действовать в их интересах. Всем известно, что на протяжении многих лет он был самым могущественным человеком в Риме и цивилизованный мир лежал у его ног. Затем случилась неизбежная ссора с Юлием Цезарем, человеком, который не потерпел бы наличие соперника. Разразилась гражданская война, в ходе которой после ряда боев две армии встретились в решающей битве в Фессалии у Фарсала. Нет нужды описывать здесь, как кавалерия из патрициев Помпея, на которую он самонадеянно полагался, была разбита контратакой резерва (шесть отборных когорт) Цезаря; как иностранных союзников парализовало зрелище великолепного боя римлян с римлянами; как благодушный Помпей, осознав свое поражение, прошел в оцепенении в свою палатку и сидел там, уставясь перед собой, пока враг не проник до самого входа в нее, и тогда, воскликнув в отчаянии: «Что? Даже в лагере?», он галопом умчался с поля боя; и как солдаты Цезаря обнаружили, что вражеские шатры украшены для того, чтобы праздновать ожидавшуюся победу: входы в них были увешаны гирляндами мирта, полы устланы богатыми коврами, а столы уставлены кубками с вином и различными блюдами. Помпей бежал в Лариссу, а оттуда к морю, где поднялся на борт торгового судна и отплыл в Митилену (город на острове Лесбос в Эгейском море. – *Пер.*). Там он взял на борт свою жену Корнелию и отправился на Кипр, где пересел на гребной военный корабль, на котором и приплыл в Египет. Естественно, он ожидал от Птолемея, считавшегося его политическим протеже, радушного приема, и у него были несколько неопределенные, но бесспорные планы снова собрать войска и дать своим врагам новое сражение. При Фарсале он думал, что его власть безвозвратно рухнула, но по дороге в Египет он узнал, что Катон собрал значительное количество войск и что флот Помпея, который не вступал в бой, по-прежнему ему верен; и поэтому Помпей надеялся, что с ожидаемой от Птолемея помощью он может еще вернуть себе власть в Римской державе.

Как только египетскому царю доложили о его приближении, был созван совет министров, чтобы решить, как им следует принять проигравшего полководца. На этом совещании

присутствовали трое подлых советников молодого монарха, с которыми мы уже познакомились: евнух Потин, который был кем-то вроде премьер-министра, египтянин Ахиллес, который командовал царскими войсками, и Теодот с Хиоса (остров в Эгейском море. – *Пер.*), профессиональный мастер ораторского искусства и учитель Птолемея. Эта троица, по-видимому, организовала заговор, благодаря которому Клеопатра была изгнана из Египта, и, держа мальчика Птолемея полностью под своим влиянием, они, похоже, рьяно действовали от его имени ради продвижения своей собственной карьеры. «Было действительно ужасно, – пишет Плутарх, – что судьба великого Помпея оказалась в руках этих троих людей и что он, стоя на якоре неподалеку от берега, был вынужден ждать приговора этого трибунала».

Кто-то из советников предложил, что Помпея следует вежливо попросить поискать убежища в какой-нибудь другой стране, потому что очевидно, что Цезарь может жестоко обойтись с ними, если они окажут ему поддержку. Другие предложили принять его и разделить с ним его судьбу, потому что предполагалось – да на самом деле так оно и было, – что у него все еще есть неплохой шанс оправиться от фиаско при Фарсале; и была еще опасность, что если они не примут Птолемея, то он может принять помощь от их врага Клеопатры. Но Теодот в своей тщательно аргументированной речи обратил внимание на то, что оба этих пути преисполнены опасности для них самих. Он предложил улестить Цезаря, убив их бывшего покровителя, и тем самым положить конец соперничеству и избежать риска, поставив не на ту лошадь. «К тому же, – с улыбкой добавил он, – мертвый человек не может укусить». Советники с готовностью одобрили такой способ разрешить затруднительную ситуацию и поручили исполнение этого плана Ахиллесу, а тот привлек некоего римского военачальника по имени Септимий, который когда-то воевал под командованием Помпея, и еще одного римского центуриона по имени Сальвий. Затем эти трое с несколькими слугами сели в небольшую лодку и отплыли к кораблю Помпея.

Когда они подплыли к его борту, Септимий встал во весь рост и приветствовал Помпея его военным титулом, а Ахиллес после этого пригласил его доплыть до берега на судне меньших размеров, сказав, что большой военный корабль не сможет встать в гавани на якорь из-за мелководья. Теперь было видно, что несколько египетских боевых кораблей курсируют поблизости, а на песчаном берегу полно войск. И Помпей, у которого возникли подозрения, понял, что он теперь не может повернуть назад, а должен отдаться в руки грубых людей, которые вышли в море,

чтобы его встретить. Его жена Корнелия обезумела от страха за его безопасность, но он, попросив ее ждать дальнейших событий и не тревожиться, спустился в лодку, взяв с собой двух центурионов, вольноотпущенного по имени Филипп и раба по имени Скиф. Когда он прощался с Корнелией, он прочитал ей пару строк из Софокла:

> Тот, кто однажды входит в дверь к тирану,
> Становится рабом, хоть он и был свободным раньше.

И, сказав это, он поплыл к берегу. Глубокое молчание воцарилось среди небольшой группы людей, когда лодка плыла по темной воде, которая в это время года начала уже менять цвет из-за нильского ила, принесенного ежегодным наводнением. И во влажном зное египетского летнего дня унылый маленький городок и пустынный, лишенный красок берег, вероятно, казались особенно негостеприимными. Чтобы нарушить гнетущее молчание, Помпей повернулся к Септимию и, серьезно глядя на него, сказал: «Верно, я не ошибся, и раньше ты был моим солдатом?» Септимий не ответил, а молча кивнул. После этого Помпей открыл небольшую книгу, начал читать, и так продолжалось, пока они не достигли берега. Когда он собирался выйти из лодки, он взялся за руку своего слуги Филиппа, но, как только Помпей это сделал, Септимий вынул свой меч и нанес ему удар в спину, после чего на него напали Сальвий и Ахиллес. Помпей не сказал ни слова, но, слегка застонав, спрятал лицо в своем плаще и упал на дно лодки, где его быстро добили.

Корнелия, стоявшая на палубе боевого корабля, своими глазами увидела это убийство и издала такой душераздирающий крик, что его услышали на берегу. Потом, увидев, что убийцы склонились над телом и снова распрямились, подняв вверх отрубленную голову, она приказала капитану поднять якорь, и через несколько минут боевой корабль уже плыл в открытое море и вскоре был вне досягаемости для погони. Обезглавленное и раздетое тело Помпея было брошено в воду, а через некоторое время оно было выброшено на песчаный берег прибрежной волной, где вскоре его окружила толпа любопытных. Тем временем Ахиллес и его подручные несли его голову в царский лагерь.

Вольноотпущенному Филиппу никто не мешал, и он бродил взад и вперед по пустынному берегу, пока все не ушли в город. И тогда он подошел к телу, встал рядом с ним на колени, обмыл его морской водой и обернул его в свою собственную рубаху вместо савана. Когда Филипп искал дрова, чтобы соорудить какое-нибудь

подобие погребального костра, он встретил старого римского солдата, который когда-то служил под командованием убитого полководца. Вместе эти два человека принесли обломки разбитых кораблей и куски гнилого дерева, которые смогли найти на берегу, и, положив тело на эту кучу дров, подожгли ее.

На следующее утро перед Пелусием появился второй корабль, на котором прибыли один из военачальников Помпея Луций Лентул и две тысячи солдат, которых Помпей собрал вместе для своей охраны. И когда Луция Лентула везли в лодке на берег, он заметил еще дымящиеся остатки погребального костра. «Кем был тот, кто нашел здесь свой конец? – спросил он, еще не зная о трагедии, и добавил со вздохом: – Может быть, даже ты, Помпей Великий!» А когда Лентул ступил на берег, он тоже был убит на месте.

Несколько дней спустя, 2 октября, Юлий Цезарь, который преследовал Помпея по пятам, прибыл в Александрию, где с искренним отвращением узнал о жалкой смерти своего великого врага. Вскоре после этого перед завоевателем престал Теодот, принесший с собой голову Помпея и кольцо с печатью. Но Цезарь горестно отвернулся от ужасной головы и, взяв в руку лишь кольцо, на миг расстроился до слез. Затем он прогнал пораженного Теодота, как раба, совершившего преступление, и вскоре после этого лишившийся иллюзий Теодот бежал из Египта, спасая свою жизнь. Можно упомянуть, что он скитался, как бродяга, по всей Сирии и Малой Азии, но, наконец, после смерти Цезаря Теодот был узнан Марком Брутом и в качестве наказания за подстрекательство к убийству великого Помпея был распят со всеми бесчестьями, которые только было возможно нанести. Цезарь приказал, чтобы прах его соперника был послан его жене Корнелии, которая поместила его в их загородном доме неподалеку от Альбано. Цезарь также распорядился, чтобы достойную сострадания голову Помпея похоронили у моря в роще Немезиды за восточными стенами Александрии, где в тени деревьев ему был воздвигнут памятник, земля вокруг которого была устлана специальным покрытием. Затем Цезарь предложил свою защиту и дружбу всем сторонникам Помпея, которых египтяне заточили в тюрьму, и выразил свое огромное удовлетворение тем, что таким образом сумел спасти жизнь своих соотечественников.

Нетрудно представить себе, какой ужас вызвало такое отношение Цезаря к ситуации. Потин и Ахиллес сразу же поняли, что их ожидает то же бесчестье, которое постигло Теодота, если они не будут действовать с крайней осторожностью, выжидая своего часа, пока, как ожидалось, Цезарь не покинет Египет или

пока им не представится возможность расправиться с этим новым возмутителем их спокойствия точно таким же манером, каким они избавились от старого. Но Цезарь не собирался спешно покидать Египет, и он также не дал им желанной возможности дождаться мартовских ид (15 марта. Идами [лат. Idus, от этруск. iduare, «делить»] в древнеримском календаре назывался день в середине месяца. В марте, мая, июле и октябре он приходился на 1-е число, в остальные месяцы – на 13-е. Он служил для отсчета дней внутри месяца. – *Ред.*). С той дерзкой беспечностью, которая столь часто сбивала с толку тех, кто за ним наблюдал, Цезарь тайно от всех решил поселиться во дворце на мысе Лохиас в Александрии, который на тот момент занимали только два члена царской фамилии, младший Птолемей и его сестра Арсиноя. И как только при было достаточное количество войск, чтобы оказать ему поддержку, Цезарь покинул свой корабль и взошел по ступеням внушительного причала. Сводный легион численностью 3200 человек римской пехоты и 800 кельтских и германских кавалеристов высадились на берег вместе с ним. И этой небольшой армии, как считал Цезарь, было достаточно, чтобы окружить тех, кто бежал вместе с Помпеем.

Поэтому, когда Цезарь узнал, что предательские действия египетских министров сделали его первоначальные намерения ненужными, он принял решение торжественно войти в Александрию, остановиться в ней на несколько недель и вмешаться во внутренние дела Египта, имея целью продвижение и укрепление своей власти.

Выполняя эту задачу, на сушу высадилось его четырехтысячное войско, и Цезарь во главе колонны воинов направился к царскому дворцу. Ликторы несли перед ним фасции (в Древнем Риме пучок прутьев, перевязанный ремнем, служивший при республике атрибутом власти высших должностных лиц [диктатора, консула, претора], а позже, в период империи – императора и императорских легатов. Фасции несли ликторы впереди должностных лиц. За чертой города в фасции втыкались небольшие топорики в знак того, что вне города [прежде всего в походе] должностное лицо имело право казнить гражданина. В фасции диктатора топорики были воткнуты и тогда, когда он находился в черте города. Фасции были заимствованы у этрусков. Изображение фасции с воткнутым топором было использовано в качестве эмблемы итальянскими фашистами. В Москве фасции с топором [в металле] можно увидеть в ограде Александровского сада. – *Ред.*) с боевыми топориками. Но как только эти зловещие символы (то, что в фасции воткнуты топорики. – *Ред.*) увидела толпа, она хлынула к

ним, и на какое-то время настроение толпы стало опасным и угрожающим. Молодой царь со своим двором все еще был в Пелусии, где его армия заняла оборону, ожидая атаки войска Клеопатры, но в Александрии было определенное количество войск, оставленных в качестве гарнизона, и как среди этих людей, так и среди разнородного населения города, вероятно, нашлось немало тех, кто понимал значение фасций. Город был полон римских изгоев и перебежчиков, которым это напоминание о том, что у Римской державы длинные руки, не могло не принести дурных предчувствий и страха. Для них официальное вступление в город Цезаря означало установление тех законов, от которых они бежали, в то время как многим возбужденным людям в толпе казалось, что это торжественное шествие – накрывающая Египет мрачная тень Рима, угроза которой так давно висела над ним. Со всех сторон говорили, что такое официальное вступление в столицу Египта является оскорблением царского величия; да так оно и было на самом деле, хотя это мало тревожило Цезаря, который в тот момент прекрасно сознавал свое недосягаемое положение среди римских консулов.

Город был в волнении, и в течение нескольких дней после воцарения Цезаря в дворцовых покоях на улицах продолжались беспорядки, и несколько его солдат были убиты в различных частях города. Поэтому Цезарь спешно послал корабль в Малую Азию с приказом прислать подкрепления и принял меры, необходимые для обеспечения своей безопасности от внезапного нападения. Вероятно, Цезарь не предполагал, что александрийцы отважатся начать против него боевые действия, пытаясь изгнать его из города, но в то же время он не хотел рисковать, так как на тот момент уже порядком устал от войн и резни (с 58 по 49 г. до н. э.

Цезарь воевал, с небольшими перерывами, постоянно. Но отдохнуть ему не удастся – впереди сражения с войском Птолемея, затем разгром сына Митридата VI Фарнака [о чем Цезарь сообщил в Рим: «Пришел, увидел, победил»], в 46 г. до н. э. разгром [настоящая бойня] приверженцев Помпея при Тапсе [провинция Африка] и, наконец, победа при Мунде в Испании над легионами, которыми командовали сыновья Помпея, – в 45 г. до н. э. А в 44 г. до н. э. Цезаря убьют заговорщики. – *Ред.*). Дворец и казармы царских войск, в которых разместились теперь его войска, были построены в основном на мысе Лохиас, и их легко можно было защитить от нападения с суши, ведь, несомненно, в таком неспокойном городе царский квартал был защищен массивными стенами. И в то же время такое расположение сил Цезаря позволяло контролировать восточную часть Большой

гавани и одну сторону входа в нее напротив Фаросского маяка. Корабли Цезаря стояли на якорях под стенами дворца, так что дорога к бегству была открыта, и ею – если случится самое худшее – можно было воспользоваться сравнительно безопасно в любую темную ночь. Поэтому, я полагаю, неистовство толпы не причиняло Цезарю большого беспокойства, и он мог приступить к выполнению задачи, которую желал осуществить, в достаточно спокойной обстановке. Гражданская война была для него огромным нервным напряжением, и он, наверное, с нетерпением ждал нескольких недель настоящего отдыха здесь, в роскошных царских покоях, которые он так мимоходом присвоил. Лето в Александрии во многих отношениях приятное время года, и поэтому можно представить себе Цезаря, который во все времена любил роскошь и богатство (а также, как истинный римский аристократ, войну и походы. – *Ред.*), от души наслаждающимся этими теплыми, беззаботными днями на прекрасном мысе Лохиас. Переломный момент в его жизни миновал, теперь он был абсолютным властелином Римской державы (пока – во многом уже формально – республики) и радостно предвкушал свое триумфальное вступление в Рим, когда через несколько недель страсти толпы улягутся; это успокаивало его неугомонное сердце, пока он занимался относительно несложным делом улаживания дел в Египте. Цезарь послал в Рим курьера с известием о смерти Помпея, но, по-видимому, этому посланцу было велено не слишком торопиться, потому что он прибыл в столицу не раньше середины ноября.

Первым делом Цезарь направил гонца в Пелусий со строгим наказом Птолемею и Клеопатре прекратить боевые действия и прибыть в Александрию, чтобы каждый изложил ему свои доводы. Он решил отнестись к урегулированию конфликта между двумя монархами как к возложенному на него обязательству, так как именно во время его пребывания на консульской должности в предыдущий срок усопший царь Птолемей Авлет вверил своих детей попечению римского народа и сделал республику исполнителем своей воли. К тому же его завещание было доверено попечению Помпея, чье положение покровителя египетского царского дома Цезарь теперь очень хотел занять. В ответ на требование Цезаря Птолемей вместе со своим советником Потином сразу прибыл в Александрию, кажется 5 октября, чтобы выяснить, что же Цезарь делает во дворце, а Ахиллес тем временем остался во главе армии в Пелусии. Добравшись до Александрии, они, по-видимому, были приглашены Цезарем жить во дворце, в котором он разместился без приглашения и который теперь патрулировали римские

войска. Очевидно, по совету хитрого Потина оба они были как можно любезнее со своим новым покровителем. Цезарь сразу же попросил Птолемея распустить свою армию, но на это Потин не мог согласиться и немедленно послал приказ Ахиллесу привести войска в Александрию. Узнав об этом, Цезарь заставил молодого царя отправить двух офицеров, Диоскорида и Серапиона, с приказом Ахиллесу оставаться на месте. Но эти посланцы были перехвачены агентами Потина; один из них был убит, а другой ранен. А через два или три дня в столицу прибыл Ахиллес во главе первого эшелона своей армии из 20 тысяч пеших и 2 тысяч конных солдат и разместился в той части города, которая не была занята римлянами. Вслед за этим Цезарь укрепил свою позицию, решив удержать такую часть города, которую смог бы оборонять его небольшой отряд, а именно: дворец и царский квартал за ним, включая театр, форум и, наверное, часть улицы Канопус. Египетская армия представляла собой драчливое, но не очень грозное войско, состоявшее из солдат Габиния, которые давно уже покинули родину и переняли в какой-то степени привычки и вольности принявшей их страны. Она состояла из преступников и изгоев из Италии, которые поступили на военную службу в качестве наемников, сирийских и киликийских пиратов и разбойников и, возможно, небольшого количества местных рекрутов. Но так как теперь во дворце вместе с Цезарем находились царь Птолемей, маленький принц Птолемей, принцесса Арсиноя и министр Потин, которых можно было рассматривать как заложников его безопасности, а 4 тысячи его закаленных войной ветеранов заняли укрепленную позицию при поддержке небольшого надежного флота боевых гребных кораблей, у Цезаря в тот момент, на мой взгляд, не было какой-либо причины для тревоги. Однако одна серьезная трудность возникла. Сразу же по прибытии в Египет он послал распоряжение Клеопатре явиться во дворец. Цезарь не мог выполнить свою задачу арбитра в царском споре до ее прибытия, а также он не мог утвердить свою власть, пока вместе с ней не соберется вся группа заинтересованных лиц под навязанным им покровительством. И все же Клеопатра не осмеливалась ни довериться Ахиллесу, ни положиться на него как на надежного проводника через линию фронта. Так Цезарь оказался перед дилеммой. Но ситуацию разрешила смелость и дерзость молодой царицы. Понимая, что ее единственная надежда на возвращение себе царства состояла в том, чтобы лично изложить свое дело римскому арбитру, она решила всеми правдами и неправдами попасть во дворец. Сев на корабль и доплыв из Пелусия в Александрию, вероятно в конце первой недели октября, она

пересела в небольшую лодку, когда до города оставалось некоторое расстояние, и так в сумерках проскользнула в Большую гавань в сопровождении только одного друга, которым был Аполлодор с Сицилии. Она, видимо, понимала, что ее брат и Потин живут во дворце вместе с немалым количеством приближенных и слуг, но нельзя было узнать, насколько Цезарь контролирует ситуацию. Незнакомая с властью более аристократической, чем власть ее собственного царского дома, она, по-видимому, не понимала, что Цезарь безраздельно властвует на мысе Лохиас и что не он, а Птолемей был охраняемым гостем. Она чувствовала, что, высадившись на дворцовом причале, она подвергает себя огромному риску и может оказаться в руках сторонников своего брата и быть убитой, прежде чем окажется перед Цезарем. Вполне возможно, что этот страх был оправдан, так как Птолемей и Потин, несомненно, обладали значительной свободой действий в пределах дворца, и, если бы распространился слух о прибытии Клеопатры, никто из них не стал бы колебаться и всадил бы ей кинжал между ребер в первом же темном коридоре, по которому ей пришлось бы пройти. Поэтому, ожидая в неподвижной лодке под стенами дворца наступления темноты, она велела Аполлодору закатать ее в одеяла и постельные принадлежности, которые он захватил для нее в лодку, чтобы защитить от ночного холода. И этот сверток она велела ему обвязать веревкой, которую, я полагаю, они нашли в лодке. Она была женщиной очень небольшого роста, и Аполлодору, очевидно, не составило труда нести на плече этот груз, когда он сошел на берег. Тюки такого рода были тогда, как и в наши дни, обычным багажом простого человека в Египте и вряд ли привлекли бы внимание. Житель Александрии в настоящее время так носит свои пожитки, завязав их в постельные принадлежности, а циновка или кусок ковра, который служит ему кроватью, обматывается вокруг этого тюка и завязывается веревкой. В древние времена существовал, несомненно, точно такой же обычай. Так Аполлодор, который, вероятно, был сильным мужчиной, прошел через дворцовые ворота с царицей Египта на плече, держась так, будто она была не тяжелее горшков, сковородок и одежды, которые обычно связывали в узел таким способом. Когда его окликали часовые, он, вероятно, отвечал, что несет вещи одному из солдат охраны Цезаря, и просил указать дорогу к его апартаментам.

Удивление Цезаря, когда этот сверток был развязан в его присутствии и из него появилась растрепанная маленькая царица, наверное, было безгранично. Плутарх рассказывает нам, что великого полководца сразу же «покорило это доказательство

смелого ума Клеопатры». Кто-то описывает, как она смеялась над своим приключением и быстро завоевала расположение впечатлительного римлянина, который ценил смелость поступков точно так же, как и женскую красоту. Всю ночь они провели вместе, уединившись; она рассказывала ему о своих приключениях с тех пор, как была изгнана из своего царства, а он слушал ее с все возрастающим интересом и уже, наверное, с пробуждающейся любовью.

Глава 3
Женщина

Едва ли можно сомневаться в том, что ночная беседа Цезаря с Клеопатрой совершенно изменила его представление о ситуации. До драматического появления царицы во дворце главной целью короткого пребывания Цезаря в Александрии, после того как ему была показана отрубленная голова Помпея, было утвердить свою власть в этом городе непревзойденного торгового изобилия и в то же время полностью использовать благоприятную возможность и дать отдых уму и телу в роскоши александрийского царского дворца под лучами летнего солнца, пока Рим окончательно успокоится после получения известий о победе при Фарсале и убийстве в Египте Помпея и приготовится к приезду и триумфу Цезаря. Но теперь появилось новое обстоятельство. Он обнаружил, что царица этой желанной и важной страны – молодая женщина, которая пришлась ему по сердцу: отчаянная девушка, манеры и красота которой воспламенили его воображение, а ее явное восхищение им заставило его думать о том, какую пользу он мог бы извлечь из преданности, которую он самоуверенно надеялся пробудить. По-видимому, Клеопатра изложила Цезарю свои доводы честно и откровенно, рассказала, как родной брат изгнал ее с трона, что противоречило завещанию их отца, который хотел, чтобы они двое правили вместе в мире и согласии. И пока она разговаривала с ним в эти долгие ночные часы, он понял, что его охватывает желание добиться ее любви как ради наслаждения, которое она могла принести ему, так и ради политической выгоды, которая появится от таких отношений. Это был простой способ сделать Египет ему подвластным – тот самый Египет, который был житницей и самым главным торговым рынком Среди земноморья, мощным фактором в восточной политике и вратами в непокоренные царства Востока. Цезарь стал владыкой Запада; в результате победы над Помпеем Греция и Малая Азия были у его ног; а теперь Александрия, которая так долго была опорой Помпея и его сторонников, придет к нему вместе с любовью ее царицы. Я не согласен с теми, кто считает, что он, как ягненок, ведомый на бойню, повелся на ухищрения Клеопатры и поддался ее чарам, как человек, страсть которого затмила ему разум, заставив его забыть все, кроме своего желания. Рассматривая тот факт, что молодая царица была в то время, насколько мы знаем, молодой женщиной с безупречной репутацией, а он, наоборот, был мужчиной с самой

худшей репутацией в отношениях с противоположным полом, кажется по меньшей мере несправедливым, что бремя вины за последующие события на протяжении всех веков оказалось возложенным на Клеопатру.

Еще до конца той богатой событиями ночи Цезарь, по-видимому, принял решение пробудить страстную любовь в этой своенравной и безответственной девушке, личность и политическая роль которой вдвое сильнее притягивали его к ней. И прежде чем свет зари наполнил комнату, его решение вернуть Клеопатру на трон и отодвинуть ее брата на самый дальний план было принято бесповоротно. Когда взошло солнце, Цезарь послал за царем Птолемеем. Тот, представ перед Цезарем, вероятно, пришел в смятение, столкнувшись лицом к лицу со своей сестрой, которую он отправил в ссылку и войску которой он еще недавно противостоял в Пелусии. Видимо, Цезарь обошелся с ним сурово, спросив его, как он осмелился пойти против завещания своего отца, который вверил его исполнение римскому народу, и потребовал, чтобы Птолемей немедленно помирился с Клеопатрой. И тогда молодой человек потерял самообладание и, ринувшись вон из комнаты, закричал своим друзьям и приближенным, ожидавшим его снаружи, что его предали и его дело проиграно. Сорвав в мальчишеском гневе и досаде царскую корону со своей головы, Птолемей швырнул ее о землю и, несомненно, разрыдался. После этого начались волнения, и многочисленные александрийцы, которые все еще оста вались среди римлян во дворце, сразу же собрались вокруг своего царя, и им почти удалось передать свое возбуждение царским войскам в городе и склонить их к согласованному нападению на дворец с суши и с моря. Но Цезарь поспешил выйти и обратился к людям, обещая все устроить к их удовлетворению. После этого он созвал совещание, на котором должны были присутствовать и Птолемей, и Клеопатра, и зачитал им завещание их отца, в котором Птолемей Авлет категорически требовал, чтобы они правили вместе. Цезарь вновь утвердил свое право как представителя римского народа уладить этот спор и наконец, видимо, добился примирения между братом и сестрой. Неудачливый Птолемей, вероятно, понял, что с этого момента его амбициям и надеждам суждено развеяться как дым, так как теперь он всегда будет находиться под присмотром своей старшей сестры, а свобода действий, ради которой он и его министры строили заговор и плели интриги, кончилась навеки. Согласно Диону Кассию, юный Птолемей уже ясно мог видеть, что между Цезарем и его сестрой существует взаимопонимание, а поведение Клеопатры, безусловно, выдало ему ее приподнятое настроение. Она,

вероятно, была чрезвычайно возбуждена. Несколькими часами ранее она была изгнанницей, тайком пробирающейся в свой собственный город при грозящей ее жизни опасности. Теперь она не только снова стала царицей Египта, но и завоевала уважение и, похоже, сердце единоличного правителя римского мира, слово которого было абсолютным законом для народов. Можно почти представить себе, как она корчила рожи своему брату, когда они сидели друг напротив друга на импровизированном суде Цезаря; несчастный мальчик, вероятно, испытывал острые душевные страдания.

Теперь главный план Цезаря состоял в том, чтобы вершить политику Египта посредством умелой игры с сердцем Клеопатры. Его не особенно беспокоило то, что случится с царем Птолемеем или его министром Потином, так как они лишились права на уважение из-за своей попытки оставить без внимания завещание Авлета и отвратительного поведения по отношению к Помпею, который, хоть и был врагом Цезаря, приходился ему и могущественным соотечественником. Но желанием Цезаря было как можно скорее утихомирить толпу и заставить население Александрии полюбить его, чтобы через три-четыре недели он мог спокойно покинуть страну. В настоящий момент одним из самых горячих желаний этого города была власть над Кипром, и Цезарю, по-видимому, пришло в голову, что, если подарить царскому дому этот остров, это будет весьма высоко оценено александрийцами и надолго успокоит их враждебность. Когда римляне аннексировали Кипр в 58 г. до н. э., александрийцы подняли мятеж против Авлета, главным образом потому, что он не сделал даже попытки заявить о своих правах на этот остров. Кипр был более или менее постоянным приложением к египетской короне, и обладать им было по-прежнему самым горячим желанием египтян. Поэтому теперь, если верить Диону, Цезарь подарил этот остров Египту в лице двух младших членов царского дома, принца Птолемея и принцессы Арсинои. И хотя у нас нет никаких документальных подтверждений того, что они когда-либо брали на себя управление своими новыми владениями или что по крайней мере на год-два остров перестал считаться частью римской провинции Киликии, известно, что спустя несколько лет, в 42 г. до н. э., он перешел под власть Египта и им управлял представитель этой страны.

Ослабив таким образом напряжение, Цезарь обратил свое внимание на другие вопросы. Пока Авлет был в Риме (в 59 г. до н. э.), он влез в огромные долги, пытаясь купить себе поддержку в сенате и вновь воцариться на троне Птолемеев, и в этом Цезарь увидел теперь способ как про демонстрировать свою

благожелательность в отношении египтян, так и заставить их заплатить за содержание его небольшого флота и армии в Александрии. От лица кредиторов Авлета он потребовал очень умеренную сумму, равную 10 миллионам денариев (что по цене на начало 2010 г. составляет свыше 27 миллионов долларов или около 17 миллионов фунтов стерлингов. – *Ред.*), хотя все, вероятно, понимали, что изначально долги Птолемея Авлета составляли гораздо большую сумму, чем эта. В то же время Цезарь не попытался требовать с египтян военную контрибуцию, хотя то, что сначала они защищали дело Помпея, оправдало бы Цезаря, если бы он сделал это. Этим способом и путем передачи Кипра в дар Египту он старался добиться благосклонности александрийцев, но, к сожалению, его усилия в этом направлении были полностью сорваны интригами Потина. Вероятно, было бы нетрудно собрать 45 тонн серебра (10 миллионов денариев по 4,5 грамма серебра в каждом. – *Ред.*), но Потин предпочел отправить в переплавку царскую золотую посуду и богатые сосуды из храмов, чтобы обратить их в деньги. Он приказал поставить на царский стол деревянные и глиняные блюда и кубки и сделал так, чтобы об этом стало известно горожанам, он хотел показать им нужду, до которой довела их алчность Цезаря. Тем временем Потин снабжал римских солдат зерном очень плохого качества и в ответ на их жалобы говорил им, что они еще должны быть благодарны за то, что вообще что-то получают, потому что у них нет на это права. Он также не замедлил сказать Цезарю, что тому не следует тратить свое время в Александрии или заниматься пустяковыми делами Египта, когда срочные дела, вероятно, зовут его назад в Рим. Его манера обращения к диктатору была постоянно грубой и враждебной, и почти нет никаких сомнений в том, что он строил против него заговор и держал связь с Ахиллесом.

Вскоре внезапно начались военные действия более или менее случайного характера, и Цезарь не замедлил нанести свой первый удар по врагам. Узнав, что они пытаются посадить людей на свои корабли, которые стояли на приколе в западной части Большой гавани, и зная, что сам он недостаточно силен, чтобы удержать или использовать больше чем несколько из них, Цезарь послал небольшой отряд, которому удалось поджечь и уничтожить весь флот, состоявший из 50 боевых кораблей, которые во время последних боевых действий были одолжены Помпею, из 22 сторожевых кораблей и 38 других судов, оставив противнику только те суда, которые стояли в гавани Счастливого Возвращения за дамбой. В этом пожаре, по-видимому, сгорели и некоторые постройки на набережной рядом с гаванью, а также

была уничтожена какая-то часть знаменитой Александрийской библиотеки. Но то, что писатели того времени умалчивают об этой катастрофе, указывает на то, что потеря была невелика и, по-моему, можно не считаться с утверждением более поздних авторов о том, что тогда сгорела вся библиотека. Следующим ходом Цезаря был захват Фаросского маяка и восточной оконечности острова, на которой он был построен, в результате чего вход в Большую гавань был заблокирован, а выход кораблей самого Цезаря в открытое море превратился в маневр, который можно было совершить в любой момент. Одновременно Цезарь быстро построил сильные укрепления во всех уязвимых точках своей сухопутной обороны и тем самым полностью обезопасил себя от прямого нападения.

Его не очень беспокоила эта ситуация. Говорят, что Цезарю приходилось не раз бодрствовать всю ночь, чтобы обезопасить себя от рук наемных убийц. Но никакое непредвиденное обстоятельство такого рода не помешало ему наслаждаться жизнью в Александрийском дворце. С ранней юности Цезарь, вероятно, привык к мысли о кинжале наемного убийцы. Его многочисленные любовные интрижки делали возможность внезапной смерти неотвратимой каждый день, а карьера политика и правителя тоже постоянно подставляла его под возможное покушение. Ревность мужей, чьих жен он соблазнил, месть людей, выживших после массовых избиений, которые он спровоцировал, возмущение политиков, чьим амбициям он мешал, и ненависть огромного количества людей, которых он так или иначе обидел, подвергали жизнь Цезаря постоянной опасности. Поэтому махинации Потина не достигли цели, боевой дух и изобретательный ум великого римлянина по-прежнему были на высоте, и он сделал в сложившейся ситуации то, что, попросту говоря, было бессовестным соблазнением царицы Египта.

Клеопатра, по-видимому, испытывала такое же сильное влечение к Цезарю, какое он испытывал к ней. И хотя сначала каждый из них осознавал, каким преимуществом он будет обладать, завоевав сердце другого, и регулировал свои действия соответствующим образом, видимо, не стоит сомневаться в том, что после пары дней близкого дружеского общения между ними возникла самая настоящая романтическая привязанность. Со стороны Клеопатры, безусловно, любовь была полна свежести первого серьезного чувства в жизни, а со стороны Цезаря несомненна страсть далеко не юного (родился в 102 или 100 г. до н. э., то есть 54 или 52 года в 48 г. до н. э. – *Ред.*) мужчины, который наслаждался живостью и прелестью прекрасной

девушки. Будучи уже в возрасте, Цезарь тем не менее был, как сказал бы романтик, идеальным любовником. Его красивое лицо с резкими чертами (Цезарь принадлежал к древнему римскому патрицианскому роду Юлиев. – *Ред.*), атлетическая и изящная фигура, привлекательные манеры и удивительные и великие дела, которые он совершил, были предназначены для того, чтобы завоевывать сердца женщин. А для Клеопатры он, вероятно, обладал особой притягательностью благодаря своей репутации храброго и надежного человека в любой ситуации, а также благодаря демонстрируемому им в тот момент хладнокровию и кажущейся беспечности.

На тот момент Цезарь пребывал в отпускном настроении и вел во дворце жизнь полную веселья. Он сбросил с себя государственные заботы с легкостью, которая стала частой практикой в искусстве снимать с себя ответственность. И когда 25 октября Цезарь получил из Рима весть о том, что его сделали диктатором на следующий, 47 г. до н. э., он почувствовал, что причин для беспокойства нет. Пока несчастный юный Птолемей дулся, отойдя на второй план, Цезарь и Клеопатра открыто искали общества друг друга и веселились вместе, казалось, почти целыми днями. С таким мужчиной, как Цезарь, результат близкого общения был неизбежным; также можно было не ожидать, чтобы беспечная и импульсивная двадцатилетняя девушка будет вести себя осторожно и пристойно в таких необычных и волнующих обстоятельствах. Возможно, что Клеопатра уже прошла через брачную церемонию со своим братом-соправителем, согласно обычаю египетского царского двора, но весьма маловероятно, чтобы это было чем-то большим чем пустая формальность, и нет причин сомневаться в том, что она еще не знала мужчины, когда встретила Цезаря. Ребенок, которого она в должные сроки родила диктатору, был ее первенцем; но если бы ее предыдущий брак не был формальным, она, возможно, уже наслаждалась бы преимуществами материнства, если принимать в расчет ее плодовитость впоследствии.

Веселая жизнь в осажденном дворце и развитие любовных отношений, разворачивающихся в нем, были грубо нарушены двумя последовательно произошедшими событиями, которые немедленно вызвали действительно серьезные боевые действия. Маленькая принцесса Арсиноя, которая, как и все женщины рода Птолемеев, вероятно, была наделена сильным духом и бесстрашием, внезапно скрылась из пределов римских оборонительных рубежей в сопровождении своего *nutritius* (воспитатель, наставник. – *лат.*) Ганимеда и присоединилась к

египетской армии под командованием Ахиллеса. Заговор, составленный, без сомнения, Ганимедом, имел своей целью возвести принцессу на трон, пока Клеопатра и двое ее братьев находились фактически в заточении на мысе Лохиас. И как только Арсиноя и Ганимед добрались до штаба египетской армии, они начали открыто подкупать всех офицеров и чиновников для достижения своей цели. Но Ахиллес, который вел свою игру, решил, что умнее будет остаться верным своему монарху и попытаться спасти его из когтей Цезаря. Вскоре между Ганимедом и Ахиллесом возникла ссора, которая закончилась убийством последнего, а его функции тотчас были взяты на себя его убийцей, после чего война пошла с новой силой. Перед смертью Ахиллеса Потин тайно связался с ним, по-видимому с целью обсуждения возможности убийства Цезаря и осуществления бегства царя Птолемея и его самого из дворца, прежде чем Арсиноя и Ганимед начнут контролировать ситуацию. О заговоре Цезарю сообщил его брадобрей, «суетливый человек, занимавшийся подслушиванием, чрезмерная робость которого заставляла его во все совать свой нос». И на пиру в честь примирения Птолемея и Клеопатры Потин был арестован и немедленно обезглавлен – смерть, которую поэт Лукан считает слишком хорошей для него, так как именно такой смертью умер великий Помпей. Пока, насколько можно судить теперь, Цезаря можно полностью оправдать за то, что он убрал этого злокозненного евнуха с дороги во избежание дальнейших бед. Потин принадлежал к той категории придворных, которая встречается на протяжении всей истории Востока и неизменно вызывает осуждение более нравственного Запада. Но все же следует помнить один факт, который говорит в пользу Потина: насколько нам известно, он одинаково энергично плел интриги как ради своего юного царя Птолемея, так и ради своего собственного продвижения, а его предательские шаги были направлены против угрожающего вторжения силы, которая безжалостно разрушала жизнь царских домов обозримого мира. Преступление Потина против проигравшего Помпея было не более подлым, чем многие из известных деяний царского двора, которому он служил. А того факта, что он, подобно двум другим участникам заговора, Ахиллесу и Теодоту, заплатил за свои дела кровью и жизнью, достаточно, чтобы избавить его, жившего в те далекие времена, от дальнейших проклятий.

Первыми военными действиями, которые вызвали у Цезаря дурные предчувствия, а у его солдат беспокойство, было загрязнение врагом его запасов воды. Царский квартал получал питьевую воду по подземным каналам, соединяющимся с озером,

расположенным за городом. И как только Цезарь понял, что с этими каналами враг может что-то сделать, он попытался прорваться в южном направлении, возможно по широкой улице, которая вела к Вратам Солнца и озеру Харбор. Но здесь Цезарь встретил упорное сопротивление, и потери в живой силе были бы очень велики, если бы он продолжил свои попытки. Однако, к счастью, на осажденной территории была найдена в большом количестве пресная вода, о существовании которой никто и не подозревал. Таким образом, Цезарь был избавлен от бесславного отступления из города, в который он вошел с такой помпой, и от вынужденного возвращения на родину по Средиземному морю, когда возложенная им на себя задача оставалась незаконченной, а его честолюбивые планы на будущее Клеопатры невыполненными.

Вскоре он получил желанную весть о том, что 37-й легион прибыл из Малой Азии с запасами продовольствия, оружием и осадными орудиями и корабли бросили якорь на некотором расстоянии от побережья Египта, не имея на тот момент возможности прибыть к Цезарю из-за противного ветра. Цезарь немедленно отплыл на всех своих кораблях, чтобы встретить их, причем на кораблях были только их команды с острова Родос, а все войска оставались удерживать рубеж обороны на суше. Соединившись с подкреплениями, Цезарь вернулся в гавань, с легкостью разгромил эскадру египетских кораблей, которая собралась севернее острова Фарос, и с победой вернулся к месту швартовки у стен дворца.

Он был настолько уверен в своей силе, что затем обогнул на кораблях этот остров и напал на египетский флот в его собственной гавани за дамбой, нанеся египтянам тяжелые потери. Затем Цезарь высадился на западной оконечности острова Фарос, который все еще удерживал враг, взял укрепления штурмом и соединился со своими собственными силами, которые были расположены вокруг маяка на восточной оконечности острова. У него был план пройти по Гептастадиуму и, удерживая таким образом и остров, и дамбу, овладеть западной гаванью Счастливого Возвращения и, наконец, вбить в город клин с этой стороны. Но здесь Цезарь потерпел опасное поражение. В то время, когда он лично возглавлял атаку на южную, или городскую, оконечность Гептастадиума, а его люди хлынули на него с острова и с кораблей, стоящих в Большой гавани, египтяне предприняли энергичную атаку на его северную оконечность, тем самым отрезав римлян на узкой дамбе, к ужасу тех, кто наблюдал за сражением с мыса Лохиас. К счастью, римские корабли были поблизости и подобрали тех, кто уцелел в этом кровопролитном

бою, когда враг начал теснить римлян с обоих концов дамбы. И некоторое время спустя римские воины взобрались на борт кораблей и уже на полной скорости гребли по Большой гавани. Но на палубу судна, на котором был Цезарь, запрыгнуло такое количество людей, что оно опрокинулось, и теперь перед нами драматическая картина: властелин римского мира спасает свою жизнь вплавь в спокойных водах гавани, держа в вытянутой вверх руке сверток с важными документами, которые он имел при себе в момент катастрофы; Цезарь тащит за собой свой алый военный плащ, зажав его в зубах, и при этом постоянно окунает свою уже довольно лысую голову в воду, чтобы уклониться от метательных снарядов, которые пускали в него победители-египтяне, неистовствовавшие на отбитой у римлян дамбе и кричавшие все одновременно. Но вскоре Цезаря подобрал и принял на борт один из его кораблей, и великий полководец вернулся во дворец, сильно замерзший, в промокшей одежде, с которой ручьями текла вода, потеряв уже в конце плащ, который был заветным символом его ранга. В этом бою погибли четыреста легионеров и некоторое количество моряков; большинство из них утонуло. И теперь, возможно, впервые Цезарю начало казаться, что эта война, которую он вел, не была такой забавной игрой, какой он ее считал. На протяжении по крайней мере четырех месяцев он развлекался во дворце, проводя дни в безделье за своими превосходными и надежными укреплениями, а ночи – наслаждаясь обществом Клеопатры. До того момента Цезарь, вероятно, постоянно получал вести из Рима, где его дела вел Антоний, его громогласный, но надежный помощник, и, очевидно, там не происходило ничего, что делало бы необходимым его возвращение. Будучи во дворце, он не был окружен и не должен был драться за свою жизнь (а широко распространена именно такая точка зрения), и мне кажется, что его положение в течение всего времени пребывания там было открытым в той же мере, в какой оно было безопасным. Цезарь в любой момент мог уйти в открытое море; и если бы он счел это желательным, он мог бы за несколько недель по Средиземному морю достичь Италии, сделать там свои дела, собрать подкрепления и снова возвратиться в Александрию, и все это без особого риска. Его флот был хорошо обученным и боеспособным, проявив себя, например, в случае, когда он вышел в море навстречу 37-му легиону. И, как и в том случае, римские войска в Александрии можно было оставить на их надежно укрепленных позициях. Припасов, поступивших из Сирии, было много, а корабли, команды которых были набраны на Родосе, доставив его на место, как ранее на Кипр, могли бы вернуться к своим

обязанностям в Александрии, чтобы обеспечивать закрепившемуся здесь римскому войску надежное и непрерывное поступление припасов и провианта.

Таким образом, очевидно, что у Цезаря не было желания отказываться от удовольствий той зимы в египетской столице, где он был полностью поглощен и миниатюрной царицей этой страны, и проблемами, которые были ею ему изложены. Он был пожилым мужчиной, и груз лет заставлял его на время почувствовать отвращение к постоянным тревогам и заботам, которые ожидали его в Риме. Его честолюбивые цели на Западе были достигнуты, и теперь, оказавшись вовлеченным в то, что я назвал бы легкоуправляемой и совсем не опасной войной, он был полон решимости довести ее до неизбежного конца и найти в этой интересной и временами волнующей задаче оправдание тому, что он остается рядом с женщиной, которая на тот момент была объектом его непредсказуемой привязанности. Цезарь уже начал понимать, что подчинение Египта его воле было очень важным политическим вопросом, как я объясню ниже; и он испытывал острейшее нежелание предоставлять царицу самой себе как по этой причине, так и по той, что она завладела его сердцем. В последующие годы Цезарь не вспоминал эту войну с достаточным интересом, чтобы появилось желание записать ее историю, как он это делал во время других военных кампаний; но он велел одному из своих сподвижников написать официальный отчет о ней. Этот автор постарался показать, что борьба была жестокой. Но хотя такое толкование этой войны и было единогласно принято, его следует принимать с осторожностью и к нему не следует относиться серьезнее, чем к утверждению, что затянувшееся пребывание Цезаря в Александрии было вызвано прежде всего летними ветрами на Средиземном море, преимущественно северо-западными и северными, которые затрудняли его кораблям выход из гавани. Эти ежегодно дующие ветры могли бы задержать его возвращение на боевых кораблях, могущих идти только на веслах, на неделю или две, но очевидно, что у Цезаря не было желания отправляться в плавание. И автору произведения *De Bello Alexandrino* было, без сомнения, позволено прикрыть явное пренебрежение Цезарем важными делами Римского государства, приписав его продолжительное отсутствие силе врага и превратностям судьбы.

Но теперь, после поражения на Гептастадиуме, Цезарь, по-видимому, окончательно решил наказать александрийцев и продолжить кампанию более энергично. Вскоре он, видимо, получил весть о том, что через пустыню из Сирии к нему на помощь идет большая армия под совместным командованием

Митридата из Пергама, родного сына Митридата Великого, а также римского прокуратора Иудеи Антипатра, отца Ирода (марионеточный царь Иудеи [с 40 г., фактически с 37 г. до н. э.] Ирод, сын Антипатра, родился ок. 73 г. до н. э., был назначен на этот пост римским сенатом, умер в 4 г. до н. э. Хорошо известен описанным в Новом Завете избиением младенцев [Мф., 2: 16]. – *Ред.*). Цезарь знал, что с приходом этой армии он сможет подавить любое сопротивление и навязать свою волю Египту. Поэтому теперь он сделал шаг, который ясно показывает его решимость вести дела так сурово и безжалостно, что Клеопатра быстро станет единственной правительницей страны и займет такое положение, что сможет всю мощь своего царства передать в его руки.

Принцессе Арсиное не удалось стать царицей Египта, несмотря на усилия Ганимеда, а царская армия все еще предпринимала попытки спасти царя Птолемея и воевать под его знаменем. Поэтому Цезарь принял решение передать ей этого молодого человека, зная, как предполагает историк этой войны, что вероятность того, что такой поступок приведет к прекращению боевых действий, ничтожно мала. Он признавал, что целью этого шага было дать Птолемею возможность разработать условия мира, но он без колебаний официально записал свое мнение, что в случае продолжения войны для Цезаря было бы гораздо почетнее воевать против царя, чем против «толпы подонков всех мастей и изменников». Однако, как мне кажется, правда состоит в том, что Цезарь хотел избавиться от мальчишки, который стоял на пути свершения его планов в отношении единоличного правления Клеопатры. А отдав его своим врагам в тот момент, когда весть о приближении армии из Сирии сделала поражение египтян абсолютно бесспорным, Цезарь обеспечивал молодому человеку неизбежную смерть или деградацию. Несчастный Птолемей, вероятно, осознавал это, так как, когда Цезарь велел ему отправляться к его друзьям за линией обороны римлян, тот расплакался и стал умолять позволить ему остаться во дворце. Юный Птолемей прекрасно понимал, что у египтян нет ни одного шанса на победу, что, как только он окажется со своим народом, завоеватель начнет относиться к нему как к врагу и накажет соответственным образом. Но Цезарь, со своей стороны, понимал, что, если в момент победы римлян Птолемей по-прежнему будет находиться под его защитой, будет трудно не выполнить условия завещания Авлета и не сделать его соправителем Клеопатры. Поэтому слезам юного царя и парадоксальным уверениям в преданности Цезарь не придал никакого значения, и Птолемей немедленно был выброшен из

дворца и попал в радушные объятия александрийцев, а его младший брат, которого Цезарь предназначил на далекий трон Кипра, остался вместе с Клеопатрой под охраной римлян.

Идущая на помощь армия из Сирии вскоре подошла к восточной границе Египта и, взяв Пелусий штурмом, дала сражение царским войскам недалеко от устья Нила. Египтяне были с легкостью разгромлены, и захватчики пошли по восточному краю дельты Нила в сторону Мемфиса (неподалеку от современного Каира), ниже которого они переправились на западный берег Нила. После этого юный Птолемей, не ожидая пощады от Цезаря, бесстрашно встал во главе тех войск, которые можно было отвлечь от осады Александрийского дворца, и пересек дельту, чтобы скрестить мечи с Митридатом и его союзниками. Как только он ушел из города, Цезарь, оставив небольшой гарнизон во дворце, вышел на кораблях из гавани с таким количеством солдат, какое могло разместиться на его кораблях, и двинулся на восток, как будто направляясь к Пелусию. Однако под покровом темноты он повернул в противоположном направлении и еще до рассвета высадился на пустынном берегу в нескольких милях к западу от Александрии. Так Цезарь с легкостью перехитрил египтян и, кстати, продемонстрировал, что на протяжении всей осады он мог по своему желанию абсолютно свободно приходить и уходить по воде. Идя вдоль западной границы пустыни, как его союзники из Сирии прошли раньше вдоль ее восточной границы, Цезарь соединился с ними на юге дельты севернее Мемфиса и немедленно развернулся, чтобы атаковать приближающуюся египетскую армию. Узнав о приближении римлян, Птолемей укрепился на сильной позиции у подножия кургана, где Нил был у него с одного фланга, а болото – с другого, а впереди него находился искусственный канал. Но союзники после двухдневного сражения обошли его позиции и добились полной победы. Обходной маневр был доверен некоему Карфулену, который впоследствии пал в сражении при Мутине, воюя против Антония, и этот военачальник сумел прорваться в лагерь египтян. При его приближении Птолемей прыгнул на борт одного из кораблей, которые стояли на якоре в Ниле, но вес беглецов, которые последовали его примеру, потопил судно, и молодого царя больше никто живым не видел. Говорят, что его тело было впоследствии опознано по золотому нагруднику, который носил юный Птолемей и который, несомненно, своим весом способствовал его быстрой смерти. Его трагический конец в возрасте пятнадцати лет освободил Цезаря от смущающей необходимости либо простить Птолемея XII и сделать

соправителем Клеопатры, согласно условиям завещания его отца, либо привезти его пленником в Рим и предать смерти, как это было принято, после очередного триумфа Цезаря. Мальчик предвидел судьбу, которая была ему выбрана, когда со слезами умолял позволить ему остаться во дворце. А его внезапная смерть в мутных водах Нила положила конец жизни, которая за последние годы была невыносимо омрачена знанием того, что его существование является препятствием для жестоких честолюбивых замыслов Цезаря, и ужасом перед неминуемой и скорой смертью. 27 марта 47 г. до н. э. Цезарь вместе с кавалерией с триумфом вошел в Александрию, и теперь ее ворота были широко распахнуты для него. Жители города, одетые в траурные одежды, прислали к нему свои делегации просить о прощении и пощаде и вынесли к нему статуи своих богов в знак своего полного повиновения. Принцесса Арсиноя и Ганимед были переданы Цезарю как пленники; он с пышностью проехал через город к дворцу, где с распростертыми объятиями его как героя-завоевателя и спасителя приняла Клеопатра.

Глава 4
Мать

Смерть Птолемея и подчинение Цезарю Александрии привели войну к явному завершению, и Цезарь, снова оказавшись в комфортабельной дворцовой резиденции, получил наконец возможность довести до конца свои планы по улаживанию дел в Египте, исполнению которых так долго мешала военная кампания. Младшему брату Клеопатры, юному Птолемею, было всего лишь одиннадцать лет, и он, по-видимому, еще не проявил таких явных признаков интеллекта или сильного характера, которые сделали бы его помехой либо Цезарю, либо его сестре, и поэтому было решено, что его следует возвести на трон во дворце его погибшего брата как номинального царя и супруга Клеопатры. Следует помнить, что Цезарь подарил этому молодому человеку и его сестре Арсиное Кипр, но теперь, когда последняя стала пленницей, покрыв себя бесчестьем, а первый не был еще достаточно зрелым, чтобы стать в Египте источником неприятностей, островное царство им не навязывали. Александрийцам, военные действия которых против Цезаря так прекрасно развлекали его, пока он продолжал свой роман с Клеопатрой, Цезарь показал, что хочет быть снисходительным, и предпочел рассматривать сильное опустошение, причиненное некоторым районам их города, как достаточное наказание за их преступления. Однако Цезарь наделил евреев равными правами с греками, учтя их помощь в недавней войне, – шаг, который, вероятно, вызвал некоторое раздражение у большинства горожан. Затем он создал регулярную римскую оккупационную армию для оказания помощи Клеопатре и ее младшему брату, сидящим на троне, и для поддержания порядка в Александрии и во всей стране. Эта армия состояла из двух легионов, которые выдержали вместе с ним осаду во дворце, и третьего легиона, который прибыл из Сирии. Командующим этой армией Цезарь назначил талантливого военачальника по имени Руфин, который поднялся из рядовых благодаря своим личным достоинствам, будучи изначально одним из вольноотпущеников Цезаря. Обычно пишут, что, передавая командование армией человеку с таким положением в обществе, а не представителю сената, Цезарь продемонстрировал свое презрение к Египту, но я придерживаюсь того мнения, что этот шаг был сделан осознанно, чтобы сохранить власть в стране полностью в своих собственных руках, так как Руфин, без сомнения, был пешкой Цезаря. Нам

неизвестно, что стало с солдатами Габиния, которые воевали против Цезаря, но вполне возможно, что они были распределены по легионам, размещенным в других уголках римского мира.

Наступил апрель, и Цезарь находился в Египте уже больше шести месяцев. Первоначально он намеревался возвратиться в Рим, по-видимому, в ноябре прошедшего года, но открытое неповиновение александрийцев и последующая осада дворца дали ему разумный повод остаться с Клеопатрой. Будучи по натуре конъюнктурщиком, Цезарь за эти месяцы сам сильно заинтересовался делами Египта, и, как мы уже увидели, они, а также страсть к царице полностью завладели его вниманием. Конец войны, однако, означал для него не угасание этого интереса, а, скорее, появление возможности для претворения своих замыслов в жизнь. Вероятно, на Цезаря произвели большое впечатление возможности широкой эксплуатации, которые предлагал Египет. Клеопатра, несомненно, рассказала ему многое о чудесах этой страны, удостовериться в которых у нее самой еще так и не нашлось случая. Цезарь узнал от нее (и получил видимые доказательства) о богатствах долины Нила, и его марш-бросок через его дельту наверняка показал ему изобилие этой страны. Не было человека, на которого не произвело бы впечатление зрелище тянущихся на много миль пшеничных полей, которые можно было видеть в Нижнем Египте; и до Цезаря, несомненно, доходили сообщения о богатстве районов в верхнем течении Нила, где мирное и законопослушное население находило время и для сбора урожая с плодородных земель три раза в году, и для постройки огромных храмов для своих богов и дворцов для своей знати. Ежегодный налог только на зерно в Египте, который выплачивался натурой, вероятно, доходил где-то до 20 миллионов бушелей (мера объема жидкостей и сыпучих веществ, которая в Англии равна 36,4 литра, а в США 36,2 литра. – *Пер.*) – такая цифра была во время правления Августа. И этот факт, если не какой-нибудь другой, наверное, вызвал у Цезаря большую алчность.

Вероятно, он также слышал о торговле с Индией, которая уже начала процветать и несколько лет спустя приобрела огромную важность. И ему, несомненно, рассказывали о почти сказочной стране Эфиопии, преддверием которой был Египет и откуда текли воды Нила. Египет всегда был страной спекуляций и привлекал к себе в равной степени и интерес финансиста, и воодушевление завоевателя. И воображение Цезаря, вероятно, возбуждали те честолюбивые замыслы, которые будоражили умы столь многих завоевателей этой страны точно так же, как три века назад (в 332 г. до н. э.) это произошло с Александром Великим. Понимая, что

его работа в Галлии и на северо-западе Римской державы уже в большей или меньшей степени закончена, Цезарь мог рассмотреть целесообразность того, чтобы привести римских легионеров в самые дальние уголки Эфиопии, пересечь Красное море и высадиться в Аравии или проникнуть, как Александр, в Индию и удивительные царства Востока. Египет считался вратами в эти земли. Торговый путь из Александрии в Индию с каждым годом приобретал все большую известность. Купцы плыли вверх по течению Нила до города Коптоса, а затем караванами переходили пустыню до порта Береника, откуда с муссоном отплывали в город Музирис на западном побережье Индии рядом с современным Майсуром. (Греки из Египта плыли вдоль южного берега Аравии, затем, пересекая Аравийское море, в совр. Камбейский залив, севернее совр. Мумбаи [Бомбея] – в индийские порты Бхригукачха [совр. Броч] и Сопар и уже затем плыли на юг, к Музирису [в районе совр. г. Кочин]. Уже позже [во II в. н. э.] греки из Египта проникли в порты Индокитая и Южного Китая. – *Ред.*) Возможно, Цезарь поддался притягательности далекого завоевания и исследования, которые по причине географического положения Египта вдохновляли так много умов, и позволил своим мыслям совершать путешествия вместе с купцами по великим дорогам на Восток. Он, должно быть, всегда сознавал, что непокоренные парфяне сделают поход через Азию в Индию самым трудным и опасным предприятием, и испытывал некоторые сомнения в том, сможет ли он повторить подвиги Александра Великого на этом пути. Но здесь через Египет пролегала дорога на Восток, по которой можно было идти без серьезного риска. Купцы обычно покидали Беренику, расположенную на египетском побережье, приблизительно в середине июля, когда Сириус всходил вместе с солнцем, и добирались до западного берега Индии около середины сентября. И было бы действительно странно, если бы Цезарь не обдумывал возможность перевезти свою армию по этому морскому пути в страны, завоеванные Александром, о подвигах которого он любил читать.

Множество возможностей вроде этих, вероятно, занимали его ум и, вероятно, стали одной из причин его желания остаться в этой пленительной стране еще немного. Но была еще одна, и более важная, причина, которая побуждала его подождать еще несколько недель в Египте: Клеопатра собиралась стать матерью. Семь месяцев прошло с тех октябрьских дней, когда Цезарь столь энергично взялся за осуществление задачи по завоеванию любви царицы и добился того, что она уступила его желаниям. И теперь через несколько недель ему на руки положат ребенка, плод их

любви. Хоть Цезарь и был старым распутником, кажется, что он увидел в нынешней ситуации нечто отличное от того, что случалось с ним раньше. Клеопатра своим блестящим умом, приподнятым настроением, своим особым шармом в поведении, своей храбростью и безграничным оптимизмом сумела удержать его любовь на протяжении этих месяцев их тесной близости; она затронула чувствительную сторону его натуры, и он не смог устоять. Он пожелал быть рядом с ней в час испытания и, кроме того (ведь в действиях Цезаря в Египте всегда был как практический, так и сентиментальный мотив), вполне вероятно, что он лелеял надежду получить от Клеопатры наследника своего земного богатства и положения, который со временем будет признан полностью законным. Долгое общение с царицей во многом изменило точку зрения Цезаря, и я полагаю, можно почти не сомневаться в том, что его разум с нетерпением ждал развития событий и революционных изменений в своей жизни.

По желанию Клеопатры Цезарь теперь позволял, чтобы египтяне признавали его божественным супругом царицы, воплощением бога Юпитера-Амона на земле. Между ними была заключена некая форма брака, или, по крайней мере, народ Египта, если не циничных александрийцев, заставили признать их законный союз. Приближающееся рождение ребенка сделало необходимым, чтобы Клеопатра обнародовала свои отношения с Цезарем и одновременно доказала своим подданным, что она, их царица, является не просто любовницей предприимчивого римлянина. Поэтому, как только ее брат и формальный муж Птолемей XIII погиб, она начала убеждать народ своей страны, что Юлий Цезарь – это великий бог Египта, сошедший на землю, и что ребенок, который должен появиться на свет, – это потомок их божественного союза. На стенах египетских храмов, особенно в Гермонтисе неподалеку от Фив, впоследствии появились барельефы, на которых была изображена Клеопатра, беседующая с богом Амоном в человеческом облике, и на которых боги помогают рождению божественного дитяти. Мифологический вымысел подобного рода использовался в Древнем Египте в отношении рождений и древних монархов, например Хатшепсут (ок. 1500 до н. э.) и Аменхотепа III (ок. 1400 до н. э.). В этих известных случаях царское происхождение ребенка было под вопросом, и по этой причине появлялась история о божественной связи. Так и в случае Клеопатры этот миф благодаря частому использованию стал привычным для контролируемых духовенством умов египтян и не был чем-то удивительным или оригинальным. В более поздние годы правления царицы события датировались, ведя отсчет от этого сверхъестественного события,

и до нас дошла эпитафия, сделанная в «двадцатом году от (или после) союза Клеопатры с Амоном».

Цезарю очень нравилось, что в Египте его считают божеством. Его кумир Александр Великий точно так же считался в Египте богом и объявил себя сыном Амона, и его изображали с рогами барана, как у этого бога, выступающими с двух сторон головы. И хотя у самого Цезаря вера в богов заметно отсутствовала, он всегда хвастался своим божественным происхождением, а его древний патрицианский род Юлиев прослеживал свои корни до Юла (Аскания, принявшего это имя), сына Энея, внука Анхиса и богини Венеры (Афродиты) (ок. 1152 г. до н. э. именно Асканий [Юл] основал колонию Альба-Лонга к юго-востоку от возникшего позже Рима. Альба-Лонга – легендарная родина основателей Рима Ромула и Рема. – *Ред.*). И есть причина предполагать, что Клеопатра пыталась поощрять представление Цезаря о самом себе как о боге на земле (автор не совсем понимает, кто такой Цезарь. Это римский аристократ, получивший римское воспитание и образование, римский боевой опыт. Тот, кто знаком с римской историей и великими римлянами, делавшими ее, поймет. И Юлий Цезарь занял свое место среди этих людей, создававших великую державу, на наследии которой стоит [пока] современная цивилизация. – *Ред.*). Сама она правила Египтом по богом данному праву и не считала вопросом, подлежащим сомнению, что она является представительницей бога-солнца здесь, на земле, посредницей между человеком и его создателем. Египтяне (если и не александрийцы – в основном греки и евреи) падали, распростершись на земле лицом вниз, когда видели ее, и приветствовали ее как богиню точно так же, как их отцы приветствовали древних фараонов. С самого раннего детства Клеопатру называли богиней, и в египетских храмах ее называли бессмертной, словно по бесспорному праву. Те, кто соприкасался с ней, разделяли с ней божественную благодать, а ее спутники в глазах ее египетских подданных были священными. Так, Цезарь, как ее супруг, стал богом; и как только ее связь с ним стала достоянием гласности, он *ex officio* (по должности. – *лат.*) получил божественный статус. Некоторое время спустя мы увидим, как даже в Риме он стал считать себя выше простых смертных и как перед своей смертью он, забыв о своем неверии в бессмертных (то есть богов), публично назвал себя богом на земле. Но в этот, египетский период его жизни такое принятие статуса бога не было ясно определено, и вполне вероятно, что Цезарь на самом деле не знал, кем себя считать. Клеопатра питала его разум странными мыслями и так льстила его тщеславию, хотя, наверное, и не намеренно, что Цезарь был

вполне готов поверить, что он сам каким-то образом произошел из лучшего мира (а Цезарь был в этом уверен, поскольку Юл [Асканий] – внук Афродиты [Венеры]. – *Ред.*). Клеопатра сама была, как все цари Египта, божественного происхождения; она любила Цезаря. Таким образом, мне кажется, она постепенно навязала ему осознание своей божественной природы, которое в последующие годы развилось в устойчивую веру.

Такое растущее осознание своей божественной природы Цезарем принесло с собой, конечно, ощущение монаршей власти, желание получить царские привилегии. Клеопатра теперь называет его своим супругом, и в Египте, как я уже говорил, его, очевидно, признали ее законным мужем. Цезарь уже был, фигурально говоря, царем Египта; а то, что он не был официально коронован как фараон, вероятно, должно быть отнесено на счет того, что он возражал против такой процедуры. Теперь египтяне, наверное, были готовы предложить ему трон Птолемеев точно так же, как они приняли Архелая, верховного жреца Команы (в Каппадокии), в качестве супруга Береники, единокровной сестры Клеопатры. И в эти дни, когда их молодая царица должна была вскоре стать матерью, вероятно, у людей было искреннее и сильное желание упорядочить ситуацию путем такого брака с Цезарем и путем его восхождения на трон. Ничто не могло быть более удачного с политической точки зрения, чем брак царицы с величайшим человеком в Риме, и мы уже видели, что ранее существовала какая-то идея о союзе с Гнеем Помпеем в то время, когда отец этого человека был фактическим правителем республики. Для разума египтянина тот факт, что Цезарь был уже семейным человеком, жена которого жила в Риме, не вызывал реальных возражений. Жена не родила ему сына, и поэтому с ней можно развестись в пользу более плодоносной лозы. Сама Клеопатра, по-видимому, очень хотела разделить свой египетский трон с Цезарем, так как она, несомненно, достаточно ясно видела, что, раз он уже стал самодержцем и фактическим диктатором Рима, вскоре они станут монархами всего римского мира. Если она сможет уговорить его, как Архелая из Команы, принять корону фараонов, появится веская причина предположить, что он попробует заставить Рим предложить ему верховную власть в своей собственной стране. Благодаря главным образом Помпею в столице Римской державы уже явно просматривалась тенденция к монархическому правлению; и они оба, Цезарь и Клеопатра, вероятно, понимали, что, если они будут вести свою игру искусно, трон в этом городе будет ожидать их в весьма недалеком будущем.

Клеопатра была ярой патриоткой, или, скорее, ее очень

волновала своя собственная судьба и судьба ее династии, и она, вероятно, с огромным удовлетворением наблюдала, в каком направлении развиваются события. Мужчина, которого она любила и который любил ее, мог в любой момент стать реальным правителем Рима и его доминионов; а ребенок, которого она собиралась подарить ему, если окажется мальчиком, станет наследником римского мира. На протяжении многих лет члены ее династии испытывали страх перед тем, что Рим прекратит их существование и поглотит их царство, присоединив его к республике, но теперь возникла возможность того, что Египет и земли, вратами в которые была долина Нила, станут равными Риму во главе великого объединения народов земли. Следует помнить, что Египет не был еще завоеван Римом (однако был зависимым царством, занять которое римляне могли тогда, когда это стало бы нужным, – что они и сделали в 30 г. до н. э. – *Ред.*) и являлся в то время самым богатым и значительным государством за пределами республики (автор преувеличивает. В описываемое время самыми мощными, помимо Римской державы, были Парфянское царство (все тот же вечный Иран – во главе с иранским племенем нардов [парнов], Ханьская империя [Китай]; кроме того, на территории Индии и сопредельных земель периодически возникали мощные империи [но в I в. до н. э. здесь было несколько соперничавших царств]. – *Ред.*). Александрийцы и египтяне считали себя самым главным народом в мире (по традиции, со времен Древнего Египта. – *Ред.*). Таким образом, для Клеопатры мечта о том, что Египет может сыграть главную роль в египетско-римской империи, была далеко не фантастической.

Ее политика в таком случае была очевидной. Она старалась удержать любовь Цезаря и в то же время заботливо лелеяла его растущее стремление стать монархом. Ей надо было так привязать его к себе, чтобы, когда наступит время, Клеопатра могла взойти на трон властелина мира рядом с ним. Она должна была сделать очевидным и постоянно напоминать ему о ее собственной власти и величии ее царского положения, чтобы у Цезаря в голове не возникло никаких сомнений в том, что ее плоть и кровь – и только они – подходят для того, чтобы смешаться с его плотью и кровью для основания того единственного царского рода, которому суждено править всей землей (авторское преувеличение. – *Ред.*).

Приближающееся материнство, по-видимому, сильно укротило необузданную натуру Клеопатры, а успех ее замыслов поднял ее самосознание на такой уровень, с которого она, вероятно, с презрением смотрела на свою былую борьбу с утонувшим Птолемеем, обезглавленным Потином, убитым

Ахиллесом и изгнанным Теодотом. Она, Клеопатра, была дочерью Солнца, сестрой Луны и родственницей богов; она соединилась с потомком Венеры (Афродиты) и других богов с Олимпа (Афродита, согласно Гесиоду, родилась из пены, возникшей из семени и крови в море там, куда Кронос [отец Зевса] бросил гениталии оскопленного им своего отца Урана. Это произошло у острова Китиры. Вышла же богиня на берег острова Кипр [отсюда Киприда]. – *Ред.*), а еще нерожденный отпрыск их союза станет поистине Царем Земли и Небес.

Историки, как древние, так и современные, сходятся в том, что Клеопатра была женщиной исключительного интеллекта. Ее характер, столь часто непредсказуемый во внешнем выражении, был в такой же степени доминирующим, в какой была сильной ее личность; и ей, вероятно, не составило труда воззвать к грандиозным честолюбивым замыслам великого римлянина. Когда ситуация того требовала, Клеопатра вела себя с достоинством, подобающим потомку древнего царского рода, и даже во время своих шальных выходок царское величие ее личности было всегда очевидно. В мире о ней осталось впечатление как о женщине, для которой величие монархии всегда имело большое значение, и ее влияние на Цезаря в этом отношении не следует игнорировать. Такой человек, как он, не мог прожить шесть месяцев в тесном общении с царицей и не почувствовать в какой-то степени чарующую силу царской власти. Она представляла монархию в ее абсолютном виде, и в Египте ее слово было законом. Сама атмосфера ее царского образа жизни, вероятно, представляла для Цезаря тему для размышлений, и та черта его характера, которая заставила его ненавидеть мысль о подчинении любому живущему на земле человеку, вероятно, вынудила его наблюдать за действиями самодержавной царицы с откровенным восхищением. Цезарь многое знал о царях Александрии и древних фараонах, и столь же несомненно то, что они заняли какое-то место в его голове. И вероятно, в его мыслях засела точка зрения Клеопатры как представительницы самого царского из царских родов мира.

Таким образом, мало-помалу под влиянием египетской царицы и под властью своих собственных неутомимых честолюбивых замыслов Цезарь начал серьезно подумывать о возможности создать всемирную империю, в которой он будет править как царь, став основоположником царского рода, который будет сидеть на троне высшей власти на земле во все грядущие века. Очевидно, ему приходило в голову, что цари должны править по праву крови и что его собственная кровь, хоть она и была благородной и, как говорили, имела божественное

происхождение, была не той, которая дала бы его потомкам неоспоримую власть над своими подданными. Человек, являющийся потомком многих царей, имеет право на царскую власть, которой не обладает сын завоевателя, каким бы благородным ни было его происхождение. Глядя вокруг себя с этой мыслью в голове, Цезарь не мог бы выбрать кого-то лучше Клеопатры для роли основательницы его родословной. В то время у римлян не существовало никакого царского рода, и поэтому греческий был самой лучшей, если не единственной возможной альтернативой; а царская династия Птолемеев в Египте была чисто македонской и восходила к военачальнику кумира Цезаря Александра Великого (Птолемей Лаг, основатель династии, происходил из греческого аристократического рода. – *Ред.*). В таком случае он вполне мог с воодушевлением рассматривать мысль о будущих монархах Рима, сидящих, согласно праву наследования, на древнем троне македонского Египта. А Клеопатру вдохновляла мысль о будущих фараонах, которые, кровь от ее крови и плоть от ее плоти, будут править Римом по праву, переходящему по наследству.

Клеопатре нужно было найти мужа. Она уже раньше откладывала свой брак, и уже прошел тот возраст, когда такое событие должно было произойти; любой союз с ее братом-соправителем не мог не быть лишь формальным. Теперь в ее жизнь вошел Цезарь, завладев ее девичьей любовью и сделавшись отцом ее ребенка, так что естественно предположить, что она всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении, будет пытаться сделать его своим супругом на всю жизнь, добавив тем самым к своей собственной царской породе кровь самого достойного человека Рима. Не может быть сомнений в том, что, удалось бы ей или нет сделать Цезаря фараоном Египта, она намеревалась передать египетский трон своему и его ребенку, прибавив к имени Птолемей имя рода Цезарей. Таким образом, можно сказать, хотя мое предположение сначала покажется поразительным, что Римская империя в большой степени обязана своим существованием египетской царице, так как монархия была во многих отношениях ребенком от союза Цезаря и Клеопатры.

Эти еще неопределенные стремления и надежды нашли весьма реальное и материальное выражение в желании Цезаря знать, будет ли ожидаемый ребенок девочкой или же сыном и наследником. Кажется вероятным, что решение остаться в Египте было в основном результатом его нежелания уезжать, прежде чем он получит ответ на этот вопрос. Это и родительская ответственность, которую он ощутил, наверное, впервые в своей постыдной в отношениях с женщинами жизни (но великой и

славной в остальном. – *Ред.*), заставили его отложить возвращение в Рим. По-видимому, Цезарь испытывал огромное чувство нежности по отношению к царице, которую он начал считать своей женой, и, без сомнения, очень хотел быть рядом с ней во время испытания, через которое должна была впервые в своей жизни пройти юная девушка хрупкого телосложения. Среди историков было принято приписывать затянувшееся пребывание Цезаря в Египте после окончания войны и улаживания там государственных дел этой страны чувственной привлекательности Клеопатры, которая, как подразумевалось, держала его в плену своих любовных чар и своей сладострастной красоты, а вышеупомянутое естественное жизненное обстоятельство полностью не принималось в расчет. Женщина, которая собирается оказать ту великую услугу, которую только может оказать представительница ее пола, не имеет ни возможности, ни желания возбуждать пылкие чувства в своем возлюбленном. Ее состояние требует от него большего проявления нежности в своей любви. Его ответственность выражается в предупредительности, интересе, сочувствии и благодарности; и совершенно глупо предполагать, что просто страсть, вроде той, которая, как считается, охватила Цезаря, могла в такое время повлиять на его действия. Если какая-то любовь и удерживала Цезаря в Египте, это была любовь мужа к своей жене, преданность мужчины, собирающегося стать отцом, женщине, которая в скором времени отдаст дань Природе в ответ на его подстрекательские действия. На самом деле, как мы уже видели, что-то большее, чем любовь, удерживало его в Египте. Там были честолюбивые замыслы, безудержное стремление и упоение завоевателя, которые обращали его мысли к новым победам; и там был высший интерес будущего царя, создающего трон, который будет занимать не только он, но и потомки Цезаря – его собственная кровь и плоть на все времена[2].

В ожидании желанного события Цезарь не бездействовал в Александрийском дворце. Он пожелал узнать для себя, каковы ресурсы страны, которую следовало считать приданым его жены. И поэтому Цезарь решил с этой целью совершить мирную экспедицию вверх по течению Нила. Поэтому для него и Клеопатры был приготовлен *dahabiyeh*, или дом-корабль, плывя на котором можно было извлечь пользу из праздной, но интересной жизни на реке. Его легионерам и довольно большому войску Клеопатры был отдан приказ готовиться к посадке на четыре сотни нильских судов, которые составили большую флотилию. Число кораблей наводит на мысль о том, что в экспедиции было задействовано несколько тысяч воинов; по-видимому,

намерением Цезаря было проникнуть далеко в Нубию (совр. Судан).

Царское судно, или *thalamegos*, как его называли греки, имело огромные размеры и приводилось в движение многими рядами весел. На нем были дворики с колоннадами, пиршественные залы, гостиные, спальни, места поклонения Венере и Дионису, а также грот или зимний сад. Деревом, использовавшимся при его постройке, была древесина кедров и кипарисов, а украшения были выполнены краской и тонким листовым золотом. Мебель была привезена из Греции, за исключением обстановки в столовой, которая была декорирована в египетском стиле. Остальную часть флота составляли боевые гребные корабли (униремы, биремы, триремы и т. д.) и обычные местные плавсредства и транспортные суда с запасами всего необходимого.

Из Александрии флот вошел в ближайший рукав Нила и так поплыл вверх по течению на юг к Мемфису (египетское название – Меннефер), на подходе к которому Клеопатра, наверное, впервые увидела великие пирамиды и Сфинкса. До древней столицы под названием Фивы (египетское название – Уасет), которая в тот период находилась в упадке, корабли доплыли, вероятно, недели за три. На Цезаря, наверное, произвели сильное впечатление великолепные храмы и памятники, расположенные по обоим берегам Нила. Возможно, это было его предложение, чтобы по приказу Клеопатры один из огромных обелисков одного из ее далеких предков был перенесен из храма в Луксоре у Фив в Александрию, где он был поставлен неподалеку от форума; надпись об этом перемещении была сделана на основании обелиска. Путешествие продолжалось, вероятно, до Сиены (совр. Асуан, древнеегипетский Сунну) и Первого порога, куда экспедиция добралась, наверное, через четыре-пять недель после отплытия из Александрии. Здесь Цезарь, по-видимому, снова обратил свой взор на север. Светоний (Гай Светоний Транквилл, ок. 70–140 н. э.; римский историк. – *Пер.*) утверждает, что он очень хотел продолжать путь дальше вверх по Нилу, но его войска стали проявлять беспокойство и склонность к мятежу, что неудивительно, так как потребовался бы огромный труд, чтобы перетащить суда через речной порог, а горячие южные ветры, которые часто дуют весной, сильно осложнили бы эту задачу. Температура воздуха в это время года могла внезапно подняться от приятно умеренной, характерной для зимы в Египте до невыносимого градуса летней жары и оставаться такой в течение четырех-пяти дней.

Что бы ни было, Цезарь повернул назад, удовлетворившись

богатством и плодородием египетской земли и, несомненно, получив максимум информации от местных жителей о торговых путях, которые вели от Нила в Беренику и далее в Индию или же далее на юг вверх по Нилу в Напату (центр Мероитского царства, в 23 г. до н. э. взят и разрушен римлянами. – *Ред.*) и Мероэ (столица Мероитского царства с IV в. до н. э. до III в. н. э., разрушена царем Аксума. – *Ред.*) и далее. Экспедиция вернулась в Александрию, вероятно, через девять или десять недель после своего отплытия из нее – то есть в конце июня; а, видимо, в первых числах июля Клеопатра родила.

Ребенок оказался мальчиком, и обрадованный отец получил сына и наследника, которого немедленно приняли египтяне как законного ребенка от союза их царицы с «богом Амоном, принявшим облик Цезаря». Ребенка назвали Цезарем или более фамильярно Цезарионом, это греческая уменьшительно-ласкательная форма того же имени. Но официально, разумеется, он также получил имя Птолемей и был XV и последним, кто носил это имя. Надпись на двух языках, сохранившаяся до наших дней в Турине, называет его «Птолемеем, который также носит имя Цезарь». Эту надпись можно часто увидеть в египетских надписях в виде *Ptolemys zed nef Kysares*, то есть «Птолемей по имени Цезарь».

Больше диктатор не мог медлить, находясь в Египте. За последние несколько месяцев Цезарь и думать забыл о римской политике и даже не трудился писать какие-либо депеши правительству на родине. Но теперь ему нужно было начать создавать всемирную монархию, о которой его заставила мечтать Клеопатра этой зимой. В первую очередь необходимо было провести военные кампании на средиземноморских границах; нужно было подчинить Парфию и затем вторгнуться в Индию и завоевать ее. И когда весь известный мир (про Китай забыли. – *Ред.*) станет подвластным Цезарю и только Египет и его данники не будут еще находиться под властью римлян, он одним махом объявит о своем браке с царицей этой страны, сольет ее земли и ее огромные богатства с владениями и богатствами Рима и провозгласит себя правителем земли. Это был великолепный честолюбивый замысел, достойный великого человека; и, как мы увидим через некоторое время, можно почти не сомневаться в том, что эти блистательные мечты превратились бы в реальность, если бы враги Цезаря не убили его накануне их осуществления. Современные историки в один голос заявляют, что Цезарь зря потратил время в Египте, посвятив любовной интрижке недели и месяцы, которые следовало бы потратить на управление делами римского мира. На самом деле эти девять месяцев были

потрачены далеко не зря, а на само создание основ будущей Римской империи. Да, планы Цезаря были сорваны ударами кинжалов его убийц, но, как можно будет увидеть впоследствии, они были реализованы Клеопатрой при помощи Антония и Октавианом.

Когда Цезарь выходил на корабле из Большой гавани Александрии, он, вероятно, с особым интересом обратил взгляд своих проницательных серых глаз на великолепные здания дворца, которые возвышались над городом, на мыс Лохиас, и, наверное, на его плотно сжатых губах заиграла спокойная улыбка при мысли о переменах, которые произошли с ним во время месяцев, проведенных в царской роскоши. Воодушевление перед делами, которые ему предстояло сделать, вероятно, горело внутри Цезаря огнем; но в его мыслях отчетливо отпечаталась картина: затемненная комната, в ней лежит своенравная и беспечная миниатюрная царица Египта, теперь притихшая и нежная, прижимая к груди новорожденного Цезаря, единственного наследника царства, которое включает в себя весь мир.

Глава 5
Жена

Перемещения Цезаря в течение года после его отъезда из Египта не требуют – учитывая цель этого повествования – подробного отчета. Из Александрии, которую он покинул приблизительно в середине первой недели июля, он на быстроходном гребном боевом корабле проплыл 500 миль по открытому морю до Антиохии и прибыл в этот город за несколько дней до середины этого же месяца. Там он провел день или два, улаживая тамошние дела, и в скором времени отплыл в Эфес, расположенный в 600 милях от Антиохии, куда он прибыл, наверное, в конце третьей недели июля. В Антиохии он узнал, что один из его полководцев, Домиций Кальвин, потерпел поражение от Фарнака, сына Митридата Великого, и был выбит из Понта. По-видимому, Цезарь немедленно отправил три легиона на помощь разбитому войску с приказом ожидать его прибытия в Северо-Западной Галатии или Каппадокии. Проведя один-два дня в Эфесе, Цезарь с необычайной быстротой отправился на эту встречу, взяв с собой лишь тысячу всадников. Прибыв в Зелу, что в 500 милях от Эфеса, 2 августа или раньше, он сразу же разгромил мятежников. В Галлии он имел обыкновение передвигаться очень быстро и даже с тяжело нагруженной армией преодолевал за сутки иногда более 40 миль (в 52 г. до н. э., идя на перехват спровоцированных на мятеж союзных галлов, Цезарь преодолел 74 километра за сутки с небольшим. Обычно римские легионы проходили около 30 километров в день за 5 часов, при этом каждый легионер нес груз 27 килограммов. – *Ред.*), как, например, во время его марш-броска из Рима в Испанию, который он совершил за 27 дней. Так что Цезарь мог присоединиться к своей основной армии и начать приготовления к сражению у Зелы еще в последние дни июля. Сокрушительное поражение, которое он нанес врагу столь быстро после принятия на себя командования, было очередным подвигом, которым можно было гордиться, и в письме в Рим своему другу Аманцию Цезарь описал эту победу в трех известных на весь мир словах «*Veni, vidi, vici*» («Пришел, увидел, победил»), которые так ясно указывают на то, что Цезарь начал считать себя кем-то вроде стремительного и непобедимого полубога.

Оттуда он отплыл, наконец, в Италию и добрался до Рима в конце сентября, почти год спустя после своего приезда в Египет. Он оставался в Риме не больше двух с половиной месяцев и

приблизительно в середине декабря отбыл в Северную Африку, где Катон, Сципион и другие беглецы и друзья Помпея учредили временное правительство при поддержке нумидийского царя Юбы и собирали силы. Прибыв в Гадрумет (древняя финикийская колония, совр. Сус в Тунисе. – *Пер.*) 28 декабря, он сразу же начал войну, которая вскоре закончилась полным разгромом и уничтожением врага в битве при Тапсе 6 апреля 46 г. до н. э. Знаменитые полководцы Помпея Фауст Сулла, Луций Африкан и Луций Юлий Цезарь были казнены, а Луций Манлий Торкват, Марк Петрей, Сципион и Катон совершили самоубийство. И если верить Плутарху, во время беспорядочного бегства были убиты около 50 тысяч солдат противников Цезаря (а 10 тысяч погибли в бою). Снова прибыв в Рим 25 июля 46 г. до н. э., Цезарь незамедлительно начал подготовку к своему триумфу (торжественный въезд победившей армии в Рим. – *Пер.*), который должен был состояться в следующем месяце. По-видимому, он уже послал гонцов к Клеопатре, которая провела спокойный год в материнских заботах в Александрии, с приглашением приехать с их ребенком в Рим.

По словам Диона, царица прибыла вскоре *после* триумфа, но некоторые современные авторы придерживаются того мнения, что она добралась до столицы вовремя, как раз к этому событию. Я склонен думать, что она совершила путешествие в Италию в компании египетских пленников, которые должны были быть продемонстрированы во время процессии: принцессы Арсинои, евнуха Ганимеда и других, за которыми Цезарь, наверное, послал в конце весны этого года, вскоре после сражения при Тапсе. Клеопатра не могла не хотеть своими глазами увидеть триумф Цезаря, так как она, вероятно, считала недавнюю войну в Александрии не столько римской войной против египтян, сколько подавлением силами египтян и римлян восстания в Александрии. Значительную часть кампании можно было истолковать как войну, которую Цезарь вел от ее имени и от имени ее брата Птолемея XII (или XIII), против мятежных Ахиллеса и Ганимеда, а позднее – против того же Птолемея, который переметнулся к врагу. Таким образом, победу могла праздновать как Клеопатра, так и ее защитник-римлянин. Поэтому ей подобало быть зрителем унижения Арсинои и Ганимеда, и ее присутствие в Риме в этот момент было бы для нее явно желательно, так как оно указывало бы на то, что она и ее страна не потерпели поражения. Цезарь же, со своей стороны, вероятно, желал присутствия Клеопатры, чтобы она могла своими глазами увидеть яркую демонстрацию его власти и популярности. Он только что стал диктатором в третий раз, и это назначение, несомненно, дало ему

ощущение надежности своего положения и неизбежности своего восхождения к монаршей власти, в котором Клеопатра и их сын должны были сыграть такую важную роль. Он начал считать себя выше критики, и его две большие победы, в Понте и в Африке, после девяти месяцев, прожитых царской жизнью в Египте, вскружили ему голову настолько, что он больше не считал целесообразным откладывать представление своей будущей супруги народу Рима. Цезарю еще нужно было многое совершить, прежде чем он смог бы взойти с ней на трон всемирного царства, но не может быть сомнений в том, что в тот момент он хотел, чтобы о Клеопатре узнали в столице. А раз так, то мне кажется очень вероятным, что самим фактом ее присутствия в качестве свидетеля своего триумфа Цезарь хотел опровергнуть любые предположения о том, что ее саму следует включить в число всего того, что было завоевано в Египте, о чем он постоянно хвастался.

Приезд в Рим царицы Египта, наверное, произвел сенсацию. Повозки с багажом и множество возбужденных евнухов и рабов, без сомнения, возвещали о ее приближении и следовали за ней в составе огромной свиты. Младший брат Клеопатры Птолемей XIII (или XIV), которому исполнилось в то время одиннадцать или двенадцать лет и которого она, наверное, боялась оставить одного в Александрии, чтобы он не последовал семейной традиции и не объявил себя единственным монархом, был вынужден сопровождать ее, значительно усилив суматоху вокруг ее приезда. Однако годовалый наследник Цезарей и Птолемеев в окружении охраны и суетящихся нянек, вероятно, был средоточием всеобщего внимания; ведь каждый римлянин догадывался о его происхождении, зная особенности характера (сексуального поведения. – *Ред.*) своего диктатора. Клеопатра с ее свитой разместилась в *transtiberini horti* (парк за Тибром) Цезаря, где среди прекрасных садов на правом берегу Тибра, неподалеку от места расположения современной виллы Панфили стоял очаровательный дом. Есть предположение, что законная жена Цезаря Кальпурния осталась хозяйкой другого дома, в городе.

Отношение Цезаря к Клеопатре в это время определить непросто. Не следует думать, что он по-прежнему сильно любил ее; такие натуры, как он, совершенно не способны к длительной сильной привязанности. Во время его пребывания в Северной Африке зимой и в начале весны его сильно пленила Евноя, жена короля Мавритании Богуда, и на время отсутствия Клеопатры Цезарь утешился тем, что сделал Евною своей любовницей. И все же царица Египта по-прежнему имела большое влияние на него, и, когда она приехала в Рим, можно предположить, что в его вилле, расположенной на другом берегу реки, они с

удовлетворением возобновили свою интимную жизнь, которой наслаждались в Александрийском дворце. Однако первое страстное увлечение закончилось, так что и Цезарь, и Клеопатра, вероятно, чувствовали, что основой их взаимоотношений теперь стало деловое соглашение, составленное для их обоюдной выгоды. Фактически они состояли в браке и имели твердую цель добиться того, чтобы этот брак был сейчас признан в Риме, как это уже случилось в Египте. Я полагаю, Цезарь испытывал огромное удовольствие, находясь в обществе остроумной, живой женщины царской крови, и он был чрезвычайно счастлив видеть ее на своей вилле, куда мог отправиться в любое время дня и ночи, чтобы насладиться ее блестящим, живительным обществом. Их младенец-сын тоже был для него источником интереса и радости. Теперь ему было четырнадцать месяцев, и его сходство с Цезарем, столь явно проявившееся в последующие годы, вероятно, уже было заметно. Светоний утверждает, что мальчик был очень сильно похож на своего отца и в его облике и поведении, особенно в походке, отчетливо проявлялось его происхождение. Это сходство, которое было хорошо заметно, должно быть, радовало Цезаря, который так гордился своей собственной внешностью и личностью, и оно, вероятно, связало его с Клеопатрой узами настолько постоянными, насколько что-то могло быть постоянным в его постоянно развивающейся и нетерпеливой натуре. Царица, со своей стороны, возможно, по-прежнему черпала огромное удовольствие в обществе великого диктатора, который представлял собой как идеал мужчины, так и являл собой высочайший общественный статус. Наверное, Клеопатре нравился ум Цезаря, деспотическая власть его воли и сила его личности. И хотя годы и нездоровье уже начали ослаблять его способность исполнять роль пылкого обожателя, Клеопатра, несомненно, находила в Цезаре привлекательного друга и мужа, с которым близость ежедневного общения давала настоящее счастье. Они настолько подходили друг к другу, насколько могли подходить две честолюбивые натуры; к тому же их неразрывно связывали воспоминания о былой страсти, которая еще не совсем закончилась, взаимопонимание, совпадение их житейских интересов и родительская ответственность.

Прибытие Клеопатры в Рим, конечно, вызвало сплетни, к которым Цезарь отнесся со своим обычным небрежным равнодушием. Люди жалели законную жену Цезаря Кальпурнию, которая, выйдя за него замуж в 59 г. до н. э., слишком часто оставалась одна без мужа, и римлян шокировало то, что сторонники Цезаря в открытую оказывают внимание египетской царице. Я не нахожу никаких фактов в оправдание современного

представления о том, что римское общество в то время было раздражено появлением в его среде женщины с Востока, так как все римляне, вероятно, знали, что в жилах Клеопатры не течет ни капли египетской крови, и понимали, что она по происхождению греко-македонянка, которая правит в городе, ставшем центром греческой культуры и цивилизации. Но в то же время есть данные, которые показывают, что римляне не любили Клеопатру. Цицерон писал, что терпеть ее не мог, а Дион пишет, что люди жалели ее сестру принцессу Арсиною, которая лишилась всего из-за успеха Клеопатры у Цезаря. Но в целом прибытие египетской царицы в Рим не вызвало такого переполоха, какой можно было бы ожидать, так как она, по-видимому, вела себя в столице тактично и сдержанно и избегала показухи.

Триумф, который Цезарь праздновал в августе для увеселения Рима и своего собственного удовольствия, состоял из четырех частей и длился четыре дня. В первый день Цезарь проехал по улицам Рима, играя роль завоевателя Галлии, а когда стемнело, поднялся на Капитолий при свете факелов: сорок слонов несли многочисленных факельщиков, идя справа и слева от его колесницы. В заключение этого впечатляющего парада был казнен несчастный Верцингеториг (вождь галльского племени арвернов. – *Пер.*), которого держали в плену шесть лет. Это был акт хладнокровной жестокости по отношению к достойному уважения врагу (он добровольно сдался Цезарю, чтобы спасти своих соотечественников от дальнейшего наказания), который в то время можно было извинить тем, что такие казни в конце триумфов были традицией. На второй день праздновалась победа диктатора над врагами в Египте, и принцессу Арсиною провели по улицам города в цепях, видимо, вместе с Ганимедом, причем последний, наверное, был казнен в конце представления, а первую пощадили, что было чем-то вроде официального признания царского дома Клеопатры. В этом шествии несли изображения Ахиллеса и Потина, и население встречало их язвительными замечаниями; а статуя, изображающая знаменитый Нил, и модель Фаросского маяка, чуда света, напомнили зрителям о значении этой страны, которая теперь оказалась под защитой Рима. Чередой вели африканских животных, невиданных в Риме, таких как жирафы; также на радость простому люду были показаны другие чудеса из Египта и Эфиопии. На третий день демонстрировалась победа над Понтом, и перед завоевателем пронесли большую плиту, на которой были написаны слова «Пришел, увидел, победил». И наконец, на четвертый день праздновались победы в Северной Африке. В этом последнем шествии Цезарь совершил оскорбительный выпад, выставив

напоказ захваченные римские знамена: ведь кампания была против римлян, воевавших на стороне Помпея. Этот факт он сначала попытался закамуфлировать, заявив, что триумф празднуется над нумидийским царем Юбой, который был на стороне врага. Но еще большее оскорбление было нанесено, когда все увидели грубые карикатуры на Катона и других личных недругов Цезаря, которые несли во время шествия. И простые люди, наверное, задавались вопросом, не является ли такое высмеивание благородных римлян, тела которых едва успели остыть в своих могилах, дурным поступком. По-видимому, рассудительность Цезаря в таких вопросах несколько исказилась за этот последний год, полный военных и административных успехов, и он начал презирать тех, кто оказывал ему сопротивление, словно они были заблуждавшимися глупцами. В таком отношении можно, наверное, увидеть то самое качество, которое заставило его любезно согласиться возложить на себя, словно по праву, божественный сан и которое убеждало его всегда стремиться к самодержавию; ведь нельзя считать нормальным, если человек считает себя существом достойным поклонения, а своих врагов – объектом осмеяния.

На самом деле можно почти не сомневаться в том, что на тот момент состояние умственных способностей Цезаря было не вполне нормальным. На протяжении нескольких лет он был подвержен эпилептическим припадкам, а теперь эта неприятная болезнь становилась все более ярко выраженной и приступы происходили чаще. Говорят, что приступ именно этой болезни случился с ним в битве при Тапсе; и в других случаях припадки происходили при исполнении им его обязанностей. Такое физическое состояние могло быть объяснением его растущих эксцентричности и веры в свои полубожественные возможности. Ломброзо (Чезаре Ломброзо, 1835–1909; судебный психиатр и криминалист, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве. – *Ред.*) заходит настолько далеко, что утверждает, будто эпилепсия стала движущей силой личности человека, который считал себя Сыном или Посланцем Божьим. Эпилепсией страдали Эхнатон, великий религиозный реформатор Древнего Египта, пророк Мухаммед (ок. 570–632) и многие другие религиозные реформаторы. Нельзя сказать, какие галлюцинации и необычные явления видел Цезарь под воздействием этой болезни, но можно быть уверенным, что для Клеопатры они были ясными указаниями на его близкое родство с богами. И она не упускала случая напомнить ему как о его божественном происхождении, так и о своем собственном унаследованном божественном статусе, который он, как ее

супруг, разделял.

К концу сентября Цезарь произвел в Риме сенсацию поступком, который достаточно ясно показывает его отношение к этому вопросу. Он освятил великолепный храм в честь Венеры Генетрикс, своей божественной прародительницы; и там, среди великолепия его мраморного святилища, он поместил статую Клеопатры, которая была создана в течение предыдущих недель знаменитым римским скульптором Архесилаем. Современные историки не придают значения этому поступку. Помещая в этот храм Венеры в день его торжественного открытия статую царицы Египта, которая в своей стране считалась представительницей Исиды-Афродиты на земле, Цезарь демонстрировал божественную сущность Клеопатры и говорил людям фразами, высеченными на века на камне, что женщина царской крови, которая оказала ему честь своим проживанием на его вилле у берега Тибра, была не меньше чем олицетворением самой Венеры. Вскоре мы увидим, как в последующие годы Клеопатре в одеждах Венеры суждено было встретить Антония и как ее в том и в других случаях приветствовала толпа как богиню, сошедшую на землю. И мы увидим, что мавзолей Клеопатры фактически составил часть храма этой богини. И в это время, и в последующие времена ее без разбора отождествляли и с Исидой, и с Венерой-Хатхор, и с Венерой-Афродитой. И даже после смерти Клеопатры сохранилось предание о том, что одна из ее знаменитых жемчужных сережек была разрезана на две части и в таком виде в конце концов украсила уши статуи Венеры в римском пантеоне. Были найдены монеты этого и более поздних периодов, на которых Клеопатра изображена как Афродита с младенцем Цезарионом на руках, который олицетворял Эроса. Цезарь всегда говорил о генетической связи своего древнего рода с этой богиней, и теперь появление статуи Клеопатры в новом храме, мне думается, следует толковать так, что он хотел, чтобы римский народ считал царицу «молодой богиней» – этим титулом наградили Клеопатру греки и египтяне в ее собственной стране.

Не вполне достоверно то, что сам Цезарь начал действительно смотреть на Клеопатру в таком свете, хотя участившиеся у него эпилептические припадки и следующие за ними галлюцинации вполне могли теперь сделать такое отношение возможным даже у такого закоренелого скептика, каким был диктатор в былые годы. Разумнее будет предположить, что в то время он пытался воззвать к воображению людей в ожидании великого переворота, который он собирался осуществить, и что, имея в виду эту цель, Цезарь позволил себе унестись на крыльях восторженного самообмана. Он всерьез не

анализировал свою точку зрения на это, но из-за неразумного тщеславия, видимо, дал волю убеждению, очень подходящему к его великой цели, что он сам более чем просто человек и что Клеопатра не просто смертная женщина из плоти и крови.

Открытие Цезарем нового храма, который, можно сказать, был храмом Клеопатры, сопровождался ошеломляющими празднествами, и легковозбудимое население огромного города, по-видимому, если можно так сказать, сошло с ума от восторга. Были организованы большие гладиаторские бои, для развлечения публики было также разыграно миниатюрное морское сражение на искусственном озере. Большинство людей в толпе были уже вполне готовы согласиться без рассуждений с высоким положением статуи Клеопатры. В это время в Риме люди были неравнодушны к чужеземным богам, небесным или во плоти; и на самом деле культ египетской богини Исиды, с которой Клеопатра, как Венера, была связана так тесно, прочно завладел их воображением. За последние несколько лет культ Исиды стал чрезвычайно популярен у низших сословий в Риме. А когда в 58 г. до н. э. согласно закону, запрещавшему располагать храмы чужеземных богов в определенных районах города, потребовалось разрушить храм Исиды, не нашлось ни одного человека, который захотел бы притронуться к священной постройке. И в конце концов консул Луций Павел был вынужден подоткнуть свою тогу и приступить к разборке здания своими руками. Таким образом, эта церемония открытия храма, организованная Цезарем с такой расточительностью, имела явный успех, и, несмотря на негодование Цицерона, статуя Клеопатры с народного согласия заняла свое постоянное место в храме Венеры. Цезарь не жалел денег и в этот раз, и в других случаях, чтобы доставить удовольствие народу. Однажды 22 тысячи человек шикарно пообедали за счет Цезаря. В то время такие действия для завоевания расположения народа были необходимы, ведь, хотя диктатор был в тот момент практически всемогущ и хотя ходили разговоры о том, чтобы закрепить за ним его должность на десятилетний срок, в рядах его сторонников не было того единства, которого от них ждали. Антоний, первый помощник Цезаря, находился в то время в опале после ссоры со своим господином. Ходили слухи, что он хотел отомстить за себя, убив Цезаря. Уже становилось ясным, что партия сторонников Помпея, несмотря на поражения при Фарсале и Тапсе, еще жива и ждет смертельного удара. Некоторые действия диктатора были весьма оскорбительными, и в Риме нашлись люди, которые пользовались любой возможностью, чтобы осудить его и вознести хвалу памяти его врага Катона, чья трагическая смерть после битвы при Тапсе и

поношение его памяти во время недавнего триумфа произвели такое тягостное впечатление. Цицерон написал панегирик этому несчастному человеку, на который Цезарь, защищаясь, ответил публикацией своего противоположного по настроению произведения, в котором чувствовалась нота горечи и даже злобная враждебность. В адрес Клеопатры в кругу аристократии делались всевозможные нелестные замечания, а когда диктатор публично признал отцовство их с Клеопатрой ребенка и разрешил ему носить имя Цезарь, стали шептаться, что его законный брак с царицей неизбежен.

Смешанное население Рима получало удовольствие от политических раздоров, и, хотя положение Цезаря казалось недосягаемым, всегда было большое количество людей, готовых от случая к случаю совершать на него нападки. В то время на Римском форуме постоянно царили волнение и беспорядок, а на улицах и в общественных местах можно было почти всегда увидеть возбужденных людей. В театрах намеки на эту тему принимались бешеными аплодисментами, и даже в сенате часто возникали беспорядки. Народу всегда нужно было потакать, и Цезарь был вынужден во все времена играть на галерку. К счастью для него, он достиг высочайших вершин в искусстве саморекламы, а его обаяние вместе с выдающейся и привлекательной внешностью оказывали желаемое действие на воображение простых людей. Его отношения с Клеопатрой были в целом в его пользу в глазах простолюдинов, которые приветствовали Цезаря хриплыми радостными криками как «ужас галльских женщин». А тот факт, что Клеопатра была иностранкой, не имел никакого значения для неоднородного населения Рима. Его жители сами представляли собой смесь разных народов римского мира, а то, что любовница Цезаря и вероятная будущая жена была гречанкой, для них не являлось объектом для критики. В любом театре Рима в то время можно было сидеть среди зрителей-иностранцев и слушать драму на греческом языке. Им Клеопатра, вероятно, казалась удивительной женщиной, связанной родственными узами с богами, приехавшей из знаменитого заморского города, чтобы насладиться обществом их диктатора – полубога. Так что римляне были абсолютно готовы принять ее как приятное и романтическое дополнение к политической ситуации.

Среди многочисленных реформ, которые провел тогда Цезарь, была одна, которая явилась прямым следствием его посещения Египта. На протяжении некоторого времени несовершенство календаря причиняло большие неудобства, и диктатор – очень возможно, что по предложению египетской

царицы, – решил пригласить в Рим кого-нибудь из ее придворных астрономов, чтобы они внедрили новую календарную систему, основанную на египетском календаре. Самым известным в то время астрономом в Александрии был Созиген, и именно к нему, наверное по совету Клеопатры, обратился Цезарь. После тщательных исследований было решено, что нынешний 46 г. до н. э. следует удлинить до 15 месяцев, или 445 дней, чтобы эту номинальную дату привести в соответствие с реальным временем года. Так называемый юлианский календарь, который таким образом был введен, является тем самым, на котором основывается наша нынешняя календарная система, и небезынтересно будет вспомнить, что если бы не Клеопатра, то теперь во всем мире использовался бы совершенно другой набор месяцев.

Голова Цезаря в то время была полна планов завоевания Востока. В 65 г. до н. э. Помпей привез в Рим множество подробностей, касавшихся его сухопутного маршрута на Восток. Этот путь начинался от порта Фасис на Черном море, поднимался по реке с таким же названием (совр. река Риони) к ее истоку в Иберии, проходил по долине реки Куры и выходил к Каспийскому морю. По воде этот путь вел вдоль реки Окс (совр. Амударья), которая в те времена впадала в Каспийское море, до ее истока и, далее, через Кашмир в Индию. Вероятно, тогда шли какие-то разговоры о том, чтобы брать с собой орлов (то есть римские легионы с их значками в виде орлов) на этом пути на Восток, и, пока Цезарь был в Египте, он, вполне вероятно, изучал вопрос о походе римских солдат в Индию по великому египетскому торговому пути (то есть намного южнее). И хотя этот последний путь на чудесный Восток, вероятно, показался Цезарю после некоторых раздумий очень подходящим для переброски войск, он в своем изначальном плане вторжения, по-видимому, склонялся в пользу сухопутного маршрута через Азию. Эту дорогу на Восток преградили парфяне, и Цезарь теперь объявил о своем намерении вести войну с Парфянским царством (фактически с восставшим из пепла Ираном, который собрали около 250 г. до н. э. возглавившие восстание против греко-македонских завоевателей парфяне. – *Ред.*). Нет доказательств, подтверждающих, что он хотел пойти по стопам Александра за пределы Парфии (Ирана. – *Ред.*) в Индию, но я считаю, что такое намерение у него было. Исходя из того, что Цезарь изучал подвиги Александра Великого, публично заявлял о своем желании соперничать с ними, безусловно, слышал от Помпея о сухопутном пути в Индию, с которым римляне познакомились во время войны с Митридатом, в нем жило необузданное стремление к дальним завоевательным

походам и исследованиям. Проведя несколько месяцев в Египте, изучая условия жизни в этой стране, которая в те времена полнилась разговорами об Индии и о новой торговле с Востоком, Цезарь после отъезда из Египта сразу же принялся готовиться к войне с неким государством, преграждающим сухопутную дорогу на Восток. Тогда не оставалось никакой другой важной территории, примыкающей к Римской державе, за исключением разве бедствующей Германии, которую силой оружия следовало бы привести под власть Рима. Поскольку Индия манила сказочными богатствами, да и сама Клеопатра, в конце концов, делала попытку достичь тех далеких стран – вывод мне кажется ясен: планы Цезаря насчет Парфии были лишь предварительным этапом в обдуманном вторжении на Восток. Богатства тех далеких стран были уже в те времена притчей во языцех, и при жизни молодых людей, живших в ту эпоху, потоки индийских товаров, в том числе бриллиантов, драгоценных камней, шелков (шелк поступал из Китая. – *Ред.*), специй и духов начали наводнять Рим, и каждый год, согласно несколько преувеличенной оценке Плиния, этих товаров продавалось приблизительно на 40 миллионов фунтов стерлингов (Плиний говорил о 100 миллионах золотых сестерциев в год. Это миллион ауреусов по 8,19 грамма золота [позже вес монеты снизился до 5,5 грамма]. Итого 8190 килограммов золота, или, по стоимости на начало 2010 г., более 300 миллионов долларов или 190 миллионов фунтов стерлингов. – *Ред.*). Мог ли Цезарь устоять перед искушением сделать заявку на добычу, которая лежала за пределами Парфии? Разве тот факт, что он ничего не говорил о таком намерении, мешает мыслям такого рода заполнять его голову и быть темой обсуждения между ним и предприимчивой Клеопатрой, правительницей врат Востока, которая, как мы увидим в скором времени, сама отправила сына Цезаря в Индию? Должны ли мы на самом деле предположить, что Цезарь все-таки зря потратил свое время в Египте, или же он тогда изучал ту же самую проблему, которая теперь направила его внимание на Парфию? Посредством своего партнерства с Клеопатрой он завладел одним из путей в Индию, и александрийские купцы, вероятно, ясно обрисовали ему ценность его владения в этом отношении, так как со времени открытия морского пути на Восток эта ценность имела широкое признание.

Теперь, разгромив сторонников Помпея, Цезарь решил попытаться унять любое враждебное чувство, направленное против него со стороны проигравшей партии. И с этой целью он приказал вернуть на место статуи Помпея Великого, которые были сняты со своих пьедесталов. Более того, Цезарь простил и

даже дал должности нескольким лидерам партии сторонников Помпея, а именно Бруту и Кассию, которые впоследствии оказались в числе его убийц. Затем он приступил в Риме к подготовке своей кампании на Востоке, а тем временем начал проводить в жизнь многие административные реформы, которые зрели в его неугомонном мозгу. По-видимому, большую часть этого времени Цезарь жил в том доме, где хозяйкой была его жена Кальпурния, но можно не сомневаться, что он был постоянным гостем и на своей загородной вилле и проводил все свои свободные часы в обществе Клеопатры, которая оставалась в Риме до его смерти.

Глава 6
Богиня

Теперь римляне начали осыпать Цезаря почестями, а правительство, которое он учредил, не замедлило оправдать свое существование, приняв большинством голосов решение о предоставлении ему безотзывной власти. Он стал консулом на десять лет, и ходили разговоры о том, чтобы назначить его диктатором пожизненно. Сенат стал просто инструментом для осуществления его приказов; сенаторы так мало занимались созданием новых законов на родине или нюансами управления зарубежными землями, что Цицерон может жаловаться на то, что на своей официальной должности Цезарь принимал благодарность от восточных владык, имена которых он раньше и не слышал, за свое восхождение на троны царств, о которых он понятия не имел. Интересы Цезаря охватывали весь римский мир, и правительство в Риме исполняло все его желания точно так же, как несведущий совет директоров какой-нибудь компании с иностранным капиталом следует советам своего переезжающего с места на место управляющего. Цезарь так долго находился в других странах, а его войны носили его по таким уголкам обитаемого мира, что Рим казался ему не более чем штаб-квартирой его исполнительной власти, к тому же не очень удобной. Кроме того, близкие отношения Цезаря с Клеопатрой определенно расширили его кругозор и ощутимо помогли ему стать арбитром в отношениях зависимых от Рима стран. Такие далекие города, как Александрия, для него уже были не столицами чужеземных государств, а местом заседания местного правительства фактически в его собственных владениях. А трон, на который Цезарь постепенно поднимался, находился на такой высоте, с которой можно было в определенной степени контролировать народы и страны всей земли.

Теперь римляне начали открыто обсуждать тему его восхождения на трон. В открытую говорили, что Цезарь хотел сделать себя царем, а Клеопатру царицей, а в дальнейшем намеревается перенести свое правительство в Александрию или какой-нибудь другой город на Востоке.

Те, кто изучает совместную жизнь Клеопатры и Цезаря, не могут не задавать себе вопрос: насколько царица влияла на мысли диктатора в то время? На протяжении этих последних лет своей жизни, которые отмечены величием Цезаря и отводят ему уникальное место в истории, Клеопатра была с ним в очень

близких отношениях, и, насколько нам известно, в мире не было другого мужчины или женщины, которые имели бы такие богатые возможности для того, чтобы сыграть влиятельную роль в его карьере. Если Клеопатра была заинтересована, – а мы знаем, что она была заинтересована – в благоденствии своей страны и ее царской династии, или в карьере своей и Цезаря, или в судьбе своего сына, то совершенно невозможно предположить, что она не обсуждала вопросы управления государством с человеком, который, по сути, был ее мужем. В будущем Клеопатра станет достаточно сильной, чтобы сыграть одну из крупных политических ролей в истории, обращаясь с подвластными царствами и армиями, как обычная женщина занимается домом и обращается с прислугой. А зная ее характер, который рас крылся перед нами в годы после смерти диктатора, глупо предполагать, что в Риме она держалась в стороне от всех его замыслов и планов, считая себя способной удержать внимание владыки мира будуарными развлечениями и альковными утехами. Ее личность не доминирует в последние годы Римской республики не просто из-за ее распутной жизни с Антонием и их трагической смерти, а потому, что ее личность была такой неотразимой, что она в немалой степени воздействовала на дела римского мира. Я придерживаюсь того мнения, что имя Клеопатры было бы вписано в историю этого периода, даже если бы события, кульминацией которых стала битва при Акции, никогда не произошли. Романтическая трагедия ее связи с Антонием завладела вниманием людей и отвлекла историков от фактов более раннего периода ее жизни. Существует тенденция совершенно пренебрегать влиянием, которое она оказывала на политику Рима в течение последних лет жизни Цезаря. Взгляды историков прикованы к драме в Египте, а рассказ о жизни Клеопатры на вилле диктатора в Риме игнорируется. Тем не менее кто окажется настолько смелым, чтобы утверждать, что царица, судьба которой была связана с судьбой Цезаря, когда он был на вершине власти, не оставила никакого следа на событиях того времени? Когда Клеопатра прибыла в Рим, ее взгляды на жизнь, вероятно, резко контрастировали с взглядами на жизнь римлян. Республика была все еще принятой формой правления, и еще не было никакого определенного движения к монархизму. Об императорах будущего, власть которых передавалась по наследству, еще никто и не мечтал, а цари далекого прошлого были почти забыты. Теперь, хотя можно предположить, что Клеопатра, контактируя с миром, переняла умеренно разумный взгляд на свое положение, все же не может быть сомнений в том, что ощущение своей царской и божественной личности в ней не дремало. Ее

воспитание и образование, как я уже говорил, а теперь и лесть Цезаря, вероятно, повлияли на ее мышление настолько, что осознание своего царского происхождения было в ней во все времена почти преобладающим ее качеством. И было бы действительно странно, если бы мысли диктатора были защищены от проникающего влияния этой атмосферы, в которой он предпочитал проводить большую часть своего времени. Уж не сам ли Рим дал Цезарю побуждающий толчок, тот Рим, который не знал монархии на протяжении четырехсот пятидесяти лет (власть царей в Риме была уничтожена в 510 или 509 г. до н. э. – *Ред.*)? Но, признавая, что Рим созрел для монархии и что обстоятельства в какой-то степени вынуждали Цезаря к этой форме правления, можем ли мы заявлять, что диктатор по своей воле выбрал бы самодержавие и даже божественный статус так быстро, если бы его супругой не была царица и богиня?

В последние месяцы своей жизни, а именно начиная с его возвращения в Рим в начале лета 45 г. до н. э., после Испанской кампании, и до его убийства в марте следующего года, Цезарь энергично продвигал свои планы в отношении монархии. Сначала казалось, что он намеревается завершить свои восточные завоевания перед тем, как совершить попытку получить трон. Но теперь долгая задержка в подготовке к войне с Парфией заставила его почувствовать нетерпение, которое больше нельзя было сдерживать. К тому же его внимание привлекло старое пророчество, в котором говорилось, что парфяне не подчинятся, пока на них не пойдет войной римский *царь*. И Цезарь был достаточно суеверен (как и все римляне и остальные люди того времени), чтобы такое заявление оказало на него заметное влияние. Мало-помалу он присваивал царские привилегии, ежедневно добавляя царственности в свой облик и забирая себе все больше самодержавной монархической власти.

В скором времени он получил титул императора, передаваемый по наследству. Слово «император» означало в то время «главнокомандующий» и не имело «царского» подтекста, хотя тот факт, что этот титул стал наследуемым, придал ему новое значение. Следует заметить, что люди, которые составляли этот указ, вероятно, понимали, что сыном, к которому перейдет этот титул, вероятно, будет младенец Цезарь, властвующий в настоящее время в детских комнатах виллы на берегу Тибра. Ведь не было почти никаких сомнений в том, что сторонники Цезаря с уверенностью ожидают законного брака Цезаря с Клеопатрой при первой же удобной возможности. Таким образом, перед нами предстает оригинальная картина: восторженный римский государственный деятель предлагает передаваемую по наследству

должность императора будущему царю Египта. Безусловно, не может быть более ясного указания на то, что народ Рима не возражал против чужеземного происхождения Клеопатры и не считал ее восточной женщиной ни в каком отношении. Я должен повторить, что в реальности римляне считали Клеопатру гречанкой царской крови, а столицу ее государства Александрию – соперницей Вечного города по богатству, великолепию и культуре. В то время стали ходить слухи, что должен появиться закон, предложенный одним из народных трибунов, который даст право Цезарю при необходимости иметь двух жен, Кальпурнию и Клеопатру, и что новая жена не обязательно должна быть римлянкой. Люди не могли опасаться того, что сын Клеопатры является наследником Цезаря, потому что они уже прекрасно знали, что Цезарь станет царем Рима, и понимали, что благодаря своему браку с Клеопатрой он, не применяя силу оружия, добавит к римским владениям одно сильное, до сих пор независимое (формально – уже давно [с II в. до н. э.] клиент Рима. – *Ред.*) царство цивилизованного мира и обеспечит своим наследникам на римском троне почетный довесок в виде старейшей царской короны из существующих в мире и огромное богатство, прилагающееся к ней. В последующие годы, когда Клеопатра в качестве супруги Антония стала врагом римского народа, стали много говорить об угрозе с Восточного Средиземноморья, а царица стала олицетворением восточной роскоши в противовес западной простоте. Но в тот период, который мы сейчас рассматриваем, такое отношение к египетской царице еще не развилось и Клеопатру считали самой подходящей матерью для сына Цезаря, который однажды унаследует его почести и титулы.

Приблизительно в это время младенец на самом деле стал некоронованным царем Египта, так как младший брат Клеопатры Птолемей XIV таинственно исчез из анналов истории и о нем больше никто ничего не слышал. Теперь мы уже никогда не узнаем, причастны ли Клеопатра и Цезарь к его убийству, так как он стоял на пути их честолюбивых замыслов, или он умер естественной смертью. Он входит в историю в эти полные событий времена как тень и как тень исчезает. Все, что нам известно о его кончине, почерпнуто у Иосифа Флавия (еврейский историк, 37 – после 100 н. э.; бывший военачальник восставших иудеев в Галилее в ходе Иудейской войны [66–73]. Был взят в плен в 68 г., перешел на сторону римлян. Отпущенный на свободу императором Веспасианом, принял его родовое имя, Флавий, и занялся литературной деятельностью с проримских позиций. – *Ред.*), который утверждает, что тот был отравлен своей сестрой. Но такое обвинение вполне ожидаемо и, безусловно, было бы

выдвинуто, если бы мальчик умер от внезапной болезни, и поэтому не следует пятнать память о Клеопатре этим преступлением. Сейчас можно только сказать, что если нельзя отнести смерть несчастного юного царя на счет Клеопатры с высокой долей вероятности, то нет причин предполагать, что она имела к ней какое-то отношение.

А Цезарь теперь приказал поставить на Капитолийском холме свою статую как изображение восьмого царя, стоящее там; предыдущие семь статуй были скульптурными изображениями древних царей Рима. Вскоре он начал появляться на публике, одетый в вышитые одежды древних монархов, и приказал, чтобы изображение его головы чеканили на римских монетах, согласно настоящим монархическим традициям. Для него был изготовлен золотой трон, на котором он сидел в сенате и вершил суд; и теперь он держал в руке скипетр из слоновой кости, а на голове носил золотой венок из лавровых листьев. Для удобства его появления на публичных церемониях Цезарю была предоставлена священная колесница, подобная священной колеснице царей Египта; и у него появилась своего рода гвардия телохранителей, состоявшая из сенаторов и аристократов. Более того, ему было дано право быть похороненным внутри городских стен подобно тому, как Александр Великий остался покоиться в Царском квартале в Александрии. Эти признаки царской власти, если их рассматривать вместе с пожалованным ему титулом императора, передаваемым по наследству, и пожизненным статусом диктатора, который ему вот-вот должны были предложить, указывают на то, что его цель была уже совсем близка. И Цезарь, и Клеопатра, вероятно, жили в то время в состоянии непреходящего возбуждения и ожидания. Все знали, что это носится в воздухе, а Цицерон дошел до того, что написал Цезарю длинное письмо, убеждая его не становиться царем; но Цицерону посоветовали не отсылать это письмо. Бывший консул Луций Аврелий Котта предпринял попытку вставить тонкий клин в эту ситуацию, предложив, чтобы Цезарь стал царем римских владений *за пределами* Италии, но это предложение не было воспринято с энтузиазмом. Сам Цезарь, по-видимому, был в нерешительности: то ли ему следовало отложить это великое событие до окончания войны с парфянами, то ли нет; и решение этого вопроса, вероятно, вызвало самые горячие споры.

Диктатору больше не было нужды тщательно скрывать свои намерения, и в качестве предварительного шага Цезарь без колебаний объявил народу о своей вере в свое божественное происхождение. Он приказал, чтобы его изображение торжественно проносили вместе с изображениями бессмертных

богов. Было издано предписание о возведении храма, посвященного Юпитеру-Юлию, а статую, изображавшую самого Цезаря, поставили в храме Квирина (древнеримский бог войны. – *Пер.*) с надписью: «Бессмертному богу». В его честь была создана коллегия жрецов-луперков, о которых мы в скором времени узнаем поподробнее, и у него появились жрецы-фламины (жрецы отдельных божеств древнеримского пантеона. – *Пер.*), что напоминает нам поклонение жрецов фараону Египта. В главных храмах Рима Цезарю были предоставлены почетные места. В тексте клятв, которые давали политические деятели и в которых назывались Юпитер и боги – хранители римлян, теперь призывался гений Цезаря точно так же, как в Египте взывали к Ка, или духу монарха. «Старая национальная вера, – пишет Моммзен, – стала инструментом папства Цезаря». И действительно, можно сказать, что она стала инструментом высшего обожествления Цезаря.

Позиция Клеопатры не могла не подвергнуться влиянию со стороны диктатора; и вполне вероятно, что временами ее высокомерие было оскорбительным. Ее управляющие и придворные из Египта, вероятно, тоже раздражали римлян тем, что не скрывали свое александрийское тщеславие; и почти нет сомнений в том, что многие друзья Цезаря начали относиться к домашнему хозяйству Клеопатры на загородной вилле с растущей неприязнью. Письмо, написанное Цицероном своему другу Аттику, представляет собой интересный комментарий к этой ситуации. По-видимому, Клеопатра благосклонно относилась к великому оратору, политическому деятелю и писателю и обещала ему подарок, достойный его положения, возможно, в ответ на какую-то услугу, которую он ей оказал. «Я терпеть не могу царицу, – пишет Цицерон, – и свидетель ее обещаний Гаммоний знает, что у меня есть веская причина говорить это. То, что она обещала, было действительно вещами научного характера, мне подходящими, такими, которые я мог бы открыто признать даже на общественном собрании. Что касается Сары (слуга), то помимо того, что я считаю его безнравственным негодяем, я также обнаружил, что он склонен держаться со мной высокомерно. Я только один раз видел его в своем доме, и, когда я вежливо спросил его, чем могу быть ему полезен, он сказал, что пришел, надеясь увидеть Аттика. Оскорбительное высокомерие царицы, когда она жила в доме Цезаря на другом берегу Тибра, я тоже не могу вспоминать без боли. Так что мне нет дела до этих людей».

Неприязненное отношение к Цезарю, которое, несомненно, ширилось, в достаточной степени объясняет растущую непопулярность Клеопатры; но, возможно, его усугубляла легкая

ревность, которую, вероятно, испытывали римляне из-за пристрастия диктатора ко всему египетскому. Друзьям Цезаря казалось, что он не только моделирует свой будущий трон по образцу трона Птолемеев и утверждает свою божественность в манере, присущей Птолемеям, не только желает сделать Александрию столицей империи, но и использует большое количество египтян для осуществления своих планов. Египетские астрономы провели реформу римского календаря; римский печатный станок был усовершенствован александрийскими чеканщиками; все финансовые приготовления Цезаря, казалось, были возложены на александрийцев; при этом многие публичные зрелища, как, например, морские сражения, разыгранные во время открытия храма Венеры, проводили египтяне (в основном египетские греки. – *Ред.*). Использование Цезарем подданных Клеопатры, вероятно, в какой-то степени было результатом его желания познакомить своих соотечественников с трудолюбивыми и предприимчивыми александрийцами, которые должны были сыграть такую важную роль в строительстве новой Римской империи.

Шли недели, а планы Цезаря в отношении монархии становились все более определенными. Теперь он, видимо, не считал разумным настаивать на принятии на себя верховной власти до войны с парфянами, так как его долгое отсутствие сразу же после восхождения на трон могло оказаться пагубным для новой должности. К тому же в римском народе появилось сильное неприятие предполагаемого получения Цезарем царской власти, и он, вероятно, сознавал, что не сможет осуществить свои планы без преодоления значительной оппозиции. Плутарх пишет, что «его желание быть царем навлекло на него явную и беспощадную ненависть – факт, который оказался самым убедительным предлогом для тех, кто все это время были его тайными врагами». Много враждебных замечаний делалось в его адрес из-за того, что он не встал, чтобы приветствовать депутацию сената. И Цезарь действительно понял, что необходимо извиниться за свой поступок, сказав, что в это время снова обострилась его старая болезнь. Распространилось сообщение о том, что сам Цезарь хотел бы возвыситься, но Бальб (Бальб Луций Корнелий – римский политический деятель I в. до н. э. – *Пер.*) сказал ему: «Разве ты не будешь помнить, что ты Цезарь, и требовать почестей по своим заслугам?» А затем, по рассказам, когда диктатор понял, какое он нанес оскорбление, он обнажил шею и сказал своим друзьям, что готов положить свою жизнь, если народ им недоволен. Случаи такого рода показывали, что время еще не полностью благоприятствовало его

государственному перевороту; и Цезарь неохотно был вынужден рассмотреть вопрос об отсрочке. С другой стороны, что-то необходимо было сказать в поддержку немедленных действий, и он, наверное, был более или менее готов принять царскую власть, если бы народ на этом настаивал, перед тем как Цезарь отправится на Восток. Но его, вероятно, тревожило положение Клеопатры. Без нее и их младенца-сына создание наследственной монархии было ненужным. Его жена Кальпурния, по-видимому, не могла подарить ему наследника, и в Риме, безусловно, не было другой женщины, которая смогла бы с большим или меньшим успехом сыграть роль царицы, даже если бы она смогла производить на свет сыновей-наследников. Но как же ему немедленно избавиться от Кальпурнии и жениться на Клеопатре, не нанеся оскорбления общественному мнению? Если Цезарь немедленно станет царем и сделает Клеопатру своей женой, сможет ли она с успехом исполнять роль царицы Рима в одиночку в течение примерно трех лет, пока он будет вести войну? Не будет ли гораздо мудрее отправить ее на это время назад в Египет, чтобы она там ожидала его возвращения, а затем жениться на ней и взойти на трон одновременно? Во время его пребывания на Востоке Кальпурния может очень кстати внезапно смертельно заболеть, и ни один человек не осмелится приписать ее смерть ему и мастерству аптекаря.

Завещание, которое теперь составил или подтвердил Цезарь, учитывая свой отъезд, ясно показывает, что его желание монархической власти было несовместимо с его нынешним брачным статусом. Без царицы и сына-наследника не имело смысла создавать трон, так как Цезарь уже получил абсолютную самодержавную власть пожизненно. Ведь если этот пост не будет безоговорочно передан его сыну Цезариону, не имело смысла стремиться к немедленному восхождению на трон. Поэтому в своем завещании, которое было составлено с учетом его возможной смерти до того, как он поднимется на свой будущий трон, Цезарь просто разделил свое имущество, отдав часть его государству, а часть своим родственникам, причем значительную долю получил его любимый племянник Октавиан. К завещанию прилагалось дополнительное распоряжение, в котором назначалось большое количество опекунов любого его потомства, которое, возможно, произведет на свет Кальпурния после его отъезда. Но его так мало интересовало это расплывчатое непредвиденное обстоятельство, что он, видимо, не оставил никакого финансового обеспечения для такого ребенка. Оставлять деньги Клеопатре или ее сыну не было нужды, так как она сама была сказочно богата. Нет сомнений в том, что это

завещание он планировал уничтожить, если взойдет на трон до своего отъезда, и впоследствии стали считать, что он действительно написал еще одно завещание в пользу Цезариона, которое следовало использовать, если ему будет предложена корона. Но если, как кажется вероятным сейчас, это событие будет отложено до возвращения Цезаря, разделение его собственности между наследниками должно было стать самым лучшим урегулированием его дел в случае, если он умрет на Востоке. Пока Цезарь не получил корону, не было возможности упоминать Клеопатру или Цезариона в пожеланиях в завещании, ведь, если Цезарь умрет в Парфии или Индии, будучи по-прежнему диктатором, его надежды на основание династии, его план сочетаться законным браком с царицей Египта, его замыслы воспитать Цезариона так, чтобы он пошел по его стопам, да и вообще все его масштабные честолюбивые замыслы рухнут. Цезарь не был человеком, который очень заботился об интересах других людей; и в случае с Клеопатрой он был совершенно готов оставить ее сражаться за себя в Египте, случись ему отправиться в те небесные сферы, где ему от нее не будет никакой пользы. Его страсть к ней теперь, по-видимому, поостыла, и, хотя Цезарь все еще, вероятно, получал удовольствие от ее общества и в значительной степени был открыт для ее влияния, ее главная привлекательность для него в эти последние дни состояла в признании ее годной для того, чтобы взойти на новый трон рядом с ним. Она, со своей стороны, несомненно, сохранила во многом свою старую любовь к нему, и, несмотря на его усиливающуюся раздраженность и чудаковатость, она, видимо, щедро одаряла преданностью любящей молодой женщины великого стареющего героя.

Цезарь действительно выглядел старше своего возраста. На знаменитом его скульптурном портрете, который в настоящее время хранится в Лувре, он изображен осунувшимся и старым. Ему еще не было шестидесяти, но видимость молодости ушла из него, а годы и болезнь тяжелым грузом легли на его худощавую фигуру. Неукротимый дух и увлекающаяся натура Цезаря вели его по жизни, позволяя достигать поставленных целей, но теперь возникали большие сомнения, сможет ли он выдержать трудности войны, которая ему предстояла. Его нездоровье, очевидно, вызывало у Клеопатры сильнейшую тревогу, так как все ее надежды были связаны с Цезарем и с тем днем, когда он сделает ее владычицей римского мира. Тот факт, что теперь Цезарь решал вопрос об отсрочке создания монархии до окончания войны с Парфией, вероятно, стал для нее тяжелым ударом, так как были основания бояться того, что его силы иссякнут прежде, чем

поставленная задача будет выполнена. Более трех лет она вместе с Цезарем работала над заложением основ их общего трона, и теперь, отчасти из-за нежелательности отъезда из Рима на такое долгое время сразу же после возложения короны, отчасти из-за затруднений с Кальпурнией, а отчасти из-за враждебного отношения многих известных людей к идее монархии, Цезарь решил на три года отложить этот переворот, который для Клеопатры, по-видимому, означал не только осуществление всех ее личных и династических честолюбивых замыслов, но и на самом деле был единственным средством, с помощью которого она могла спасти Египет от включения его в число римских владений или сохранить трон для своего сына. Во второй филиппике (обличительная речь, по названию речи Демосфена против Филиппа, царя Македонии, в защиту независимости Афин. – *Пер.*) Цицерон говорит о Цезаре, что, «планируя в течение многих лет свой путь к царской власти с большими трудами и многими опасностями, он осуществил свой план. Публичными зрелищами, монументальными зданиями, взятками и пирами он расположил к себе бездумную толпу. Своих собственных друзей он привязал к себе покровительством, своих противников – демонстрацией терпимости». И все же, когда цель уже была близка, он начал колебаться, считая, что лучше дождаться, когда его вознесет на трон волна народного восторга, которая, безусловно, обрушится на Рим, когда он приведет назад с Востока своих легионеров-победителей, нагруженных добычей, и проведет по улицам столицы плененных царей сказочного Востока, закованных в золотые цепи. Эта отсрочка была, вероятно, почти невыносимой для Клеопатры, и, возможно, в результате некой договоренности между ней и диктатором с Антонием, который теперь, вероятно, был постоянным гостем на вилле Цезаря, произошло событие, которое поставило ребром вопрос о дне установления монархии.

15 февраля в Риме проводились Луперкалии – ежегодные празднества очищения и плодородия (в честь бога Фавна. Как покровитель стад, Фавн имел прозвище Луперк [от *лат.* lupus – волк и arceo – охранять, оберегать] – то есть «защитник от волков». – *Ред.*). В этот день все население, патриции и плебеи, были в праздничном настроении. Во время луперкалий в жертву Фавну приносили козлов. Затем жрецы-луперки вырезали из шкур принесенных в жертву животных ремни, *februa*, и, используя их как кнуты, начинали бег по городу, нанося удары этими кнутами любой женщине, которая им повстречается. Считалось, что удар такого кнута избавляет от бесплодия и облегчает роды, и любая женщина, которая хотела стать матерью, должна была терпеть

удары, которые эти двое мужчин с силой наносили. Вообще февраль, который тогда у римлян был последним месяцем, считался месяцем очищения, отсюда и название (februarius – очистительный).

Мне кажется несомненным, что эта церемония изначально имела отношение к египетским обрядам, связанным с богом плодородия Мином, Паном долины Нила. Этого бога обычно изображают толстым мужчиной с большим пенисом, часто одна рука Мина поднята вверх, другая рука сжимает цеп. Уже в период Нового царства в Египте была образована триада, куда входили Мин, Решеп и Кадеш. (Решеп – финикийский бог-творец, импортированный в Египет при XVIII династии; изображался в виде бородатого мужчины, держащего в руках палицу и копье или копье и анх [символ жизни], над его шлемом поднималась голова газели – священного животного, ассоциирующегося с Астартой. Кадеш – сирийская западносемитская богиня, импортированная при XI династии; как одна из форм Астарты, изображалась в облике лунной богини, стоящей обнаженной на спине львицы. В одной руке она держит цветок лотоса и нечто похожее на зеркало, а в другой руке зажаты две змеи. – *Ред.*) Мы мало знаем о церемониях, совершавшихся в Египте, но нет причин сомневаться в том, что эти ритуалы были в основе своей схожими с римскими обрядами. Козлы, которых приносили в жертву в Риме, вероятно, связаны с египетскими баранами, которых приносили в жертву Мину (подобное сходство в отрядах и верованиях неудивительно, поскольку цивилизационное ядро Древнего Египта имеет северное происхождение. – *Ред.*).

Что ж, вполне возможно, что в Александрии Клеопатра и Цезарь познакомились с египетским аналогом римских луперкалий, и можно осторожно предположить, что, раз Цезарь считался в этой стране богом, который оплодотворил царицу, он мог – в Египте – отождествляться каким-то образом с этими обрядами. Разумеется, можно представить себе, что Клеопатра обратила внимание Цезаря на сходство между двумя церемониями и навела его на мысль, что он является или действовал некоторым образом как Фавн. Цезарь же практически отождествил Клеопатру с Венерой Генетрикс, богиней плодородия, и он вполне мог приписать себе способности соответствующего бога, который выступал в Риме в роли египетского Мина, с которым жрецы Нила уже тесно связали Цезаря. Диктатор, разумеется, проявил живейший интерес к старинному народному празднику в Риме. И если его отождествляли с Мином в Египте, то в Риме наверняка с Фавном, если вспомнить его бессовестное отношение к

представительницам противоположного пола и успешную тактику в подходе к ним.

В этот день в 44 г. до н. э. Цезарь, бледный и изнуренный, сидел на золотом троне на форуме, одетый в великолепный наряд, чтобы лицезреть празднества, когда внезапно в поле его зрения появился крепкий Антоний, разгоряченный от бега, наносящий удары ремнями направо и налево; ему, без сомнения, доставляли удовольствие грубые шумные шутки, выходящие за рамки приличий. За ним следовала возбужденная и громогласная толпа, и вполне вероятно, что и Антоний, и его спутники при этом проявили уважение к величественной фигуре диктатора и приветствовали его как Фавна-Луперка и царя празднеств. Пользуясь воодушевлением момента и действуя согласно договоренности, заключенной заранее с Клеопатрой или с самим Цезарем, Антоний вышел вперед и протянул диктатору царский венец, увитый лавром, одновременно предлагая ему царский трон Рима. Цезаря, как мы видели, уже приветствовали на публике как бога на земле, а теперь Антоний обратился к нему в образе Фавна-Луперка, прося его принять земной трон, как он уже принял трон небесный. Как только он заговорил, вопль одобрения раздался из рядов сторонников Цезаря, которые с этой целью были расставлены в различных уголках Римского форума. Но, к смятению Цезаря, приветственные крики не были подхвачены толпой, которая тихо выразила свое неодобрение. И диктатор, таким образом, был вынужден отказаться от предложенной короны, несмело демонстрируя свое пренебрежение. Это было принято всеобщими аплодисментами, и толпа отчетливо продемонстрировала свое настроение. Антоний снова протянул ему венец, и снова раздались лишь отдельные и не очень естественные крики его сторонников. После этого Цезарь, принимая эту ситуацию с максимально возможным тактом, решительно отказался взять венец; при этом толпа снова разразилась аплодисментами. Затем Цезарь распорядился, чтобы корону отнесли в Капитолий и чтобы в официальном календаре появилась запись о том, что он отказался от нее. Вероятно, Антоний, поняв, что был сделан неправильный ход, выкрутился из ситуации с шуткой, снова принялся лупить всех своим волшебным ремнем и повел толпу за собой с форума с таким же шумом и гамом, с каким он на нем появился.

Теперь шансы на немедленное получение царских полномочий стали еще более зыбкими. Цезарь планировал отправиться в Парфию приблизительно через месяц; и ему, вероятно, стало очевидно, что его надежды на трон следует отложить до той поры, пока не закончится грядущая война. В

отношении Клеопатры ему ничего не оставалось делать, только просить ее готовиться к возвращению в Египет и там ожидать, пока он не завоюет Восток. И в течение последующих нескольких недель разочарованная и встревоженная царица, похоже, занялась приготовлениями к отъезду. Светоний пишет, что Цезарь в эти последние дни их совместного пребывания завалил ее подарками и наградами; он, несомненно, как мог, поддерживал ее, говоря о своих больших надеждах и честолюбивых планах на будущее. Еще был шанс, что монархия будет создана до войны, так как ходили разговоры о том, что Антоний со своими друзьями еще раз собирается предложить корону Цезарю в мартовские календы. Но Клеопатра не смела слишком сильно надеяться на это событие, помня о неудаче на луперкалиях. Для царицы, которая к этому времени предполагала уже сидеть на римском троне, обнадеживающие слова Цезаря были слабым утешением. Вероятно, она погрузилась в атмосферу мрачных предчувствий, когда распоряжалась упаковкой вещей и движимого имущества и готовилась вместе со своим ребенком к долгому путешествию по Средиземному морю в свое небогатое событиями царство Египет.

Глава 7
Вдова

Нет причин сомневаться в том, что Антоний, которому суждено сыграть такую важную роль на последующих страницах этой истории, несколько раз видел Клеопатру. После его примирения с Цезарем в начале лета 45 г. до н. э. он, вероятно, был постоянным гостем на вилле диктатора; и, как мы в скором времени увидим, его поддержка Клеопатры в отношении завещания Цезаря наводит на мысль о том, что ее привлекательность не была им не замечена. Как мы уже видели, Антоний познакомился с Клеопатрой и был уже пленен ею десятью годами ранее, когда он вошел в Александрию с Габинием, чтобы посадить ее отца Авлета на его шаткий трон. Он был человеком с импульсивным и переменчивым характером, и трудно точно определить его отношение к Цезарю в это время. Пока диктатор был в Египте, Антоний занимался делами Цезаря в Риме, но из-за ссоры после своего возвращения из Александрии Цезарь отстранил его от службы. Вполне естественно, что по этой причине Антоний испытывал сильные враждебные чувства к диктатору, и ходили даже слухи, что он хотел убить его. Но после войны в Испании ссора была забыта, и, как мы уже видели, именно Антоний предложил Цезарю корону на луперкалиях. Несмотря на это, Цезарь, по-видимому, не до конца ему доверял, хотя теперь Антоний был признан самым горячим сторонником партии Цезаря.

К 1 марта в рядах заговорщиков насчитывалось шестьдесят или восемьдесят сенаторов, которые в основном были друзьями диктатора; и если бы тогда Цезарь попытался провозгласить себя царем, его сразу убили бы. Однако ходило слишком много слухов о заговорах против него, чтобы предпринять такой шаг, так что дни проходили без каких-либо событий. Цезарь запланировал свой отъезд из Рима на Восток 17 марта, и считалось возможным, что его последнее посещение сената 15 марта или его отбытие из столицы может оказаться тем моментом, когда в его пользу будет проведена демонстрация, в ходе которой в качестве прощального подарка Цезарю будет предложена корона. Поэтому заговорщики решили покончить с Цезарем 15 марта, в день мартовских ид, когда Цезарь, вероятно, в последний раз придет в римский сенат как диктатор.

Необычный сумрак окутал Рим в этот день, и, возможно, из-за слухов, что зреет заговор, вокруг актеров этой незабываемой

драмы сгустилась атмосфера, предвещавшая беду. Цезарь в своей обычной деловой манере занимался подготовкой к Восточной кампании и собирал на нее средства со своей обычной беспринципностью и сообразительностью; но не требуется никакого воздействия на историческое воображение, чтобы заметить его подавленное состояние, которое, вероятно, разделяли с ним его сторонники. Большинство заговорщиков были друзьями и коллегами Цезаря – людьми (таких было много), которых он простил за прошлые прегрешения во время гражданской войны и сделал их доверенными лицами в своей администрации. В тот момент Цезарь, по-видимому, жил с Кальпурнией в своей городской резиденции и был настолько занят делами, что не мог часто приходить к Клеопатре. Поэтому царица, вероятно, страдала, пребывая в состоянии тревожного ожидания. Мартовские календы, когда ожидалось провозглашение монархии, прошли; и теперь диктатор мог предложить ей лишь одну последнюю надежду на осуществление их совместного плана до его отъезда. Вероятно, Цезарь сказал ей, что в отношении трехлетнего Цезариона она не может на что-то рассчитывать, пока не будет создан трон; сейчас явно не тот момент, когда можно оставлять ребенка своим наследником. Племяннику Цезаря Октавиану, активному и энергичному молодому человеку, придется стать его преемником в случае смерти диктатора, а его огромное состояние будет поделено. Вероятно, Цезарь вспомнил об убийстве юного сына Александра Великого после смерти его отца и не желал, чтобы его собственный мальчик был точно так же зарезан своими алчными опекунами (в 309 г. до н. э., через 12 лет после смерти в 323 г. до н. э. Александра Македонского, его сын Александр и мать Роксана [дочь бактрийского аристократа Оксиарта] были умерщвлены по приказанию Кассандра [сына полководца Александра Антипатра], контролировавшего Македонию [ранее Кассандр казнил и мать Александра Олимпиаду]. – *Ред.*). И все же Клеопатра откладывала свой отъезд в надежде на то, что великое событие произойдет 15 марта, чтобы, по крайней мере, вернуться в Египет, зная о том, что статус жены Цезаря ей обеспечен.

Угнетенное состояние необычно действовало на нервы людей, и начали распространяться рассказы о зловещих знаках, предвещающих беду, и чудесах. В небе появлялись необъяснимые огни, а глубокой ночью слышался ужасный шум. Кто-то сказал, что видел несколько призраков в человеческом облике, которые боролись друг с другом; они пылали, как будто были раскалены докрасна. А в другой раз было замечено появление множества странных птиц на Римском форуме, что было дурным знамением.

Однажды, когда Цезарь совершал жертвоприношение, обнаружилось, что у жертвы нет сердца, – это было самым плохим предзнаменованием. В других случаях ежедневные гадания оказывались чрезвычайно неблагоприятными. Старая гадалка, которая, наверное, слышала о заговоре, предупредила диктатора, чтобы он остерегался Мартовских ид, но Цезарь, смелость которого всегда была феноменальной, не позволил этому предсказанию изменить его планы.

Вечером 14 марта, накануне ужасных Мартовских ид, Цезарь ужинал со своим другом Марком Лепидом, и, когда подписывал какие-то письма, принесенные ему на утверждение, их беседа случайно переключилась на тему смерти. Цезарю был задан вопрос, какой конец он предпочел бы. Диктатор, быстро подняв взгляд от бумаг, решительно сказал: «Внезапный!» Значение этого ответа его друзья поняли через несколько часов. Плутарх повествует, что в тот вечер, когда Цезарь лежал в постели, вдруг, словно от внезапного порыва ветра, все двери и окна его дома распахнулись, впустив в него яркий лунный свет. Кальпурния спала рядом с ним, но он заметил, что она бормочет невнятные слова и плачет, словно от сильнейшего горя. Когда Цезарь ее разбудил, она сказала, что ей приснилось, будто его убили. Цезарь понял, что такой сон является, вероятно, результатом ее страхов в отношении правдивости предсказания гадалки, но в то же время ее горячая просьба, чтобы он на следующий день не выходил из дому, произвела на него сильное впечатление.

Утром заговорщики собрались в той части правительственного здания, где в тот день должен был заседать римский сенат. Выбранным местом был поддерживаемый колоннами портик, примыкающий к театру, в задней части которого имелась глубокая ниша, где стояла статуя Помпея. Некоторые заговорщики были государственными чиновниками, которые выступали в роли судей и занимались слушанием дел, вынесенных на их решение. Говорят, что ни один из них своим поведением не выдал свою нервозность или недостаточную заинтересованность в этих общественных делах.

Но самообладание начало покидать их, когда обнаружилось, что диктатор откладывает свой выход из дому. Распространилась весть о том, что он принял решение не приходить в этот день в сенат, и вскоре стало понятно, что это можно истолковать как то, что он раскрыл заговор. Их смятение было таким, что они наконец послали некоего Децима Брута Альбина, друга диктатора, которому тот очень доверял, в дом Цезаря, чтобы он поторопил его. Деций обнаружил, что под влиянием ночных страхов Кальпурнии диктатор готовится отложить заседание

сената; на его решение также повлиял тот факт, что он получил сообщение от авгуров, в котором говорилось, что в этот день жертвоприношения предвещают беду. В этом затруднительном положении Децим сделал Цезарю заявление, правдивость которого в настоящее время установить невозможно. Он сказал диктатору, что сенат единогласно решил даровать ему в тот день титул царя всех римских владений за пределами Италии и разрешить ему носить царскую корону в любом месте на земле или на море, кроме Италии. Он добавил, что Цезарю не стоит давать сенаторам повода говорить, что он проявил к ним неуважение, отложив заседание по такому важному случаю из-за дурного сна женщины.

Услышав эту весть, Цезарь, вероятно, испытал ликующее возбуждение. Желанный момент настал. Наконец его сделают царем, а провинции, которые будут ему переданы, очевидно, станут первой частью более богатого дара, который он, несомненно, получит со временем. Сомнения и мрачное настроение последних недель мгновенно улетучились, так как в этот день он станет монархом огромной империи. Какое значение имело то, что в самом Риме он будет просто диктатором? Он перенесет свою царскую столицу в другое место, например в Александрию или на место Трои. Он сразу же получит возможность жениться на Клеопатре и объединить ее владения со своими. Кальпурния может пока оставаться женой диктатора в Риме, а его племянник Октавиан может быть его официальным наследником; но за пределами его родины его супругой должна стать царица Клеопатра, а его собственный малолетний сын должен стать его наследником и преемником. Неуместность этой ситуации проявится так скоро, что Рим быстро признает его царем в Италии так же, как и за ее пределами. Вероятно, Цезарь часто обсуждал с Клеопатрой возможности такого решения этой проблемы, так как идея сделать его царем за пределами Италии была выдвинута несколько недель тому назад, и, наверное, теперь он подумал о том, как удивлена и обрадована будет царица неожиданным решением сената принять этот абсурдный план. Как только он женится на владычице Египта и сделает Александрию одной из своих столиц, его владения станут поистине египетско-римской империей; а когда, наконец, Рим пригласит его править также и в Италии, ситуация будет выглядеть так, что это Египет присоединяет к себе Рим, а не Рим – Египет. Как это развеселит Клеопатру, династия которой так долго боялась угасания по вине римлян!

Поднявшись на ноги и взяв Децима за руку, Цезарь сразу же, отбросив все дурные предчувствия, отправился в сенат, полный

уверенности и надежды. На улице два человека – один слуга, а другой преподаватель логики – делали попытки раскрыть ему глаза на грозящую ему опасность, а гадалка, которая призывала его опасаться мартовских ид, снова повторила свое предостережение. Но Цезарь уже не мог отказаться от предстоящих волнений этого дня, а риск пасть от руки наемного убийцы, возможно, был для него тем самым фактором, который действительно доставлял ему большое удовольствие, так как Цезаря всегда воодушевляло присутствие опасности.

Когда Цезарь вошел в здание, все сенаторы встали, почтительно приветствуя его. Когда диктатор сел на свое место, один из заговорщиков, по имени Туллий Цимбер, подошел к нему, якобы с целью попросить его простить его ссыльного брата. Другие заговорщики сразу же собрались вокруг, подойдя так близко, что Цезарь был вынужден приказать им отойти. Затем, возможно заподозрив их замысел, он внезапно вскочил на ноги; Туллий схватил его тогу и сдернул ее с него, тем самым оставив на его худощавом теле лишь легкую тунику. Сенатор по имени Каска, которого диктатор только что наградил повышением, мгновенно ударил его в плечо кинжалом. Борясь с ним, Цезарь громко закричал: «Ты негодяй, Каска! Что ты делаешь?» В следующее мгновение брат Каски нанес ему удар ножом в бок. Кассий, которому Цезарь сохранил жизнь после Фарсала, ударил его в лицо; Буколиан вонзил ему нож между лопаток, а Деций Брут, который недавно уговаривал его прийти в сенат, ранил его в пах. Цезарь дрался за свою жизнь, как дикий зверь. Он наносил удары направо и налево своим *stilus* и, истекая кровью, сумел вырваться из круга ножей к пьедесталу статуи своего старого врага Помпея. Цезарь схватил еще раз Каску за руку, когда вдруг увидел своего любимца Марка Брута, который шел на него с обнаженным кинжалом; задыхаясь, диктатор произнес: «И ты тоже, Брут, – *мой сын*!» – и упал, умирая, на землю. Тут же шайка убийц окружила его и принялась наносить его распростертому телу удары ножами, раня друг друга в возбуждении и чуть ли не спотыкаясь, налетая на Цезаря, лежащего в луже крови.

Как только все признаки жизни покинули тело, заговорщики повернулись к сенаторам, но, к их удивлению, они увидели, что те, как сумасшедшие, устремились вон из здания. Брут подготовил речь, с которой он должен был выступить, как только убийство свершится, но через несколько минут в сенате уже никого не было. Поэтому он и его товарищи растерялись и не знали, что делать, но наконец они вышли из здания, несколько нервно размахивая кинжалами и выкрикивая лозунги о свободе и республике. При их приближении все разбегались по домам;

а Антоний, боясь, что его тоже убьют, переоделся и поспешил переулками к себе домой. Заговорщики зашли в Капитолий и оставались в нем, пока делегация сенаторов не убедила их спуститься на форум. Здесь, стоя на ростре (трибуна на форуме Древнего Рима, украшенная носами кораблей, захваченных у неприятеля. – *Пер.*), Брут обратился к собравшимся, которые были довольно благожелательно настроены к нему; но когда другой оратор, по имени Цинна, начал резко обвинять мертвого Цезаря, люди снова загнали заговорщиков в Капитолий, где они провели ночь.

Когда стемнело и шум утих, Антоний направился к форуму, куда, как он слышал, перенесли тело Цезаря, и здесь при свете луны он еще раз посмотрел в лицо своего самоуверенного старого повелителя. Здесь он также встретил Кальпурнию и, очевидно, по ее просьбе взял на хранение все документы и ценности диктатора.

На следующий день, по предложению Антония, была провозглашена всеобщая амнистия, и все вопросы стали обсуждаться доброжелательно. Тогда было решено, что следует открыть завещание Цезаря, но его содержание стало, по-видимому, сюрпризом для обеих сторон. Умерший завещал каждому римскому гражданину 300 сестерциев, отдав также римскому народу свои обширные поместья и сады на другом берегу Тибра, где в то время проживала Клеопатра. Три четверти оставшегося имущества были завещаны Октавиану, а последняя четверть была поделена между его двумя племянниками Луцием Пинарием и Квинтом Педием. В дополнительном распоряжении Цезарь написал, чтобы Октавиан был его официальным наследником, и назвал имена нескольких опекунов своего сына, если таковой родится после его смерти.

Тело мертвого Цезаря было выставлено для прощания на форуме в течение пяти дней, пока волнения в городе бушевали, не ослабевая. Наконец, похороны были назначены на 20 марта, и ближе к вечеру Антоний пошел на форум, где увидел вокруг тела стенающую и причитающую толпу, солдат, бряцающих щитами, и женщин, издающих жалобные крики. Антоний начал петь погребальную песнь, восхваляющую Цезаря; каждые несколько секунд он делал паузу, чтобы протянуть руки в сторону умершего и разразиться громкими рыданиями. В эти интервалы толпа подхватывала погребальную песнь и выражала свое горе в печальной музыке, которую было принято играть на похоронах, и монотонно декламировала стихотворение Акция, в котором были такие строки: «Я спас тех, от кого принял смерть». Некоторое время спустя Антоний поднял на острие копья одежду, пронзенную многочисленными ударами ножей, и, стоя возле этих

ужасных следов преступления, он произнес свою знаменитую похоронную речь над телом убитого диктатора. Когда Антоний сообщил людям о том, что подарил им Цезарь, и воздействовал на их чувства, выставив напоказ его залитую кровью одежду, толпа пришла в неистовую ярость в отношении заговорщиков, поклявшись отомстить всем и каждому из них в отдельности. Кто-то вспомнил речь, с которой выступил Цинна накануне, и сразу же раздались крики с требованиями его крови. В этой толпе случайно оказался малоизвестный поэт, которого тоже звали Цинна; и, когда его друг назвал его этим ненавистным всем именем, люди, стоявшие в непосредственной близости к нему, подумали, что это и есть тот негодяй, о котором кричит толпа. Поэтому они схватили несчастного человека и без дальнейших вопросов разорвали его на куски. Затем они похватали лавки, столы и все деревянные предметы, которые оказались под рукой, и там же, посреди этого священного общественного здания, соорудили огромный погребальный костер, на вершину которого они поместили тело диктатора, лежащее на пурпурно-золотом полотнище. С помощью факелов костер был зажжен, и пламя быстро разгорелось, освещая кровожадные лица в толпе вокруг костра и отбрасывая нелепые тени на освещенные огнем стены и колонны прилегающих зданий, а за клубами дыма скрылась из вида луна, которая уже поднималась над окрестными крышами и фронтонами. Вскоре изувеченное тело Цезаря исчезло в огненном вихре; и тогда зрители, похватав пылающие головни из костра, ринулись по улицам, чтобы сжечь дома заговорщиков. Погребальный костер продолжал тлеть всю ночь, и, наверное, прошло много часов, прежде чем в город вернулось спокойствие. На следующий день страсти толпы улеглись благодаря объединенным усилиям всех государственных деятелей, и сенат проголосовал за амнистию в отношении всего, что случилось. Брут, Кассий и главные заговорщики получили хорошие должности в провинциях, находящихся далеко от Рима, а дела столицы остались по большей части в руках Антония. 18 марта, спустя три дня после смерти Цезаря, Антоний и Лепид спокойно пригласили Брута и Кассия на большой ужин, и таким образом на тот момент мир был восстановлен.

Тем временем состояние Клеопатры, вероятно, было ужасным. Она не только потеряла своего самого дорогого друга и бывшего любовника, но вместе с его смертью она потеряла и огромное царство, которое он ей обещал. Она больше не была предполагаемой царицей римского мира; за один миг она снова стала просто правительницей Египта, сидящей на непрочном троне. К тому же она, вероятно, предполагала, что ее собственная

жизнь в опасности, равно как и жизнь маленького Цезаря. Содержание завещания диктатора для Клеопатры, вероятно, было еще одним потрясением, хотя она, наверное, уже знала его. Возможно, Клеопатра с горечью думала о том, что даже еще один день мог все изменить для нее в этом отношении. Наверное, сенат действительно собирался предложить Цезарю трон провинций в этот фатальный день Мартовских ид, и в таком случае Цезарь, безусловно, изменил бы свое завещание, чтобы оно соответствовало новой ситуации, если он на самом деле этого уже не сделал, как говорят некоторые. Была причина предполагать, что такое завещание в пользу Цезариона было действительно написано, но, если так оно и было, его нигде не нашли, и, возможно, оно было уничтожено Кальпурнией. Что оставалось делать Клеопатре? Когда Октавиан заявит права на собственность и почести, которые Цезарь завещал ему? Следует ли ей немедленно провозгласить своего малолетнего сына законным наследником или бежать из этой страны?

Для меня нет сомнений в том, что в этой дилемме Клеопатра должна была посоветоваться с Антонием, единственным человеком, который крепко держал в руках запутанные нити этой ситуации. Вероятно, она умоляла его поддержать притязания ее сына. Если народ не признает, что Цезарион сын Цезаря, то мальчика, без сомнения, перестанут принимать в расчет, и в конце концов он, по всей вероятности, лишится даже своего египетского трона. Если же, с другой стороны, при поддержке Антония Цезарь будет официально признан ребенком диктатора, то появится реальный шанс того, что не располагающий к себе Октавиан может быть навсегда отстранен от власти. Симпатия Цезаря к этому своему неприметному племяннику возникла во время войны в Испании. Этот молодой человек, хоть он и был еще слаб после серьезной болезни, отправился в Испанию, чтобы присоединиться к Цезарю, столь проворно, что вызвал восхищение дяди. Октавиан пережил кораблекрушение и в конце концов добрался до лагеря Цезаря по дорогам, кишащим врагами, и сражался с ним бок о бок. Теперь он учился в Аполлонии (совр. Созопол в Болгарии. – *Ред.*) и планировал присоединиться к Цезарю по дороге на Восток. Если бы ему можно было помешать приехать в Рим, козыри оказались бы в руках царицы, и я придерживаюсь того мнения, что она, вероятно, обратилась к Антонию с каким-то таким предложением, чтобы решить это затруднение. Антоний, со своей стороны, вероятно, понимал, что с воцарением Октавиана на месте Цезаря его собственная власть кончится, но если он поддержит малолетнего Цезариона, то сам останется всемогущим регентом на многие грядущие годы.

Антоний мог бы даже занять место умершего Цезаря в качестве мужа Клеопатры и взойти на трон, пользуясь правом своего пасынка.

Поэтому Антоний, видимо, уговорил Клеопатру остаться на некоторое время в Риме; вскоре он объявил в сенате, что Цезарь признал маленького Цезариона своим законным сыном. Это заявление тут же отверг Оппий, который поддерживал притязания Октавина; в конце концов этот человек взял на себя труд написать короткую книжку в опровержение слов Антония.

Теперь консулом в Риме стал молодой Долабелла (он стал бы консулом на 44 г. до н. э., если бы не смерть Цезаря. – *Ред.*) и, будучи с Антонием в плохих отношениях, сразу же продемонстрировал свое враждебное отношение к друзьям погибшего диктатора различными насильственными действиями в отношении их. Перед смертью Цезарь отдал Долабелле провинцию Сирия, а Антонию – Македонию. Но теперь сенат, чтобы избавиться от нежелательного присутствия в Риме убийц диктатора, отдал Македонию и Сирию Марку Бруту и Кассию, и эти двое теперь собирали войска, чтобы спокойно войти в свои владения. Поэтому у Антония и Долабеллы была политическая причина для объединения своих сил; и вскоре мы видим, что эти двое предпринимают совместные действия, чтобы низвергнуть Брута и Кассия.

Некоторое время спустя в Рим, охваченный общественными волнениями, приходит весть о скором приезде молодого Октавиана, которому почти девятнадцать лет и который едет, чтобы заявить о своих правах. И город, отложив в сторону вопрос о заговорщиках, раскалывается на два лагеря: одна часть населения поддерживает новоприбывшего, а другая держит сторону Антония. Обычно историки утверждают, что Антоний боролся исключительно за свои интересы, желая устранить Октавиана и занять высокое положение Цезаря силой оружия. Если это так, то почему он объявил в сенате, что Цезарион ребенок диктатора? Что он мог противопоставить притязаниям Октавиана, если не интересы сына Цезаря? Мы увидим, что в последующие годы он всегда заявлял права на римский трон от имени маленького Цезариона. И я предположу, что Антоний в какой-то степени уже занял такую позицию.

Теперь все стали всерьез бояться, что немедленно начнется гражданская война. Ситуация была такая угрожающая, что Клеопатре посоветовали уехать вместе со своим сыном из Рима в Египет и там ожидать исхода борьбы. Действительно, вполне вероятно, что Антоний побуждал ее вернуться на родину, чтобы собрать войска и корабли для его поддержки. Как бы то ни было,

царица покинула Рим за несколько дней до 15 апреля, когда Цицерон написал Аттику из Синуэссы, расположенной неподалеку от Рима (ближе к Неаполю. – *Ред.*), о том, что она спасается бегством.

Когда она плыла на корабле по Средиземному морю в Египет, в ее голове, наверное, возникали сотни планов и замыслов на будущее. Отчаяние, которое ее охватило после смерти диктатора и крушения всех грандиозных надежд, теперь, наверное, сменилось горячим желанием начать борьбу заново. Цезарь был мертв, но его великая личность будет жить в его маленьком сыне, которого, как она верила, Антоний будет защищать, так как, делая это, он будет способствовать своим собственным честолюбивым замыслам. Легионы, оставленные в Александрии диктатором, несомненно, окажут Клеопатре поддержку; а она использует всю мощь и все богатство Египта против Октавиана. Клеопатра поведет войну ради создания того трона, за установление которого Цезарь отдал свою жизнь; и ее оружие будет направлено против той формы демократического правления, которую диктатор, возможно по ее настоянию, попытался низвергнуть, но которую человек с характером Октавиана, по ее мнению, будет поддерживать. Ее могучий Цезарь будет смотреть со звезд и направлять ее; он будет вести их сына к исполнению их замыслов, ведь сейчас он стал поистине богом среди богов. Недавно в течение семи дней в небе была видна пылающая комета, и все были убеждены, что это душа убитого диктатора стремительно несется в небеса. Даже теперь необычная дымка закрывала солнце, словно свет этого небесного тела потускнел при приближении божественного Цезаря. Перед своим отъездом из Рима царица слышала, что жрецы и общественные деятели называли Цезаря настоящим богом; и, может быть, после его смерти она уже видела его статуи со звездой во лбу, символизирующей божественную сущность. Конечно, теперь он не покинет Клеопатру, свою царицу и божество; и он не позволит их сыну исчезнуть во мраке. Со своих высоких сфер он будет защищать ее ударами своих молний и придет к ней на помощь на крыльях ветра. Так что у Клеопатры не было причин для отчаяния, и с этим удивительным оптимизмом, который, видимо, был характерен для ее натуры, она настроила свое активное мышление на мысли о будущем, сосредоточившись на обязанностях, которые ее ожидали. Когда Цезарь познакомился с Клеопатрой в Египте, она была безответственной девчонкой. Теперь она стала женщиной с проницательным умом, наделенной огнем и бесстрашием своих отважных предков и готовой сражаться со всей своей беспринципной энергией, прокладывая

себе путь на вершину своих честолюбивых замыслов. К тому же теперь у нее на руках был козырь в лице ее маленького сына, который по всем законам природы был законным наследником трона.

Часть вторая
Антоний и Клеопатра

Ц е з а р ь. Я пришлю тебе прекрасный подарок из Рима.

К л е о п а т р а. Красоту из Рима в Египет, вот уж действительно! Что такого может дать Рим, чего не может мне дать Египет?

Ц е з а р ь. Ты забываешь о сокровищах, которыми славится Рим, мой друг. Их нельзя купить в Александрии.

А п о л л о д о р. Что это, Цезарь?

Ц е з а р ь. Его дети. Ну же, Клеопатра, прости меня и пожелай мне счастливого пути, а я пришлю тебе человека, римлянина от макушки до пят, благороднейшего из римлян; не старого и годного под нож; не с тощими руками и с холодным сердцем; не прячущего лысую голову под лавровым венком завоевателя, не сгорбленного под тяжестью мира, лежащего на его плечах, а проворного и цветущего, сильного и молодого, надеющегося утром, сражающегося днем и пирующего вечером. Возьмешь такого в обмен на Цезаря?

К л е о п а т р а (дрожа). Имя, его имя?

Ц е з а р ь. Может быть, Марк Антоний?

Она бросается в его объятия.

Бернард Шоу

Глава 8
Геркулес

Когда Антоний и Октавиан впервые встретились после смерти Цезаря, первый пользовался доверием народа и без колебаний посоветовал Октавиану не пытаться заявлять свои права на наследство. Он унижал молодого человека, говоря ему, что он безумец, если считает себя способным взять на себя обязанности наследника диктатора в таком юном возрасте. В результате такого отношения между ними быстро начались раздоры. Однако в августе 44 г. до н. э. состоялось примирение; а уже в начале октября пошли разговоры о предполагаемом покушении Октавиана на жизнь Антония, и в результате этого снова разразилась неизбежная ссора. Теперь Антоний пустил слух о том, что его юный соперник был усыновлен Цезарем вследствие их аморальных отношений, и обвинил Октавиана в том, что тот безродный авантюрист. К концу года Антоний уехал из Рима, и все подумали, что скоро начнется еще одна гражданская война. Теперь он провозгласил себя мстителем за умершего диктатора, и, думаю, вполне возможно, что Антоний определенно решил продвигать притязания Цезариона, сына Клеопатры, в противовес притязаниям Октавиана. После многих превратностей судьбы Антоний подвергся нападкам и преследованиям как враг Рима, а победа Октавиана благодаря помощи Цицерона казалась гарантированной. Но благодаря ряду удивительных событий, рассказывать о которых здесь нет нужды, наконец между двумя соперниками в октябре 43 г. до н. э. состоялось примирение. Эти два человека, которые не встречались много месяцев, относились друг к другу с такой подозрительностью, что когда в конце концов они должны были заключить друг друга в дружеские объятия, каждый из них воспользовался случаем, чтобы ощупать другого и удостовериться в том, что под складками тоги у него не спрятан меч или кинжал.

Как только состоялось примирение, Антоний, Октавиан и Лепид образовали триумвират, который должен был действовать до 31 декабря 38 г. до н. э. Была достигнута договоренность о том, что Римом и Италией они будут править совместно втроем, а провинции подпадают под раздельное управление: Антоний и Лепид получают их большую часть, а Октавиан получает лишь Африку, Нумидию и острова. Затем было решено, что каждому из них следует избавиться от своих врагов, изгнав или перебив их. Был составлен список из ста сенаторов, и около двух тысяч

других богатых и видных людей также подверглись преследованиям и были убиты самым безжалостным образом; это были ужасные сцены, которых немного было в мировой истории. Цицерон стал одной из жертв, пострадав за свое враждебное отношение к Антонию, теперь возглавлявшему триумвират. Антоний занимал теперь такое положение, что мог отказаться рассмотреть просьбу Октавиана о помиловании оратора. Имущество осужденных людей было конфисковано, и благодаря этим богатствам, полученным неправедным путем, триумвиры благоденствовали и осуществляли свое правление.

Брут и Кассий, возглавлявшие заговор, который привел к смерти Цезаря, теперь дошли до открытых столкновений с Антонием и Октавианом и собирали армию в Македонии. Одно время Кассий подумывал о том, чтобы вторгнуться в Египет и завладеть деньгами и кораблями Клеопатры. Но царица, которая была готова ко всем случайностям, избежала этой беды. Разумеется, она была непримиримым врагом Брута и Кассия, убийц ее любимого Цезаря, но, с другой стороны, она не могла связывать свою судьбу с триумвиратом, потому что в него входил Октавиан, соперник ее сына Цезариона в борьбе за наследство диктатора. Вероятно, ее очень тревожило урегулирование разногласий между Октавианом и Антонием, так как оно показывало, что Клеопатра больше не может полагаться на Антония как на своего защитника.

Некоторое время спустя Долабелла, который теперь стал другом Антония и выступал против Брута и Кассия, попросил Клеопатру послать к нему на помощь легионы, оставленные диктатором в Александрии, и приблизительно в это же время подобная просьба поступила от Кассия. Клеопатра, естественно, отклонила просьбу последнего и ответила на просьбу Долабеллы. Но Кассий сумел получить от Серапиона, вице-короля царицы на Кипре, несколько египетских кораблей, которые были переданы ему без ее разрешения. Позже Долабелла потерпел поражение от Кассия, но это не сильно повлияло на Клеопатру, так как ее легионы не успели дойти до него вовремя и не были разбиты. Следующий шаг царицы был, естественно, враждебным по отношению к ее врагу Кассию. Она предприняла попытку присоединиться к Антонию. Этот маневр, однако, был совершен нерешительно из-за ее неуверенности в его отношениях с Октавианом, соперником ее сына. И когда поднялся сильный шторм, который разбил много ее кораблей и замучил ее морской болезнью, она оставила эту попытку.

В октябре 42 г. до н. э. Антоний разбил Брута и Кассия в двух сражениях при Филиппах; Кассий был убит, а Брут совершил

самоубийство. Октавиан, который тогда болел, не принимал участия в боях, и вся слава от победы досталась Антонию. Непопулярность Октавиана ярко проявилась после окончания битвы, когда пленники, которых провели перед двумя полководцами, приветствовали Антония с уважением, а Октавиану достались самые грязные ругательства. Было решено, что Антоний теперь должен совершить поездку по Востоку, чтобы собрать деньги и утвердить власть триумвирата. В это время Октавиан должен был попытаться восстановить порядок в Италии, а африканские провинции были переданы не имевшему никакого веса Лепиду. Тот факт, что Антоний выбрал своей сферой влияния восточные провинции, ясно указывает на то, что Октавиан по-прежнему находился на вторых ролях, ведь эти богатые земли составляли самую ценную часть римских владений. С большой армией Антоний триумфально прошествовал по Греции, а оттуда по Малой Азии; в конце лета 41 г. до н. э. он сделал Тарс (Тарсус) своей временной штаб-квартирой.

Из Тарса Антоний послал в Александрию офицера по имени Деллий с приглашением Клеопатре встретиться с ним, чтобы обсудить положение. Антоний предполагал, что она оказала какую-то помощь Бруту, но египетская царица, с другой стороны, видимо, обвиняла Антония в том, что тот покинул ее, заключив союз с Октавианом. Но Клеопатра не могла позволить себе ссориться с Антонием, так как теперь он был самым могущественным человеком в римском мире, и поэтому она решила приплыть в Тарс без промедления.

Она уже знала, что за человек Антоний. Клеопатра много раз видела его в Риме, хотя не осталось никаких прямых сведений об этом, и, вероятно, заключила с ним некий союз; при этом она, наверное, постоянно слышала о его недостатках и достоинствах как от Юлия Цезаря, так и от ее друзей-римлян. Посланец Деллий, которого Антоний послал к Клеопатре, сообщил о мирных намерениях Антония и охарактеризовал его как самого мягкого и покладистого воина, в то время как значительная часть мира, как ей было прекрасно известно, называла его хорошим парнем. В то время Антоний был самой заметной фигурой в римском мире, а его характер и личность, вероятно, были темой заинтересованного обсуждения в царском дворце в Александрии, как и при любом другом дворе. Ренан назвал Антония «большим ребенком, способным завоевать мир и неспособным отказаться от удовольствия», и это уже, вероятно, стало широко распространенной оценкой характера полководца. Фигура Антония возвышалась над народами, господствуя над

жизненными событиями, и его рука, подобно сильной руке бога, играла как царями, так и простыми солдатами. Для многих людей он был добродушным великаном, олицетворением Бахуса, дарующего радость; но в разоренных странах, по которым он прошелся, его называли Разрушителем, и страх перед ним был огромен.

Это был человек поразительной внешности: высокий, мощного телосложения; его мускулы были развиты, как у гладиатора, а его густые волосы вились локонами. Тем, кто видел Антония, он напоминал статуи и портреты Геркулеса, на родство с которым он претендовал. У него был широкий лоб, орлиный нос, крепкий, хорошей формы рот и, хоть и несколько тяжелый, подбородок. Выражение его лица было открытым и честным; на губах и в глазах был намек на благодушие, что, вероятно, притягивало к нему людей. Физическая сила Антония и благородная внешность вызывали безграничное восхищение у его соратников; для большинства женщин его мужская привлекательность была неотразима: это была сила, которой он безудержно пользовался. Самый заклятый враг Антония Цицерон называл его мясником или профессиональным бойцом из-за его тяжелой челюсти, мощной шеи и крепких боков; но это, наверное, является естественным и, безусловно, удобным ложным истолкованием черт, которые вполне могли внушать зависть.

Характер Антония, несмотря на многие серьезные недостатки, был необычайно приятным. Его обожали солдаты, которые, говорят, ставили его хорошее мнение о них выше самой своей жизни. Для этой преданности, по словам Плутарха, было много причин: благородное происхождение семьи Антония, его красноречие, искреннее и открытое поведение, производящие впечатление свободное поведение, простота в общении со всеми, а также его доброта, которая проявлялась в посещении больных, сострадании к ним и разделении с ними их боли. После сражения Антоний обычно ходил от одной солдатской палатки к другой и подбадривал раненых, бурно горюя при виде страданий своих солдат. А они, с сияющими лицами, хватали его руки и называли его своим императором и полководцем. Простота характера Антония вызывала любовь, ведь среди больших сложностей и неискренности человеческой жизни открытая и понятная натура всегда ценится очень высоко. Глубокий ум гения доставляет радость высокообразованным людям, но для обыкновенного человека гораздо привлекательнее была детская искренность Антония. Антоний не был гением, он был заурядным человеком огромного роста. В нем видят обычного человека в необычных обстоятельствах, властвующего над успехом и возвышающегося

над неудачами, до тех пор пока он в конце концов, увы, не поддастся давлению событий.

Естественность и оригинальность его характера поразительно видны в некоторых анекдотах, рассказанных Плутархом. Свою жену Фульвию Антоний называет матроной, «рожденной не для того, чтобы прясть или вести домашнее хозяйство; она не из тех, кто может довольствоваться властью над мужем; эта женщина готова управлять главой государства или отдавать распоряжения главнокомандующему». Чтобы держать эту энергичную женщину в благодушном настроении, бесхитростный Антоний обычно совершал всевозможные мальчишеские выходки; казалось, ему доставляет удовольствие наскакивать на нее из темных уголков дома и т. п. Когда Цезарь возвращался с войны в Испании, распространился слух о том, что он потерпел поражение и что враг идет на Рим. Антоний, который вышел из города, чтобы встретить своего господина, нашел в этом слухе повод для того, чтобы еще раз разыграть свою суровую жену. Поэтому он переоделся в одежду маркитанта и отправился к себе домой, куда его впустили после того, как он заявил, что у него срочное письмо от Антония, которое он должен вручить лично в руки Фульвии. Его провели к взволнованной матроне, и перед ней предстала закутанная с головы до пят, загадочная фигура, похожая на испанского разбойника из современной комической оперы. Трагическим голосом Фульвия спросила, не случилось ли чего с ее мужем, но молчаливая фигура, не говоря ни слова, сунула ей в руки письмо; и тогда, когда она нервно открывала его, Антоний внезапно сбросил плащ, обхватил жену за шею и поцеловал. После этого он вернулся к Цезарю и вступил в Рим в колеснице диктатора с огромной помпой и со всей торжественностью, подобающей такому случаю.

В последующие годы Антоний постоянно проделывал такие трюки в Александрии; вместе с Клеопатрой он имел обыкновение ночью бродить по городу, переодевшись слугой, и будить своих друзей стуком в двери и окна, за что, по словам Плутарха, ему часто доставались даже тумаки, хотя большинство людей догадывались, кто перед ними. Антоний оставался по своему характеру юнцом до конца своих дней, и, вероятно, эта его бурная непоследовательность в самые тревожные времена придавала ему вид вакхического божества. Его друзья, вероятно, думали, что, безусловно, есть божественная печать на том, кто может легко переживать опасные времена так, как он.

Антоний никому не позволял стоять на пути своих удовольствий, и он играл в создание империи, словно между прочим. Однажды утром в Риме Антоний решил, что ему

необходимо выступить с важной речью перед народом, несмотря на ощущаемые последствия неумеренных возлияний на протяжении всей ночи на свадьбе комедианта Гиппия, который был его особым другом. Неуверенно стоя перед жаждущими слушателями, он уже собирался начать свое выступление, когда к горлу подкатила тошнота, и возмущенная природа отомстила ему на глазах у всех. Случаи такого рода временами делали его, по утверждению Цицерона, ненавистной фигурой в глазах высших классов Рима; но необходимо сказать, что вышеупомянутый эпизод произошел, когда он был еще молодым человеком, а его невоздержанность не была такой оскорбительной в более поздние годы. На протяжении большей части его жизни Антоний не знал удержу в пирах и возлияниях, но нет причины предполагать, что он, за исключением последних лет своей жизни, был хроническим пьяницей. Неправильным будет изображать его на постоянных пьяных пирушках или пьющим тайком, как пропойца; но на пирах и церемониях Антоний энергично опрокидывал кубки с вином и пил с любым человеком. Когда не хватало еды и вина, как часто случалось во время его военных походов, Антоний без усилий становился воздержанным. Однажды, когда из-за Цицерона он и его легионы оказались изгнанными из Рима, Антоний, по словам Плутарха, подал «своим солдатам самый замечательный пример. Он, который недавно жил в роскоши и богатстве, без труда теперь пил нечистую воду и ел лесные плоды и коренья».

Антоний был, конечно, немного варваром, и его невоздержанность часто заставляет нас вспоминать обычаи готов или викингов. Он сильно пил, шумно шутил, был при случае жесток, пользовался любовью женщин, шумел, как школьник, и, наверное, ругался как извозчик. Но при всем при том он еще за два года до смерти сохранял способность напряженно трудиться, что явствует из того факта, что он был правой рукой Юлия Цезаря, а после него абсолютным самодержцем Востока. Характер Антония был сильным, но при этом состоял из таких преувеличенных человеческих достоинств и слабостей, что благодаря своему сходству с обычным солдатом, своему соответствию типу обыкновенного гражданина Антоний завоевал абсолютную власть над умами простых людей. Тщеславию любого индивидуума льстило, что благодаря своим мозгам и способностям, не большим, чем его собственные, этот человек стал владыкой половины римского мира. Не гений с поразительным интеллектом непостижимо умело правил на подвластных землях, а крепкий, сильный и смелый простой человек из народа. С удовлетворением рассказывали историю о том, что, когда Антонию показали небольшое здание сената в

Мегарах, которое, по-видимому, было жемчужиной древней архитектуры и которым заслуженно гордились образованные жители, он сказал им, что оно «не очень большое, но очень *разрушенное*» – это замечание напоминает слова одного американского туриста в Оксфорде о том, что постройки давно не ремонтировались. Немного простого мещанства – очень полезная вещь.

Немного драматизма тоже не мешало. Антоний всегда был в какой-то степени актером и любил в непринужденной манере разыгрывать спектакли. Когда он выступал перед народом с речами, то старался приковать к себе взгляды своих слушателей, пока услаждал их слух. Мы видели, как в своем знаменитом выступлении на похоронах Цезаря Антоний в психологически нужный момент продемонстрировал толпе окровавленную одежду убитого диктатора с дырами от кинжалов убийц. Желая произвести глубокое впечатление на свои упавшие духом войска во время отступления из Мидии (Западный Иран), он облачился в траурную одежду, и лишь с огромным трудом его военачальники уговорили полководца сменить ее на алый плащ главнокомандующего. Антонию нравилось одеваться так, словно он исполнял роль Геркулеса, для чего природа поистине и создала его; и на публичных собраниях он часто появлялся, «низко завязав пояс туники на бедрах, с широким мечом на боку, а поверх всего этого надев большую грубую накидку», которая завершала этот прекрасный образ. В культурных Афинах, как он, наверное, думал, это был для него наиболее подходящий наряд для демонстрации миролюбия. На спортивных играх мы видим его одетым в римскую тогу и белые башмаки распорядителя, впереди него несут жезлы, положенные ему по должности. В таких случаях его роль Геркулеса доводила его до того, что он разнимал бойцов, хватая их за шиворот и держа на расстоянии вытянутой руки друг от друга. В последние годы жизни любовь Антония к демонстративному поведению и виду привела к тому, что у него появились необычные привычки; и если часто он одевался как Бахус, то его повседневная одежда была насыщенного пурпурного цвета, с застежками из огромных драгоценных камней.

Волшебство сцены всегда сильно манило Антония; к тому же он обнаружил, что общество музыкантов и комедиантов его особенно привлекает. В Риме одним из его лучших друзей был актер Сергий; и он так гордился своим знакомством с актрисой по имени Цитерия, что часто приглашал ее сопровождать его в какой-нибудь поездке и подарил ей паланкин, который был ничуть не хуже паланкина его собственной матери, что, наверное,

сильно уязвляло пожилую даму. Во время таких поездок Антоний приказывал ставить шатры, и под деревьями на берегу Тибра готовили роскошные трапезы: его гостям подавали бесценные вина в золотых кубках. Когда он совершал публичные поездки по стране, его сопровождала цирковая труппа, и народ развлекался, глядя на шутов, музыкантов и колесницы, запряженные львами. В таких поездках его часто сопровождала Цитерия, чтобы развлекать его, а несколько танцовщиц и певцов составляли часть его свиты. Размещение на ночевку этих необычных молодых женщин в домах «серьезных отцов и матерей семейств», по выражению Плутарха, вызывало большое негодование и намекало на такой склад ума Антония, который нельзя объяснить мальчишеским желанием шокировать. Нельзя сомневаться в том, что ему нравилось нарушать внешние приличия; он сердечно относился к тем людям, которых другие считали отверженными. Подобно Чарльзу Лэму (1775–1834, английский поэт, публицист, критик), Антоний, возможно, предпочитал «человека, каким ему не следует быть», что в определенной степени может быть замечательной позицией. Но более вероятно то, что такие действия, только что перечисленные, были просто легкомысленными; их не сдерживали размышления о чувствах других людей до тех пор, пока эти гневные чувства не оказывались направленными на него самого, и тогда, как повествует Плутарх, Антоний мог искренне раскаяться.

Его мало заботило общественное мнение, и он понятия не имел о том, какое раздражение и душевные страдания причиняли его действия. Во многом Антоний находился под влиянием своих придворных и друзей, и, пока все вокруг него казались счастливыми и веселыми, он не видел причин для дальнейших расспросов. Когда Антоний был в Азии, он считал необходимым для хорошего состояния своей армии обложить налогом города, которые уже платили ему дань. С этой целью без долгих размышлений им были отданы соответствующие распоряжения. На самом деле, по-видимому, он просто забыл, что города уже платят ему дань. Поэтому некий Гибреас от имени азиатских городов выразил недовольство дальнейшими поборами и напомнил Антонию о ранее назначенном налоге. «Если ты его не получил, – сказал этот человек, – спроси о нем своих сборщиков налогов. Если ты его получил и потратил, мы пропали». Антоний сразу же увидел разумность доводов, понял, какие страдания он собирался навлечь на людей, и, как говорится, будучи задетым за живое, быстро отдал другие распоряжения. Так как он был очень хорошего мнения о себе и так как его друзья грубо льстили ему, он не сразу видел свои собственные недостатки. Но когда

Антоний понимал, что был не прав, он глубоко раскаивался и никогда не стыдился попросить прощения у тех, кого он обидел. С мальчишеской расточительностью Антоний выплачивал им компенсацию, осыпая их такими подарками, что его щедрость в таких случаях, говорят, сильно превышала его строгость по отношению к другим.

Антоний был щедрым во все времена и к своим друзьям, и к врагам. Похоже, он унаследовал это качество от своего отца, который, судя по краткой ссылке на него у Плутарха, был добрым стариком, немного боявшимся своей жены и любившим делать подарки своим друзьям за ее спиной. «Щедрость Антония, – пишет Плутарх, – его привычка открыто раздавать подарки и милости своим друзьям и соратникам очень помогла ему в его первом продвижении к власти; а после того, как он стал великим, она долго поддерживала его успехи, когда тысяча безрассудных поступков ускоряла их ниспровержение». Настолько щедрыми были подарки Антония своим друзьям, и так велико было его гостеприимство, что он всегда был в долгах, а в начале своей зрелости он даже был должен своим кредиторам огромные деньги. Антоний плохо себе представлял ценность денег, и его расточительность была притчей во языцех. Однажды он приказал своему дворецкому выплатить большую сумму денег одному из своих нуждающихся друзей. Сумма настолько потрясла дворецкого, что он отсчитал ее в мелких серебряных монетах (видимо, в денариях. Один золотой ауреус приравнивался к 25 денариям. – *Ред.*), которые он велел насыпать в кучку на видном месте, где ее мог увидеть даритель, чтобы своими размерами она заставила его передумать. И Антоний наткнулся на эту горку денег и спросил, для чего она. Дворецкий значительно намекнул ему, что это та сумма, которая должна быть отдана его другу. «Н-да, – сказал Антоний равнодушно, – я думал, монет будет гораздо больше. Этого слишком мало, пусть эта сумма удвоится».

К тому же он был так же щедр в делах, как и в дарении. После своего александрийского триумфа он не казнил побежденного армянского царя Артавазда (Антоний захватил Артавазда II коварством. – *Ред.*), которого провели в золотых цепях по улицам города, хотя такие казни были в обиходе римлян. Перед морской битвой при Акции консул Домиций Ахенобарб сбежал и переметнулся к Октавиану, бросив все свое имущество, рабов и свиту. Проявив потрясающее благородство, Антоний послал ему вслед его добро, не желая ни обогащаться за счет своего вероломного друга, ни отомстить ему жестоким обращением с кем-то из тех, кого консул бросил в таком опасном положении. После сражения при Филиппах Антоний очень хотел

взять своего врага Брута живым, но военачальник последнего по имени Луцилий совершил героический поступок и помешал этому: он назвался Брутом и сдался солдатам Антония. Солдаты, ликуя, привели пленника к Антонию, но Луцилий, представ перед ним, объяснил, что он не Брут, но назвался им, чтобы спасти своего полководца, и теперь готов заплатить своей жизнью за этот обман. После этого Антоний, обращаясь к разъяренной и возбужденной толпе, сказал: «Я вижу, ребята, вы огорчены тем, что вас так обманули; вы думаете, что вас этим обесчестили и оскорбили, но вы должны знать, что вы встретились с большей удачей, чем та, о которой вы мечтали. Ведь вы искали врага, а привели ко мне друга. Я уверен, что лучше иметь таких людей, как Луцилий, своими друзьями, чем врагами». И с этими словами он обнял храброго военачальника и отпустил его на свободу. Вскоре, когда Брут, убийца и своего старого друга Юлия Цезаря, и его брата Антония Гая, совершил самоубийство, Антоний не стал мстить его телу, выставляя его на поругание, как это часто делалось, а сдержанно прикрыл его своим собственным алым плащом и приказал похоронить за свой счет с воинскими почестями. Точно так же после взятия Пелусия и поражения и смерти Архелая Антоний разыскал тело своего поверженного врага и похоронил его с царскими почестями. В молодости Антоний чрезвычайно учтиво обошелся с Лепидом, армию которого он склонил на свою сторону. И хотя Антоний был абсолютным хозяином ситуации, а Лепид был в его руках, он настоял на том, чтобы проигравший полководец оставался командующим своей армией, и всегда уважительно обращался к нему как к «отцу».

Многие действия Антония были продиктованы чем-то вроде юношеской импульсивности. Он подарил своему повару прекрасный дом в Магнесии (в Малой Азии, близ Смирны, совр. Измир; здесь в 190 г. до н. э. состоялась решающая битва, в которой римляне разбили армию Антиоха III, после чего царство Селевкидов стало быстро терять свою мощь и распадаться. – *Ред.*) – кстати, это была чья-то собственность – в награду за один-единственный удачный ужин. Импульсивность Антония проявлялась и по-другому, и по своей природе, которая не допускала промедления в претворении в жизнь мысли, занимающей его ум, ее следует определить как разновидность нетерпения. Будучи молодым человеком, жаждущим быстрой славы, Антоний вдруг пошел по пути Клодия, «самого дерзкого и скандального демагога того времени». Вместе с ним Антоний вел беспорядочную жизнь, полную жестокости и насилия, и так же внезапно разорвал отношения с Клодием и уехал в Грецию, чтобы

с энтузиазмом изучать там изящные искусства. В более поздние годы внезапное вторжение Антония в Мидию (Мидийскую Атропатену, входившую в Парфянское царство; в 36 г. до н. э. войска Антония осадили ее столицу Фрааспу, но парфяне напали на обоз, охраняемый двумя легионами, и уничтожили осадные машины. – *Ред.*), которое было таким поспешным, что он был вынужден оставить все свои осадные орудия, является самым известным примером этого нетерпения (автор не понял. Антоний отступил потому, что парфяне уничтожили осадные орудия. – *Ред.*). Морское сражение при Акции, которое положило конец его карьере, было проиграно из-за внезапного порыва с его стороны; и, наконец, лишение себя жизни было в какой-то степени нетерпеливым упреждением естественных процессов.

Эта черта характера Антония в сочетании с врожденным бесстрашием делала его очень сильной фигурой на войне, и, когда счастье было на стороне Антония, она превращала его в блестящего полководца. Антоний ничего не боялся; казалось, что опасности были для него приятным расслаблением в однообразной жизни. В бою, с которого началось подавление восстания Аристобула (Аристобул II – иудейский царь, плененный в 63 г. до н. э. Помпеем, взявшим тогда же Иерусалим. Аристобула II отправили в цепях в Рим. Он бежал и попытался поднять восстание, но оно было подавлено, Аристобула II снова взяли в плен. – *Ред.*), Антоний был первым, кто взобрался на вражеские укрепления и в жестоком бою разбил вражеский отряд, намного превосходивший по численности его собственный. Антоний взял в плен Аристобула и его сына и, как мстительный бог, истребил почти все войско противника. В другой раз стремительный бросок Антония через пустыню в Пелусий и блистательный захват этой крепости принесли ему немалую славу. Кроме того, в войне с Помпеем, по словам Плутарха, «не было ни одного сражения, в котором Антоний не показал бы себя: он останавливал поспешно отступающую армию, снова вел ее в атаку и добивался победы, так что… его репутация, почти такая же, как у Цезаря, была в армии очень высока». Во время своего гибельного отступления из Мидийской Атропатены Антоний проявил величайшее бесстрашие, и далеко не просто смелость дала ему возможность – после ужасов отступления в Армению – подготовиться ко второй военной кампании.

Полководческое искусство Антония не было особенно умелым, хотя при Фарсале Цезарь поставил его командовать левым флангом армии, а сам взял правый. Но смелость Антония, уверенность и преданность, которые он вселял в своих солдат, сделали его надежным командиром. Его популярность среди

солдат, как уже было сказано, была безгранична. Его внушительная, мужественная внешность апеллировала к восприятию драматизма ситуации в условиях войны, которому опытный солдат хорошо обучен. Фамильярные отношения Антония с солдатами придавали личный оттенок их преданности к нему, и каждый солдат знал, что его полководец следит за ним. Иногда Антоний приходил к солдатам разделить их простую еду, садился вместе с легионерами за стол, ел и пил вместе с ними. Он присоединялся к ним на занятиях по боевой подготовке и бегал, боролся или дрался на кулаках с лучшими из них. Антоний подтрунивал над военачальниками и рядовыми и любил, когда они ему отвечали тем же. «Его насмешки, – пишет Плутарх, – были острыми и оскорбительными, но их резкость ослаблялась его готовностью подчиниться любому остроумному ответу, потому что он так же любил оказаться объектом шуток, как и посмеяться над другими». Одним словом, Антоний был «предметом восхищения и радостью всей армии».

Он обладал поразительным красноречием – способностью, которую, по-видимому, унаследовал от своего деда, который был известным адвокатом. В молодые годы Антоний изучал это искусство в Афинах и увлекся стилем известным как азиатский, который отличался цветистостью и нарочитостью. Когда Помпей в Риме находился на вершине власти, а Цезарь был в тени, Антоний читал письма своего начальника в римском сенате, производя такое впечатление, что приобрел для своей партии много приверженцев. Публичная речь Антония на похоронах Цезаря привела к низвержению его убийц. Когда Антоний сам оказался изгнанным из Рима, он своими словами произвел такое впечатление на армию Лепида, к которой он бежал, что был отдан приказ трубить в трубы, чтобы заглушить его зачаровывающий голос. «Не было ни одного современника, равного ему в умении обращаться к толпе, – пишет Плутарх, – или в умении увлечь за собой солдат силой слов». Наверное, именно в красноречии в наибольшей степени проявилось отклонение Антония от посредственности; хотя даже в этом можно найти не более чем восторженную бездарность. Прекрасные внешние данные, искренняя и энергичная манера говорить производят огромное впечатление на толпу; а обычная искренность является для человека самым возбуждающим средством.

И все-таки еще одной причиной популярности Антония как среди солдат, так и среди его друзей было сочувствие, которое он всегда проявлял к интрижкам и чувствам влюбленных. «В любовных связях, – пишет Плутарх, – Антоний был готов сделать все, что угодно; он приобретал друзей, оказывая им помощь в их

любовных романах, и добродушно принимал насмешки других людей над своими собственными любовными приключениями». Антоний легко и чрезвычайно часто влюблялся, и женщины по причине его великолепного телосложения и благородной осанки нередко бегали за ним. У серьезных людей Антоний имел дурную репутацию из-за фамильярного обращения с чужими женами; но нравы того времени были распущенными, и его собственная жена Антония имела любовную связь с его другом Долабеллой, из-за чего Антоний развелся с ней, после чего женился на умной Фульвии. Антоний был полным жизни, зрелым мужчиной, не ограниченным какими-то жесткими моральными принципами и не имевшим никакого образца семейного постоянства ни по своему воспитанию, ни по склонностям. Он не стыдился последствий своих беспорядочных любовных связей, а позволял природе брать над ним верх. Подобно своему предку Геркулесу, он так гордился своим родом, что желал, чтобы он множился во всех краях, и никогда не ограничивал свои надежды на потомство какой-то одной женщиной.

В его характере была некоторая безжалостность, и примером тому является убийство Цицерона. Оратор навлек на себя враждебное отношение Антония, во-первых, тем, что казнил и отказал в погребении отчима Антония, Корнелия Лентула. Позднее Цицерон стал причиной изгнания Антония из Рима и тех лишений, которым тот подвергся при переходе через Альпы. Вероломный Долабелла был зятем Цицерона, что, вероятно, добавило кое-что к семейной вражде. К тому же Цицерон в своих устных и письменных выступлениях постоянно делал выпады против Антония. Поэтому неудивительно, что, когда Октавиан, Антоний и Лепид, как мы уже видели, решили избавить государство от некоторых нежелательных граждан, Цицерон был приговорен к смертной казни и умерщвлен. Плутарх рассказывает, что его голову и правую руку повесили над ораторской трибуной на Римском форуме и что Антоний засмеялся, когда увидел их там, наверное, потому, что в своей простоте он не знал, что еще надо сделать, чтобы как-то покончить с ситуацией, которой он немного стыдился.

Но, как правило, Антоний был добросердечным и гуманным человеком и, как уже было показано, редко проявлял суровость или жестокость по отношению к своим врагам. Для многих людей он был воплощением и олицетворением добродушия, веселья и силы; Антоний казался им соединением Бахуса с Геркулесом, и если его нравственные устои не были возвышенными, то в его защиту можно сказать, что они не противоречили той роли, для которой его создала природа.

Мало что известно об отношении Антония к религии, и нельзя сказать, поддерживал ли он какое-либо из атеистических учений, которые в то время так широко проповедовались; тот факт, что Антоний позволял поклоняться себе как Бахусу, не помогает нам сформировать какое-либо мнение на этот счет. Однако, возможно, его вера была незамысловата и согласовывалась с его характером; известно, что он был суеверен и верил в существование сверхъестественного. Один египетский прорицатель произвел на Антония глубокое впечатление, предсказав ему будущие события его жизни и предупредив о том, что Октавиан придет к власти. Кроме того, когда Антоний пошел войной на Парфию, он взял с собой сосуд с водой из водяных часов, так как сделать это его побудил оракул; и в то же время он взял с собой венок из листьев священного оливкового дерева. Он безоговорочно верил в божественную природу снов, и известен один случай, когда ему приснилось, что в его правую руку попала молния, после чего он разоблачил заговор, целью которого было лишение его жизни. Но такие суеверия были широко распространены даже среди образованных людей; и вера Антония в предзнаменования заслуживает внимания здесь лишь только потому, что она сыграла некоторую роль в его карьере. До последнего года жизни Антонию сопутствовала удача, и благосклонная к нему фортуна помогала ему выбираться из многих затруднительных ситуаций, в которые заводила его горячность. Многим казалось, что Бахус действительно отождествлялся с Антонием, посылая ему на помощь свою божественную силу; а после окончательного падения Антония несколько человек заявили, что они на самом деле слышали топот и музыку, которые знаменовали собой, что бог покинул падшего великана. Историк не может не найти смягчающие обстоятельства большинства действий «огромного ребенка», которые заслуживали порицания; и среди этих отговорок (причин) нет ни одной столь актуальной, как постоянное присутствие улыбающейся Антонию фортуны. «В несчастье Антоний, – пишет Плутарх, – был почти добродетельным человеком», и, если мы хотим дать правдивую оценку его характера, мы не должны забывать о его мужественной и благородной позиции в те дни, когда он бежал из Рима или отступал из Мидийской Атропатены. Именно тогда он расстался со своей мальчишеской непоследовательностью и стал мужчиной. Во все другие времена он был баловнем фортуны, который резвился, одержав победу, шутил, пил, любил и сражался, не обращал внимания на общественное мнение и, подобно богу, играл со значительной частью римского мира как хотел.

Когда Деллий привез к нему Клеопатру, Антоний находился на вершине своей власти. Он был абсолютным владыкой Востока, и его расположения искали цари и царевичи, которые видели в нем будущего правителя всей Римской империи. Цезарь, вероятно, часто говорил египетской царице о недостатках и способностях Антония, да и она сама, наверное, увидела искренность и простоту его характера. Поэтому она пустилась в путь, готовая встретиться не с гением, а с обычным человеком, образцом побед и промахов простой человеческой натуры и, кстати, с мужчиной, в какой-то степени измученным эмансипированной женой.

Глава 9
Эрос

Полная решимости вернуть обратно непостоянного Антония и привлечь его к борьбе за свое дело и дело своего сына, Клеопатра отбыла из Александрии, и, пройдя между Кипром и побережьем Сирии, однажды утром ее корабли вошли в устье реки Кидн в Киликии и стали подниматься вверх по течению к городу Тарсу, расположенному на берегах этой реки в тени лесистых склонов Таврских гор. Этот город был знаменит своей морской торговлей и школой ораторского искусства. Корабли Тарса славились с древних времен; на этих судах преподаватели риторики путешествовали повсюду, неся методы своей *alma mater* (то есть школы) всему миру. Юлия Цезаря и Катона можно назвать учениками этой школы, и они уже сыграли свою роль на предыдущих страницах; а теперь Антоний, первый римлянин того времени, почтил Тарс своим присутствием. Город располагался в нескольких милях от моря, и только тогда, когда день близился к закату, его здания и оживленные причалы на фоне горных склонов предстали перед взорами египтян. Пока флот плыл вверх по реке, окрестные жители толпились на берегах и наблюдали за его величественным продвижением. Возбуждение еще возросло, когда стало видно, что судно царицы оснащено и украшено с неумеренной пышностью. У города река расширялась, превращаясь в тихое озеро, и здесь, на рейде, где стояли знаменитые на весь мир торговые суда, должны были встать на якорь корабли Клеопатры, а на причалах и набережных столпились городские жители, которые собрались, чтобы своими глазами увидеть прибытие царицы (к настоящему времени река Терсус-Чай, в античные времена Кидн, сильно обмелела. – *Ред.*).

Узнав о ее приближении, Антоний сел на место судьи на рыночной площади, ожидая, что она немедленно сойдет на берег и явится выразить ему свое почтение. Но Клеопатра не собиралась играть роль, которая могла быть истолкована как роль вассала или просителя, и поэтому она осталась на борту своего судна на некотором расстоянии от берега, словно не торопясь встретиться с Антонием.

Тем временем стали распространяться слухи о великолепии судов царицы; говорили, что на них идут приготовления к приему триумвира. Толпы людей вокруг суда на рыночной площади после этого поспешили присоединиться к толпе на причалах, и вскоре Антоний остался один со своей свитой. Он сидел какое-то

время в ожидании, пока, потеряв терпение, не послал гонца к царице с приглашением поужинать вместе с ним. На это она ответила просьбой привести с собой римских и местных магнатов на ужин к ней, и Антоний, не желая препираться со старой знакомой, сразу же принял это приглашение. Поэтому в сумерках Клеопатра приказала, чтобы ее судно подошло к городу и встало на якорь у многолюдного причала, где его уже ждал Антоний, чтобы взойти на борт. И крепкий римлянин, всегда любивший театральные представления, вероятно, получил сильные впечатления от зрелища более волнующего, чем любое из тех, что он видел раньше.

По воде, на которой отражались последние отсветы заходящего солнца, царский корабль несли к берегу ряды весел с серебряной окантовкой; огромные пурпурные паруса лениво висели в неподвижном вечернем воздухе. Судно управлялось при помощи рулевого весла, за которым стояли на корме двое кормчих под навесом в форме огромной слоновьей головы из сверкающего золота, хобот которой был задран вверх. Вокруг рулевых стояли несколько прекрасных рабынь в нарядах морских нимф и граций; рядом с ними оркестр музыкантов играл на флейтах, трубах и арфах мелодию, в такт которой, казалось, медленно движутся весла. Сама Клеопатра, одетая в свободно ниспадающий переливающийся наряд богини Венеры, возлежала под навесом, осыпанным золотом; при этом мальчики в костюмах купидонов стояли по обеим сторонам ее ложа, обмахивая ее опахалами из разноцветных страусовых перьев. Перед царским балдахином на изящных подставках стояли медные курильницы, источавшие ароматные облака специально приготовленного египетского ладана, чудесный аромат которого ветер донес до берега прежде, чем судно встало на якорь.

Наконец, когда дневной свет начал меркнуть, царский корабль встал на стоянку у запруженного людьми причала, и Антоний ступил на борт, а следом за ним туда взошли его старшие военачальники и местные знаменитости Тарса. Встреча Антония с царицей была, по-видимому, чрезвычайно сердечной, так как манера ее появления, вероятно, сделала какие-либо упреки в ее адрес в тот момент невозможными. К тому же великолепие места их встречи, очарование сумерек, манящая красота Клеопатры, нежность звуков музыки, смешивающихся с плеском воды, аромат ладана и бесценных духов, вероятно, всколыхнули воображение Антония и вытеснили из головы все мысли об упреках. Ему никак не представлялась возможность серьезно поговорить с Клеопатрой, так как всех повели в пиршественную залу, где был накрыт великолепнейший ужин.

Двенадцать тройных диванов с подушками, покрытых вышивками, были расставлены по всей комнате; перед каждым стоял стол, на котором были расставлены золотые блюда, инкрустированные драгоценными камнями, и кубки для питья изящной работы. Стены пиршественной залы были увешаны вышивками из пурпурных и золотых нитей, а пол был устлан цветами. Антоний не мог удержаться от восклицания при виде великолепия этого пира, на что Клеопатра заметила, что тут не о чем говорить. И тогда она сделала Антонию подарок – подарила ему все, что было на пиру: блюда, кубки, кушетки, вышивки и все прочее, что было в зале. Вновь вернувшиеся на палубу гости были в приподнятом настроении; они стали еще более восприимчивыми, попробовав египетского вина. К их удивлению, они обнаружили, что стоят под изумительным калейдоскопом светильников, которые в форме квадратов и кругов свисали с множества ветвей, переплетенных над их головами. И в такой почти волшебной обстановке они наслаждались живительным обществом обворожительной молодой царицы до тех пор, пока не опустели кувшины с вином и не догорели светильники.

С берега пирующие, двигающиеся взад и вперед среди этой галактики огней под веселые мелодии оркестра, наверное, казались актерами какого-нибудь божественного спектакля. Все открыто говорили – будто это так и было на самом деле, – что Венера сошла на землю, чтобы отпраздновать с Дионисом (Антонием) благоденствие Азии. Клеопатру, как мы уже видели, отождествляли с Венерой, когда она жила в Риме, а в Египте ее всегда обожествляли. Таким образом, облик, в котором она предстала в Тарсе, не был выбран ею нарочно, как это обычно считается, с целью создать прелестную картину. На самом деле ее желанием было, чтобы ее приняли как богиню, чтобы Антоний мог увидеть в ней божественную царицу Египта, которую сам Цезарь принимал и почитал как воплощение Венеры. Следует помнить, что в то время люди были склонны отождествлять известных людей с популярными божествами. Дочь Октавиана Юлию жители некоторых городов точно так же отождествляли с Венерой Генетрикс. Мы видели, как Цезаря называли Фавном, а Антония – Дионисом (Бахусом); и стоит вспомнить, как в Листре Павла и Варнаву приветствовали как Зевса (Юпитера) и Гермеса (Меркурия) (Деян., 14: 6–13; однако затем по наущению иудеев забили Павла камнями почти до смерти «и вытащили за город, почитая его умершим» [Деян., 14: 19]. Павел вспоминает о страданиях в Листре во Втором послании к Тимофею [2 Тим., 3: 11]. – *Ред.*). Во многих известных случаях, вроде этих, люди действительно верили в это тождество; и хотя некоторые

раздумья, вероятно, ограничивали длительность такой веры, в то время, казалось, не было причин для сомнений в том, что эти божества оказались на земле. Толпы людей, которые стояли на берегах реки Кидн в тот вечер, вероятно, действительно поверили в то, что они видят, как известная богиня, олицетворением которой являлась Клеопатра, развлекается с воплощением ими любимого бога.

Антоний пригласил Клеопатру отужинать с ним на следующий день, но царица, видимо, снова убедила его прийти вместе со своей свитой на ее пир. Это второе пиршество было настолько великолепнее, чем первое, что, по словам Плутарха, уже описанный прием по сравнению с ним был достоин презрения. Когда гости уходили, Клеопатра не только подарила каждому диван, на котором каждый из них возлежал, и кубки, стоявшие перед ним на столе, а самым главным гостям паланкины вместе с рабами-носильщиками и мальчиками-эфиопами, чтобы нести перед ними факелы. Менее значительным гостям она предоставила лошадей в золотой сбруе и попросила их оставить скакунов себе на память об этом пире.

На следующий вечер Клеопатра наконец соблаговолила отобедать с Антонием, который истощил все ресурсы Тарса в своем желании организовать пир, который по пышности оказался бы равным приемам царицы. Но это ему не удалось, и он первым пошутил насчет своего неуспеха и бедности своей фантазии. Приемы царицы были отмечены тем блеском общения и атмосферой утонченности, которые в былые годы так привлекали великого диктатора; а обед Антония, наоборот, был примечателен грубостью ума и тем, что Плутарх называет деревенской неповоротливостью. Однако Клеопатра оказалась на высоте и быстро изменила свое поведение, чтобы оно подходило к манерам дородного хозяина дома. «Поняв, что его шутки грубоваты, пошлы и присущи скорее солдатам, нежели придворным, она сразу же восприняла эту манеру, не демонстрируя никакого отвращения или холодности». Таким образом, Клеопатре вскоре удалось очаровать этого всесильного римлянина и сделать его своим самым преданным другом и союзником. Было что-то неотразимое и волнующее в ее присутствии; ведь утонченность, живость характера и очарование голоса Клеопатры усиливались тем, как она рассуждала на различные темы, возникавшие в ходе разговора. Антоний послал за ней, чтобы осудить за предполагаемое пренебрежение его интересами, но ему быстро дали понять, что это он сам, а не царица отклонился от того курса, о котором они ранее договорились в Риме. Это Антоний, заключив союз с Октавианом, бросил то, что, по мнению царицы,

было истинным делом Цезаря. С другой стороны, царица имела возможность продемонстрировать, что она не послала помощь триумвирату просто потому, что не могла решить, каким образом благополучию ее сына, маленького Цезаря, будет способствовать этот поступок. Под чарами ее обаяния Антоний, который при жизни диктатора не позволял себе сердцем принять всю силу ее очарования, теперь стал легкой жертвой ее стратегии и заявил, что готов во всем выполнять ее желания.

На четвертый вечер своего визита в Тарс Клеопатра развлекала римлян на еще одном пиру, и по этому поводу она приказала усыпать пол в пиршественном зале розами высотой в полметра. Цветы образовали сплошной ковер благодаря сеткам, которые были натянуты над ними и прикреплены к стенам, а гости шли к своим ложам по ароматному ковру из такого количества цветов, которое – для одной только комнаты – стоило очень немало.

С таким непомерным расточительством прошло несколько следующих дней. Царица прилагала все возможные усилия, чтобы продемонстрировать Антонию свое богатство и власть и получить его согласие на тот или иной союз между ними, который будет направлен против Октавиана. Теперь единственным желанием Клеопатры было добиться разрыва между этими двумя лидерами, натравить их друг на друга, а затем, предоставив Антонию свою помощь, добиться свержения Октавиана, племянника Цезаря, и обеспечить победу Цезариону, сыну Цезаря. Для этой цели было, безусловно, необходимо показать величину ее богатства и безграничность ресурсов Египта. Поэтому Клеопатра, видимо, проявила легкое пренебрежение к усилиям римского полководца развлечь ее, и на его пирах она, похоже, сумела передать ему тревожное ощущение того, что она насмешливо относится к его неудачным попыткам продемонстрировать величие и роскошь.

Ее отношение заставило Антония почувствовать какую-то неловкость, и наконец он, по-видимому, задал царице прямой вопрос: что еще можно сделать, чтобы усилить великолепие его стола? В ходе последовавшей за этим беседы Антоний, видимо, рассказал ей, сколько стоило ему увеселение такого рода, на что она ответила, что она сама может легко потратить сумму равную нескольким сотням тысяч сестерциев (или нескольким тысячам золотых ауреусов. – *Ред.*) на один прием пищи. Антоний немедленно отверг это, заявив, что это просто невозможно. И после этого царица предложила ему пари на то, что она сделает это на следующий день. Пари было принято, и в свидетели был приглашен некий Планк. Антоний, по-видимому, не помнил, что в былые времена Клодий, сын автора комедий Эзопа, имел

обыкновение примешивать к своей пище растворенные жемчужины, так что такие трапезы стоили, наверное, огромных денег, иначе он понял бы, что Клеопатра намеревается применить какую-нибудь такую уловку, чтобы выиграть пари, и Антоний, возможно, удержал бы ее.

На следующий день римлянин ожидал пиршества с некоторым волнением; и, наверное, он почувствовал одновременно и ликование, и разочарование при виде стола, не сильно отличающегося от обычного. В конце трапезы он вместе с Планком подсчитал расходы на различные блюда и оценил стоимость золотых тарелок и кубков. Затем он повернулся к царице и сказал ей, что общая сумма даже близко не подошла к цифре, названной в пари.

«Подожди, – сказала Клеопатра. – Это только начало. Теперь я попробую потратить оговоренную сумму на себя».

Прислужникам-рабам был дан сигнал, и они принесли ей столик, на котором стояла одна-единственная чаша с небольшим количеством уксуса. В тот момент на Клеопатре были надеты серьги с двумя огромными жемчужинами, каждая из которых стоила больше половины суммы, заявленной в пари. Одну из жемчужин она быстро вынула и бросила в уксус, где та вскоре и растворилась. Затем уксус и сотни тысяч сестерциев полились по царскому горлу; она приготовилась уничтожить и вторую жемчужину таким же способом, но вмешался Планк и объявил, что Клеопатра выиграла пари, а в это время Антоний, надо думать, не без уныния размышлял о женских уловках.

Широко распространено мнение, что расточительность царицы следует отнести к ее тщеславному желанию произвести впечатление на Антония своим личным богатством. Но, как мы уже видели, безусловно, для ее действий была веская политическая причина, и не стоит строить предположения о том, что Клеопатрой руководило тщеславие. На самом деле демонстрация ее богатства никогда не была показной, как можно понять со слов греческих авторов, чьи произведения предполагают, что они приписывали ей хвастливое расточительство в финансовых вопросах, которое можно было назвать лишь дурными манерами. Скорее кажется, что приведенные здесь примеры расточительности египетской царицы внешне характеризуются искусной демонстрацией неподдельной простоты и непосредственности, чем-то вроде дерзости, от которой захватывает дух, тогда как, по сути, они носили в значительной степени политический и спекулятивный характер.

Для читателя очень важно понять положение Клеопатры в это время и освободить свой разум от общепринятых взглядов на

союз Клеопатры с Антонием. И поэтому я должен повторить, что в Тарсе желанием Клеопатры было возбудить интерес Антония к возможностям Египта в качестве базы для совершения попытки захватить власть в Риме. Она хотела, как я уже сказал, руководить Антонием, заставить его поверить в безграничные богатства, которые могут приплыть по Нилу прямо в его сундуки, если он возглавит армию, чтобы заявить права на трон для нее как жены Цезаря и для ее сына, плоти и крови Цезаря. Перед Клеопатрой был человек, который мог завоевать для нее империю, которую она потеряла из-за преждевременной смерти великого диктатора. Необходимо было заставить Антония понять преимущества партнерских отношений с ней, и поэтому Клеопатре было нужно показать ему несказанные богатства, которыми она располагала. В действиях египетской царицы не было ни особого тщеславия, ни настоящего мотовства; она играла по-крупному, и ставки были высоки. Несколько золотых кубков, одна-две растворенные жемчужины не были чрезмерной ценой за горячую поддержку Антония. Ее сын Цезарион был слишком мал, чтобы сражаться самостоятельно, а она сама не могла встать во главе армии. Поэтому Клеопатре была нужна защита Антония, и не было более надежного способа привлечь на свою сторону его симпатии, чем показать беспредельные богатства, которые она могла бы привлечь для его поддержки. Пусть Антоний на деле увидит сокровища, которые имеются в ее распоряжении, и он, безусловно, не станет остерегаться предприятия, которое сделает друга, жену и сына Цезаря тремя владыками мира. Клеопатра покажет ему золото Нубии и Аксума, она обратит его внимание на великие торговые пути в Индию, она напомнит ему о выгодных возможностях, которые великий диктатор Цезарь видел в союзе с ней. Таким способом Клеопатра снова завоюет поддержку Антония, как, по ее мнению, она это уже сделала в Риме, и, таким образом, через Антония смогут, наконец, осуществиться честолюбивые замыслы Юлия Цезаря.

Но было один-два нерешенных вопроса, которые требовали немедленного внимания. Принцесса Арсиноя, которую провели по улицам Рима в день триумфа Цезаря и которая после этого была отпущена на свободу, теперь жила то ли в Милете, то ли в Эфесе, где нашла прибежище среди жрецов и жриц храма Артемиды. Верховный жрец сердечно обходился с ней и даже обращался к ней как к царице – факт, который предполагает, что он явно встал на сторону Арсинои в ее давней вражде с Клеопатрой. По-видимому, Арсиноя была бесстрашной и честолюбивой женщиной, которая всю свою недолгую жизнь безуспешно боролась за трон Египта; и теперь она, по-видимому,

снова замышляла изгнать свою сестру точно так же, как это происходило в Александрийском дворце в те дни, когда управляющим ее двором был Ганимед.

Следует помнить, что Цезарь отдал трон Кипра Арсиное и ее брату, но, по-видимому, этот подарок не был санкционирован, хотя принцесса, несомненно, пыталась именовать себя царицей этого острова. Может быть, она пришла к какому-то соглашению с Кассием и Брутом, предложив им помощь в войне с Антонием, если они в свою очередь помогут ей в ее попытках получить египетский трон. И возможно, египетский наместник на Кипре Серапион был вовлечен в эту сделку и поэтому передал свой флот Кассию, как о том говорилось в предыдущей главе. Во всяком случае, теперь Клеопатра имела возможность получить согласие Антония на казнь и Арсинои, и Серапиона. Поэтому были посланы люди, которые получили приказ предать Арсиною смерти, и они, войдя в храм в то время, когда Арсиноя служила службу в святилище, убили ее на ступенях алтаря. Верховный жрец был, видимо, обвинен в участии в заговоре, и лишь с большим трудом жрецам удалось добиться для него помилования. Но Серапион не мог рассчитывать на снисхождение из-за того, что он сделал; его быстро схватили и убили.

Избавившись таким образом от серьезной угрозы своему трону, Клеопатра уговорила Антония помочь ей избавиться еще от одной причины ее сильной тревоги. Следует вспомнить, что, когда Цезарь разгромил египетскую армию в дельте Нила в марте 47 г. до н. э., молодой царь Птолемей XII утонул во время беспорядочного бегства, а его тело опознали по золотому нагруднику. Однако сейчас какой-то человек, который утверждал, что он не кто иной, как этот несчастный монарх, пытался найти себе сторонников и, возможно, вступил в переписку со своей предполагаемой сестрой Арсиноей. Претендент на трон в то время проживал в Финикии – факт, который наводит на мысль о том, что он также поддерживал связь с Серапионом, который в момент своего ареста путешествовал по этой стране. Поэтому Антоний дал согласие на арест и казнь этого псевдомонарха, и через несколько недель он был тихо отправлен на тот свет.

Историки склонны видеть в смертях этих трех заговорщиков пример жестокости и мстительности Клеопатры; их представляют в виде жертв ее неутолимого честолюбия, а убийство Арсинои называют самым черным пятном на темной репутации царицы. Но я не вижу, каким иным образом можно было устранить угрозу ее трону, если не выдворением интриганов с земной юдоли. Смерть Арсинои, как и смерть Томаса Бекета (ок. 1118–1170; английский политический и культурный деятель, ученый богослов. В 1155 г.

был канцлером Англии при короле Генрихе II, с 1162 г. – архиепископом Кентерберийским. Боролся против вмешательства светской власти в дела церкви, по негласному приказу Генриха II был убит придворными рыцарями в Кентерберийском соборе. – *Ред.*), предстает в неприглядном свете, потому что она произошла на ступенях священного алтаря. Но если вспомнить период, в который произошли эти события, не следует слишком сурово осуждать казни, так как какой король или королева былых времен не убирали со своего пути, предав смерти, всех претендентов на свой трон?

Визит Клеопатры в Тарс длился, по-видимому, не более нескольких недель, но, когда египетская царица наконец возвратилась в Александрию, она, вероятно, почувствовала, что ее недолгое пребывание с Антонием снова подняло ее престиж на самую большую высоту. Клеопатра не только воспользовалась властью диктатора, чтобы стереть с лица земли двух своих соперников и их предполагаемого сообщника, не только вселила ужас перед своей властью в сердце могущественного верховного жреца храма Артемиды, который в далеком Эгейском море просто укрывал претендентку на египетский трон, но и на деле снова добилась полной поддержки Антония и получила от него обещание приехать к ней в Александрию, чтобы он получил возможность своими собственными глазами увидеть богатства, которые мог предложить Египет. Поэтому впервые после смерти Цезаря перспективы Клеопатры снова казались блестящими, и она, наверное, с легким сердцем снова отправилась в плавание по Средиземному морю к своему великолепному городу.

Глава 10
Афродита

Можно почти не сомневаться в том, что в сложившейся ситуации Антоний очень хотел заключить прочный союз с Клеопатрой, потому что ему для осуществления его замыслов был нужен как раз такой союзник. Отношения Антония с Октавианом были напряженные, а незначительная роль, которую тот сыграл в боевых действиях, закончившихся сражениями при Филиппах, пробудили в Антонии презрение к способностям этого молодого человека. Триумвират был, в лучшем случае, компромиссом, и Антоний и не предполагал, что этот союз протянет дольше одного дня после того, как Октавиан или он сам приобретет перевес во власти. В глубине души Антоний надеялся на смерть племянника Цезаря и в союзе с Клеопатрой видел способ приобрести численный перевес над своим соперником.

После победы при Филиппах Октавиан возвратился в Рим, и Антоний теперь получал известия о том, что войска, которыми они совместно командовали, выражают сильное недовольство наградами, которые они получили за свои подвиги. Возникли серьезные трения между теми, кто оставался верен Октавиану, и теми, кто считал, что Антоний вознаградил бы их более щедро. Представители Антония в Риме, особенно его жена Фульвия, предпринимали попытки расширить эту брешь, вероятнее всего, по своей собственной инициативе, нежели по прямому согласию своего вождя. У Антония не было желания разрывать отношения с Октавианом до тех пор, пока он не будет уверен в успехе; к тому же его внимание в то время было больше приковано к проблеме завоевания Парфии, нежели к вопросу уничтожения Октавиана. Парфяне волновали воображение великого диктатора, и, возможно, его ум уже занимал проект вторжения в Индию, как это было и в последующие годы. Поэтому теперь его планы в общих чертах, казалось, приобрели три направления: во-первых, образование наступательно-оборонительного альянса с Клеопатрой, с тем чтобы ее деньги, солдаты и корабли оказались в его распоряжении; во-вторых, вторжение в Парфию, чтобы слава побед и добыча, награбленная в этой стране, подняла престиж Антония на недосягаемую высоту; и, в-третьих, поиск повода для ссоры с Октавианом, чтобы стереть его с лица земли, сделавшись после этого правителем римского мира. Потом, подобно Цезарю, Антоний, вероятно, объявит себя царем, женится на Клеопатре и станет основателем царской династии; его преемником будет

либо его пасынок, сын диктатора, либо будущий сын от брака Антония с царицей Египта, если их союз принесет плоды.

Обуреваемый этими надеждами, которые так сильно совпадали с надеждами Клеопатры, Антоний приготовился ехать в Александрию осенью 41 г. до н. э. и был полон решимости скрепить союз с царицей Египта. Одного из полководцев умершего диктатора, некоего Децидия Саксу, он поставил во главе армии в Сирии. Обязанностью этого офицера было держать его в курсе всех передвижений парфян и готовиться к надвигающейся войне с ними. Царь Парфии по имени Ород прибегнул к услугам римского изменника по имени Квинт Лабиен (сын Тита Лабиена, соратника Помпея, а ранее – Цезаря. – *Ред.*), бывшего соратника Кассия и Брута; и этот человек теперь действовал совместно с сыном царя царевичем Пакором, занимаясь формированием парфянских армий и их подготовкой к наступлению на соседние римские провинции. Таким образом, не было никаких сомнений в том, что вскоре разразится война, и поэтому Антоний очень хотел получить в свое распоряжение египетские ресурсы на суше и на море как можно скорее.

Он уже собирался отплыть в Александрию, когда, по-видимому, до него дошла весть о том, что волнения в Риме скоро достигнут наивысшей точки и что его брат Луций Антоний и его жена Фульвия готовятся к нападению на Октавиана. Вероятно, поэтому Антоний сомневался при принятии решения, возвращаться ли ему в Рим или нет. Возможно, его сильно раздражал тот поворот, который приняли события, ведь он прекрасно знал, что в тот момент он не может успешно бороться против Октавиана, и очень боялся втянуться в противоборство, которое может привести к его собственному поражению. Если Антоний вернется в Италию, есть возможность того, что он сумеет уладить ссору и добиться примирения, после которого воцарится мир до тех пор, пока не придет тот час, когда он сам захочет войны. Но если его миролюбивые усилия не достигнут цели, последует конфликт, к которому он не готов. Поэтому, как мне кажется, Антоний решил, что ему следует избегать ссоры и показывать, что он поглощен решением вопросов на Востоке. Уехав на несколько недель в Египет, Антоний не только отделит себя от не удобной для него тактики его сторонников в Риме, но и соберет силы и деньги на свою войну с Парфией, которая окажет ему огромную услугу в случае, если Октавиан начнет доводить ссору до конца. К тому же не вызывает сомнения то, что Антонию была неприятна мысль о том, чтобы снова встретиться со своей строгой женой и опять жить под ее испытующим взором; а с другой стороны, он с юношеским волнением с нетерпением

ожидал повторения чарующих приемов, которые устраивала Клеопатра. Антоний не был великим государственным деятелем или дипломатом; он был веселым мальчиком-переростком, и его действия фактически во все времена были продиктованы его желанием получать удовольствие. Царица Египта самым решительным образом привела в замешательство его непосредственную натуру, которая в вопросах такого рода почти не требовала толчков извне. И теперь тот факт, что ему на какое-то время разумнее было бы держаться подальше от Рима, послужил основанием для маневра, к которому Антония одновременно побуждали и его честолюбие, и его сердце.

Поэтому в начале зимы 41 г. до н. э. Антоний отправился в Александрию, где как самого почетного гостя его приняла Клеопатра в своем прекрасном дворце на мысе Лохиас. Все ресурсы этого роскошного дворца были привлечены для развлечения Антония, и через некоторое время все проблемы римского мира отошли в его голове на второй план. Однако Клеопатра не расслаблялась. Честолюбивые замыслы царицы, разбуженные Цезарем, разгорелись новым пламенем благодаря ее успеху в Тарсе, и она была полна решимости сделать Антония поборником ее дела. С того момента, когда египетская царица увидела податливость и восприимчивость Антония к ее инициативам, она приняла решение объединить с ним силы в попытке завоевать трон Римской державы. И теперь задачей Клеопатры было и пленить Антония своим личным обаянием, и с помощью своего гостеприимства продемонстрировать ему свое богатство и власть.

«Было бы пустым делом, – пишет Плутарх, – перечислять глупые поступки Антония в Александрии». На протяжении нескольких недель он предавался развлечениям самого фривольного характера и наслаждался жизнью, полной такой роскоши, которую он никогда не знал. Его собственная семья жила просто, и, хотя Антоний многому научился в этом отношении и потратил много денег на расточительные развлечения, в Риме не было возможности достичь такого великолепия, которое могло сравниться с пышностью празднеств в Александрии. Его друзья, многие из которых были обычными актрисами и комедиантами, тоже не были блестящими учителями в искусстве развлечений; им не нужно было от него какой-то утонченной роскоши, достаточно было хорошего крепкого вина и веселой компании. Но теперь во дворце Клеопатры Антоний оказался со всех сторон окруженным затеями и приспособлениями самой развитой культуры своего времени; его чувства подверглись такому натиску, который посрамил бы

усилия даже расточительного Лукулла. Александрию современные историки называют Парижем Древнего мира, и нетрудно понять, как было очаровано воображение мощного римлянина, который впервые в жизни оказался в окружении образованных мужчин и женщин, поднаторевших в искусстве наслаждения. К тому же Клеопатра принимала Антония как будущего владыку всего того, на что падал его взгляд, ведь царица, видимо, абсолютно ясно ему дала понять, что все это будет его, если он разделит с ней ее судьбу.

Антоний быстро адаптировался к нравам александрийцев. Он отложил в сторону свою одежду римлянина и стал одеваться в греческое платье, а на ноги надел белые афинские сандалии, которые назывались *phoecasium*. Похоже, что он хорошо говорил по-гречески, и теперь, как истинный дипломат, стал походить на греческих аристократов, которые были частыми гостями при дворе. Антоний постоянно посещал собрания ученых мужей, проводя много времени в храмах и в мусейоне (Александрийский мусейон – античный научный центр с III в. до н. э. по III – IV вв. н. э. – *Пер.*). Этим он завоевал себе положение в блестящем обществе царского двора в Александрии, которое, несмотря на свою приверженность приятным прихотям цивилизации, гордилось своей культурой и образованием.

Тем временем Антоний без колебаний и всеми средствами, имевшимися в его распоряжении, старался внушить к себе любовь Клеопатры. Он знал, что она хотела – по династическим соображениям, – чтобы он стал ее законным мужем, и не было, с ее точки зрения, в античном мире другого человека, столь подходящего на роль ее супруга. Антоний также знал, что, будучи молодой вдовой, чей первый брачный союз был таким недолгим, Клеопатра страстно желает удачного брака, который даст ей утешение со стороны сильного партнера, на которого можно опереться в часы тревог, и пылкого любовника, способного скрасить ее одиночество. Он знал, что Клеопатру привлекает его сила Геркулеса и мужественная внешность. Вероятно, ему с самого начала было ясно, что он без особых усилий может завоевать ее любовь почти так же легко, как это удалось великому Цезарю. Царица была молода, полна страсти и очень одинока; и от Антония не требовалось какой-то особой проницательности, чтобы увидеть, насколько сильно она нуждалась в надежном браке как в политическом, так и в личном плане. Поэтому Антоний уверенно ухаживал за хозяйкой дворца в Александрии, и она отдалась ему со всем пылом и искренностью ее горячей, импульсивной натуры.

Этот союз был сразу же одобрен египетским двором и

жречеством и стал в этой стране таким же законным браком, каким был брак Клеопатры с Цезарем. Можно почти не сомневаться в том, что Клеопатра получила от Антония нечто вроде обещания, что он не покинет ее; и на этот раз она, вероятно, чувствовала, что может так же безоговорочно доверять ему, как она доверяла великому диктатору. Цезарь не обманул Клеопатру; он привез ее в Рим и не делал секрета из своего намерения посадить ее на трон рядом с собой. Точно так же она поверила, что Антоний, фактически преемник Цезаря, создаст империю, которой они будут совместно править. Вероятно, Клеопатра радовалась тому, что ей удалось завоевать его сердце, благодаря чему она получила и приятного, красивого любовника, и сильного политического сторонника.

Таким образом, в союзе этих двух могущественных личностей историки могут увидеть объединение дипломатии и любви. На мой взгляд, ни Антоний, ни Клеопатра тогда еще не были сильно влюблены друг в друга, но, по моему предположению, каждого из них волновала привлекательность другого, и каждый в тот момент думал, что боги дали ему спутника жизни, которого он так долго ждал. Клеопатра с ее изысканной красотой и Антоний с его великолепным телосложением, вероятно, казались созданными Природой друг для друга. И в глазах всего античного мира их судьбы выдающихся правителей не могли быть связаны более тесно.

Мы уже видели, как Антоний позволил своим самым благородным побуждениям полностью развернуться в Александрии, и, чтобы завоевать восхищение царицы, он показал себя заинтересованным в обществе образованных людей. Точно так же Клеопатра дала волю легкомысленной стороне своей натуры, чтобы стать привлекательной для своего римского партнера, чья мальчишеская любовь к розыгрышам была выражена так сильно. Иногда во мраке ночи, как мы уже видели, она одевалась в наряд крестьянки, переодевала Антония в раба и ходила с ним по улицам города в поисках приключений. Они громко стучали в окна или двери чужих домов и исчезали, как привидения, когда на стук откликались. Разумеется, иногда их ловили сторожа или слуги, и, по словам Плутарха, «с ними очень плохо обходились, а иногда даже жестоко били, хотя большинство людей догадывались о том, кто они такие».

Клеопатра организовывала для своего партнера всевозможные развлечения. Она ездила с ним на охоту в пустыню, раскинувшуюся за стенами города, плавала с ним на лодке и ловила рыбу в море или в озере Мареотис (совр. Марьют, большей частью осушено. – *Ред.*), затевала шумное веселье в залах

дворца, наблюдала за тем, как Антоний занимается борьбой, фехтованием и упражняется с оружием, играла с ним в кости, пила с ним горячительные напитки и приводила в восторг искусством любви. Следующий рассказ дает нам характерную картину веселой жизни, которую они вели в Александрии той памятной зимой. Антоний ловил рыбу с одного судна, стоящего в гавани, но, не поймав ничего, нанял ныряльщика, чтобы тот спустился в воду и насаживал на его крючок свежепойманных рыб, которых Антоний после этого вручал под аплодисменты Клеопатре и ее друзьям. Но царица вскоре догадалась о том, что происходит, и пригласила несколько человек прийти на следующий день и своими глазами посмотреть на умение Антония. Затем она раздобыла несколько законсервированных рыб, которые были привезены с Черного моря, и велела рабу нырнуть под судно и насадить одну такую рыбу на крючок, как только он коснется воды. Это было проделано; Антоний вытащил из воды засоленную рыбу, появление которой было встречено дружеским смехом, после чего Клеопатра повернулась к смущенному рыбаку и тактично сказала: «Оставь удочку, военачальник, нам, бедным правителям Фароса и Канопа; твое дело – это города, провинции и царства».

Той зимой Антоний и царица основали нечто вроде клуба, который они назвали *Amimetobioi*, или «Непревзойденные гуляки», члены которого развлекали друг друга каждый день самым сумасбродным образом. Вполне вероятно, что Антоний был его президентом; были найдены две надписи, в которых он назван Непревзойденным, наверное не без намека на эту должность. История, рассказанная неким Филотом, студентом медицины, который в то время проживал в Александрии, наилучшим образом проиллюстрирует расточительность пиров, которые устраивали члены этого клуба. Однажды Филот пришел на кухню дворца Клеопатры и, к своему изумлению, увидел не менее восьми диких кабанов, которые целиком жарились на вертелах. «Очевидно, у вас сегодня много гостей», – сказал он повару, на что тот ответил: «Нет, на обед придет не больше двенадцати человек, но мясо должно быть пожарено и подано к перемене блюд; может быть, Антоний захочет пообедать сейчас, а может быть, через час; а если мясо даже на минуту запоздает или будет готово раньше, то оно будет испорчено. Так что наготове должен быть не один ужин, а несколько, так как невозможно угадать, когда он захочет отобедать».

В качестве примера блюд, подававшихся на этих пирах в Александрии, я могу представить список блюд, составленный за несколько лет до этого для обеда, который давал в Риме Муций

Лентул Нигер и на котором одним из гостей был Юлий Цезарь. Но следует помнить, что пиры Клеопатры были поразительнее любых пиров, которые знал Рим. Вот меню: морские ежи; устрицы; мидии; дрозды со спаржей; откормленная птица; пирожки с начинкой из устриц и мидий; черные и белые морские желуди; морская капуста; камышовки (певчие птички. – *Пер.*); ребра косули; ребра кабана; мясо домашней птицы в кляре; снова камышовки; пурпурные моллюски двух видов; свиное вымя; голова кабана; пирожки с рыбой; утки; вареные чирки; зайцы; жареная птица; различная выпечка. Варрон (Варрон Марк Теренций, 116–27 до н. э.; римский писатель и ученый, автор многочисленных [до 74] трудов в различных областях знаний. Консерватор и сторонник сенатской олигархии. – *Ред.*) в одном произведении упоминает некоторые из самых известных зарубежных деликатесов, которые можно было найти на столах богатых людей. Сюда входят: павлины с острова Самос (Греция); куропатки из Фригии; журавли с острова Милос (Киклады, Греция); козлята из Амбракии (город в Эпире); тунец из Халкедона (греческий город в Малой Азии на берегу Босфора напротив Византия); мурены из Гадеса (финикийская колония близ устья реки Бетис (Гвадалквивир), совр. Кадис в Испании); деликатесная рыба из Пессинунта (город в Галатии, Малая Азия); устрицы и гребешки из Тарента (греческий город на юго-востоке Италии, совр. Таранто); рыба скарус из Киликии; орехи с Тасоса (остров на севере Эгейского моря) и морские желуди из Испании. Овощи, которые были известны тогда, включали большинство тех овощей, которые едят сейчас, за исключением картофеля, разумеется. Главный прием пищи, *coena*, часто продолжался как вечеринка со спиртными напитками, известная как *commissatio*, на которой путем бросания костей назначался *Arbiter bibendi*, или распорядитель пирушки, обязанностью которого было смешивать вино в большой чаше. Гости возлежали на кушетках, которые обычно были расставлены с трех сторон от стола, и ели руками. Им на головы надевали венки из цветов, на волосы им брызгали корицей, а тела умащивали сладкими благовониями, а иногда даже их смешивали с винами. Во время приемов пищи гостей развлекали танцовщицы, музыканты, актеры, акробаты, шуты, карлики или даже гладиаторы; а затем гости предавались игре в кости и другим азартным играм. Украшение комнат и великолепие мебели и посуды всегда было тщательно продумано; пиры Клеопатры были особенно примечательны роскошью сервировки. Эти блюда и кубки, которые царица имела обыкновение скромно называть «моя *kerama*», или керамика, были, как правило, сделаны из золота и серебра и

инкрустированы драгоценными камнями. Они были столь известны своей красотой, что три века спустя все еще являлись образцом совершенства; и рассказывают, что царица Пальмиры Зеновия (в 267–273 гг. н. э. правительница Пальмирского царства воспользовалась многолетней войной Рима и Сасанидского Ирана, захватила Египет и другие римские провинции Востока. В 273 г. римские войска императора Аврелиана разгромили войска Зеновии и взяли ее в плен, а затем, в ответ на попытку восстания жителей Пальмиры, разрушили город. – *Ред.*) активно собирала их, чтобы самой ими пользоваться.

Так, в пирах, веселье и разнообразных развлечениях пролетела зима. Плутарха можно понять, когда он утверждал, что в Александрии Антоний «безрассудно растратил самое дорогое – время», но эти месяцы были не совсем потрачены зря. Антоний и Клеопатра скрепили свой союз тем, что стали жить вместе и вступили в самые близкие отношения, и теперь оба они считали, что, возможно, когда придет время для попытки свержения Октавиана, они будут сражаться бок о бок. Став любовником Клеопатры и затронув чисто инстинктивную сторону ее натуры, Антоний получил от нее искреннее обещание поддержки Египта во всех его начинаниях. Эти счастливые зимние месяцы в Александрии не могли показаться ему потраченными зря, когда с каждым днем могущественная молодая царица все больше и больше оказывалась в его власти. Любовь Клеопатры к Антонию, по-видимому, шла почти по такому же пути, что и ее любовь к Юлию Цезарю. Побуждаемая сначала политическими мотивами, египетская царица начала испытывать настоящую романтическую любовь к своему супругу-римлянину; и последовавшая за этим близость, которая хоть и проистекала главным образом от влечения плоти, похоже, была полностью оправдана тем, что она содействовала ее династическим замыслам. Клеопатра считала Антония своим мужем и хотела, чтобы ее считали его женой. То, что публичного бракосочетания не было, не имело никакого значения, потому что Клеопатра как богиня и царица, вероятно, чувствовала себя вне рамок общепринятого закона и была свободна заключать любой союз, который ей казался желательным для блага своей страны и династии, а также для удовлетворения собственных женских инстинктов. В начале 40 г. до н. э. Клеопатра и Антоний поняли, что их союз должен принести плоды. Этот факт, вероятно, заставил Клеопатру еще больше хотеть удержать Антония в Александрии и привязать его к себе признанием его ее супругом. Однако Антоний не испытывал желания занять положение царя Египта, так как такой ход неизбежно ускорил бы ссору с Октавианом, и тогда был бы

вынужден бросить все силы на незамедлительную войну с группировкой, которая, несомненно, будет признана законной в Риме. Это нежелание со стороны Антония привязывать себя к Клеопатре, вероятно, вызывало у нее некоторое опасение, и, я полагаю, к концу зимы царица, наверное, почувствовала некоторую тревогу, сомневаясь в искренности Антония.

Оставив в стороне все сентиментальные факторы этой ситуации и не принимая в расчет все физические причины этого союза, можно увидеть, что положение Антония было теперь лучше, чем положение египетской царицы. Проведя зиму в Александрии, римский триумвир держался в стороне от политических треволнений в Италии, которые происходили в то время, когда его присутствие на родине могло бы усложнить обстановку ему во вред. Антоний получил в поддержку богатство и армию Египта, если бы они ему потребовались; он подготовил все для брака с Клеопатрой и основания великой монархии, за которую боролся Юлий Цезарь. В то же время Антоний еще не окончательно скомпрометировал себя и вполне мог вернуться к образу жизни римлянина с внешне чистыми руками. Никто в Риме не осудил бы его за то, что он сочетал некоторое количество удовольствий с явным делом, которое призвало его в Египет; а его друзей, несомненно, будет так же легко уговорить принять политические оправдания, которые Антоний выдвинет в пользу своего продолжительного проживания в Александрии, как это было со сторонниками Цезаря, принявшими доводы великого диктатора в весьма схожих обстоятельствах. Подобно Юлию Цезарю и Помпею, Антония можно было оправдать в том, что он стал покровителем богатого царского двора Египта. Все государственные деятели знали, насколько желательно было в тот момент лидеру группировки скрепить союз с могущественной царицей этой страны.

Но для Клеопатры обстоятельства складывались гораздо менее удачно. Она поставила все на союз с Антонием: свою личную честь и престиж, равно как и будущее своей династии. Она, вероятно, начала понимать, что в обмен на свои великие дары не получила ничего, кроме неясных обещаний и недостаточных гарантий. Без Антония Клеопатра не только могла потерять надежду на египетско-римский трон для себя и своего сына Цезариона, но и была не способна удержать Египет от включения в римские владения. В то время в римском мире существовало только два могущественных лидера, Октавиан и Антоний. Октавиан был вечным врагом Клеопатры по той причине, что ее сын Цезарион был его соперником, претендующим на наследство Цезаря. Без поддержки Антония не

было бы способа сохранить свободу Египта, за исключением, наверное, отчаянного и случайного союза того или иного рода с Парфией. Вероятно, Клеопатре приходило в голову, что Египет с его развивающейся торговлей с Южной Индией мог бы объединить свои силы с Парфией, влияние которой в Северной Индии было велико, и тем самым достичь объединения народов, настроенных враждебно по отношению к Риму, которое должно было включить в огромный полукруг Египет, Аксум (совр. Эфиопия), Аравию, Иран (в данное время в лице Парфянского царства. – *Ред.*), Индию, Скифию, Армению, Сирию и, возможно, Малую Азию. От такого союза можно было бы ожидать, что он сотрет Рим с лица земли (в то время вряд ли. Нанести локальные поражения – возможно. – *Ред.*), но трудности положения такого огромного объединения были почти непреодолимы, а союз с Антонием был более реальным. Тем не менее к концу зимы Клеопатра, видимо, стала постоянно спрашивать себя, может ли она доверять Антонию, которому она отдала так много. Она любила его, она отдала ему себя, но, вероятно, знала, что он ненадежен и непоследователен. То, за что боролась Клеопатра, в высшей степени важно и необходимо для нее и ее страны, а защитник, к услугам которого она прибегла, был беспечен и не хотел связывать себя обязательствами. А теперь, когда она собиралась родить Антонию сына и тем самым привлечь его непостоянное внимание, останется ли он рядом с ней, как это сделал Цезарь, или бросит ее?

Поэтому можно представить себе, что она чувствовала, когда в феврале 40 г. до н. э. Антоний сказал ей, что получил тревожные вести из Рима и из Сирии и должен немедленно покинуть ее. Вести из Рима были, по-видимому, не очень определенными, но давали ему понять, что его жена и брат вступили в противоборство с Октавианом и, оказавшись побежденными, бежали из Италии. Однако из Сирии пришло очень срочное донесение, в отношении которого сомнений быть не могло. Сирийские принцы, которых он низложил прошлой осенью, вместе с Антигоном, чьи притязания на Палестину он отверг, вступили в союз с парфянами и походным маршем идут с северо-востока на Децидия Саксу, римского наместника Сирии. Силы римлян в этой стране были немногочисленны и состояли в основном из остатков армии Брута и Кассия. Вряд ли можно было ожидать, что они дадут отпор захватчикам. Собственные легионы Антония, которым он мог доверять, были в тот момент размещены в Италии, Галлии и Македонии; и было много веских причин задержать их в местах расположения. Поэтому положение было очень серьезным, и Антоний был вынужден срочно прервать

свое приятное пребывание в Александрии. Плутарх пишет, что он «с трудом просыпался, стряхивая с себя винные пары» при подготовке к отъезду. Но я не думаю, что всю зиму он так сильно предавался разгулу, как подразумевают эти слова. Антоний, как говорится, соединял приятное с полезным и временами терял из виду одно, занимаясь другим. Но, глядя на этот вопрос с гигиенической точки зрения, кажется вероятным, что охота, верховая езда и военные упражнения, о которых пишет Плутарх, шли на пользу здоровью Антония, несмотря на обильные столы, которые накрывали для него.

Расставание Антония и Клеопатры в начале марта, вероятно, несло в себе элемент настоящей трагедии. Он не мог знать, какие трудности ему уготованы, и в тот момент не просил у царицы никакой военной помощи. Возможно, он просил ее затаиться до тех пор, пока он не скажет ей, каким образом она может оказать наибольшую помощь их делу, и тем самым он обрек ее переживать сильную тревогу и длительное беспокойство. Клеопатра должна была ожидать приближающиеся роды и, подобно брошенной куртизанке, нянчить младенца, оставшегося без отца. Она должна будет удерживать свой трон, не получая от мужа помощи советом, и опять жить тоскливой жизнью одинокой, незамужней царицы. Это была жалкая перспектива, но, как будет видно из следующей главы, реальность оказалась гораздо более печальной, чем она ожидала, потому что, когда Антоний выходил из Александрийской гавани и его корабль скрылся из вида за громадной башней Александрийского маяка на острове Фарос, Клеопатра не знала, что она не увидит лица Антония четыре долгих года.

Глава 11
Осирис

Осенью 40 г. до н. э., около шести месяцев спустя после отъезда Антония, Клеопатра родила близнецов, мальчика и девочку, которых она назвала Александр Гелиос и Клеопатра Селена, Солнце и Луна. Вместе с этим событием она почти полностью исчезает со страниц истории на более чем три года, и нам едва ли что-то известно о ней вплоть до начала 36 г. до н. э. В течение этого времени Клеопатра, вероятно, была сильно занята управлением своим собственным царством и с долей отчаяния наблюдала за ходом непростых событий в римском мире. Вероятно, время от времени до нее доходили сообщения из Европы и Передней Азии о том, как там идут дела, но почти все вести, которые она таким образом получала, разочаровывали и приводили ее в замешательство. Надо полагать, Клеопатра провела эти годы в глубокой печали и унынии. Я не думаю, что какой-нибудь историк предпринимал попытку обратить внимание своих читателей на мучительное состояние разочарованности, в котором теперь оказалась миниатюрная царица. Когда Антоний покинул ее, Клеопатра, должно быть, ожидала, что он либо вскоре вернется к ней, либо пошлет за ней своих людей. Но шли недели, а ничего подобного не происходило. Пока она переживала в одиночестве родовые муки, ее супруг был занят делами, в которых она напрямую не играла никакой роли. И кажется несомненным, что, находясь под давлением своих безнадежных обстоятельств, непоследовательный Антоний почти совершенно выбросил ее из головы.

Когда Антоний оставил весной 40 г. до н. э. Египет, он поплыл прямо через Средиземное море в Тир, где, к своему смятению, узнал, что практически вся Сирия и Финикия уже в руках парфян, и нет никакой возможности помешать их успешному продвижению, и римские войска удерживают лишь немногие оставшиеся в их руках морские порты. Поэтому с двумястами кораблями Антоний поспешил мимо Кипра и Родоса в Грецию, оставив на некоторое время Сирию врагу. Прибыв в Эфес, Антоний узнал подробности беспорядков в Италии: как его сторонники были осаждены Октавианом в Перузии (совр. Перуджа), которая в конце концов была взята, и как все его друзья и родственники бежали из Италии. Ему сообщили, что его жена Фульвия в сопровождении трех тысяч всадников отплыла из Брундизия (совр. Бриндизи) в Грецию и вскоре присоединится к

нему там; а его мать Юлия бежала к народному герою Сексту Помпею (незаконному сыну великого Помпея), который принял ее очень тепло. Таким образом, для Антония оказалась закрытой не только Италия, раз Октавиан теперь стал единовластным хозяином в стране, но, по-видимому, и восточные провинции – из-за наступления парфян. Положение Антония было отчаянным, и теперь он, вероятно, и упрекал себя за пустую трату времени в Александрии, и винил своих родственников за их поспешное объявление войны Октавиану.

К концу июня Антоний прибыл в Афины, и там ему пришлось пройти испытание встречей с властной Фульвией, которую здорово побаивался, особенно ввиду всем известной связи Антония с царицей Египта. Последовавшие за встречей беседы между ними, наверное, были очень неприятными. Фульвия, вероятно, резко упрекала своего сбившегося с пути мужа за то, что тот бросил ее и так долго оставался с Клеопатрой; а Антоний, вероятно, сильно ругал Фульвию за то, что она так катастрофически испортила ему его дела в Италии. В конечном счете несчастная женщина, видимо, оказалась сломленной постоянным гневом Антония и впала в уныние. Находясь в Сикионе, расположенном на Пелопоннесе, к западу от Афин, Фульвия заболела и, не имея желания бороться за жизнь, в августе умерла. Тем временем Антоний, заключивший союз с Секстом Помпеем, разорял побережье Италии в тщетных попытках вернуть себе свой утраченный авторитет, но, как только его известили о смерти Фульвии, он возложил всю вину за войну на плечи своей усопшей супруги и быстро замирился с Октавианом. Двое соперников встретились в Брундизии в сентябре 40 г. до н. э., и между ними был заключен договор, который гарантировал Риму мирную жизнь в течение нескольких ближайших лет. Они условились, что Октавиан останется единоличным правителем в Италии и ему достанутся все европейские провинции, включая Далмацию и Иллирик; а Антоний будет хозяином на Востоке, и в его владения будут входить провинции: Македония, Греция, Вифиния (на северо-западе Анатолии), Азия (запад Анатолии), Сирия и Киренаика. Остальные провинции Северной Африки к западу от Кирены достались третьему триумвиру, не игравшему никакой роли, Лепиду. Этот договор был скреплен браком Антония с Октавией, сестрой Октавиана, молодой женщиной, оставшейся вдовой за несколько месяцев до этого. Свадьбу сыграли в Риме в октябре 40 г. до н. э., и население было особенно довольно, видя на улицах столицы двух помирившихся соперников, ссоры которых стали причиной такого кровопролития и бед.

Вероятно, невозможно было без боли смотреть на Клеопатру, когда весть о браке Антония дошла до нее. Близнецам, которых она ему родила, было всего лишь несколько недель в то время, когда ей стало известно об измене их отца. И уж как, наверное, горько она ругала себя за то, что вообще доверилась такому непостоянному мужчине. Теперь Клеопатре казалось, что он приезжал в Александрию, чтобы выманить у нее ее богатства и она, став жертвой его ложных уверений в любви, отдала ему всю себя лишь только для того, чтобы оказаться брошенной в тот момент, когда больше всего нуждалась в нем. Узнав о его бракосочетании, Клеопатра оставила все мысли об огромном царстве для себя и для сына Цезаря. Ее планы на будущее пришлось направить в другое русло. Наверное, она сразу же решила больше не оказывать никакой помощи Антонию ни деньгами, ни оружием, и нет никаких фактов, подтверждающих помощь какого-либо рода, оказанную ему в военных действиях в течение последующих двух лет. Наверное, Клеопатра была знакома с новой женой Антония еще в Риме, и она, безусловно, слышала о ее привлекательности и добродетели. Плутарх сообщает нам, что Октавия была моложе и прекраснее царицы Египта, и поэтому можно понять, как сильно должна была страдать Клеопатра в это время. Ее не только угнетала мысль о провале всех ее планов, но и воспламеняла женская ревность.

В следующем, 39 г. до н. э., благодаря силе общественного мнения, с Секстом Помпеем тоже был заключен мир, так как дочь морского разбойника вышла замуж за Марцелла, сына Октавиана. Договор был заключен в Мизенах (недалеко от Неаполя) и был отпразднован пиром, который устроил Секст Помпей на борту своего флагманского корабля с шестью рядами весел, который был «единственным домом», по словам его хозяина, «который Помпей унаследовал от своего отца». Во время торжества гости много пили, и вскоре послышались безответственные насмешки в адрес Антония и Клеопатры. Антоний очень натурально раздражался на эти замечания, и, по-видимому, возникла опасность скандала. Видя это, главарь пиратов по имени Менас, который был в числе гостей, прошептал Сексту: «Может быть, отдать концы и сделать вас хозяином всей Римской империи?» – «Менас, – ответил Секст Помпей после минутного раздумья, – это можно было бы сделать, ничего мне не говоря, но теперь мы должны сохранять спокойствие. Я не могу нарушить свое слово». Так Антоний спасся от смерти, и, кстати, можно заметить, что, если бы в тот раз его убили, истории, вероятно, пришлось бы зафиксировать союз между Секстом и Клеопатрой, направленный против Октавиана, который мог бы быть столь же романтичным,

что и история, которая будет рассказана на этих страницах. У нас есть неясные сведения о чем-то вроде переговоров между Секстом и египетской царицей, и вполне вероятно, что Клеопатра попыталась бы заключить союз с этим сыном бывшего покровителя Египта.

В сентябре 39 г. до н. э. Октавия подарила Антонию дочь, которую назвали Антонией и которая впоследствии стала бабушкой императора Нерона. Вскоре после этого Антоний занял свои апартаменты в Афинах, где так же бурно окунулся в жизнь афинян, как когда-то в жизнь александрийцев. Антоний стал одеваться в греческое платье с неким восточным оттенком, и было замечено, что он перестал проявлять какой-либо интерес к делам в Риме. Антоний пировал на широкую ногу, много пил, тратил огромные суммы денег и потерял счет времени. Ему нравились обычаи Востока, и он взял на вооружение методы управления, которые применяли там греки. Во многих подвластных ему провинциях Антоний упразднил территории, подведомственные римским наместникам, и превратил их в вассальные царства. Таким образом Ирод стал царем Иудеи; Дарий, сын Фарнака, – царем Понта; Аминта взошел на трон Писидии (на юге Малой Азии); Полемон получил корону Ликаонии (к востоку от Писидии, центр – Иконий, совр. Конья) и т. д. Антоний был щедрым правителем, хотя и деспотичным; со всех сторон его приветствовали как веселого бога Диониса или Бахуса (римский аналог), сошедшего на землю. Подобно Юлию Цезарю, Антоний очень хотел принять божественный статус и даже дошел до того, что лично занял место статуи Диониса в храме этого бога и прошел таинство бракосочетания с богиней Афиной в Афинах. Популярность Антония была огромной, и это превращение его в бога было воспринято афинянами вполне благосклонно, и, когда один из его полководцев Вентидий Басс, посланный остановить продвижение парфян, возвратился с вестью о том, что полностью разгромил их, восторг народа не знал границ, и Антония чествовали самым удивительным образом.

Контраст между великодушным правлением Антония в своих восточных провинциях и поведением Октавиана на западе был поразительным. Октавиан был человеком с занятным характером: угрюмым, втайне жестоким и порочным. Много людей было подвергнуто пыткам и распято по его приказу, и за это он получил прозвище Палач. Октавиан всегда был невозмутим и сдержан на людях, но в своей частной жизни в тот период предавался самым разгульным пирушкам, азартным играм и окружил себя людьми самого низкого пошиба. Его правление в

Италии в то время представляло собой Власть Террора, и большинству населения был ненавистен сам его вид. С виду Октавиан был неказистый: он был маловат ростом и не следил за осанкой; и хотя лицо у Октавиана было привлекательным, оно имело определенные и очень заметные недостатки. У него был желтоватый и нездоровый цвет лица и гнилые зубы, а кожа была покрыта прыщами. Но у него были большие и поразительно блестящие глаза, чем он особенно гордился. Он не выглядел чистым и ухоженным и больше всего не любил принимать ванну, хотя не возражал против того, чтобы иногда ходить в парную баню, как мы назвали бы ее сейчас.

Октавиан был экстравагантен в одежде, но в делах – точен и корректен. Он не любил солнечный свет и всегда носил шляпу с широкими полями, чтобы защитить голову. Но в то же время Октавиан терпеть не мог холодную погоду, и говорят, что зимой он носил плотную тогу, по крайней мере четыре туники, рубашку и фланелевую поддевку, а его ноги и бедра были обернуты теплой тканью. И, несмотря на все это, он постоянно страдал от насморка, чихал и гнусавил. К тому же у него постоянно были проблемы с печенью – факт, которому можно, наверное, приписать его раздражительность. Всю его одежду шили дома его жена и сестра, и она плохо на нем сидела. Его кудрявые светло-каштановые волосы всегда выглядели нечесаными. Октавиан был неважным военачальником, но талантливым государственным деятелем, и благодаря своей холодной натуре, которой так же не хватало пыла, как и его личности – магнетизма, он был более приспособлен для кабинетной работы, нежели для общественной трибуны. Он не был тем, кого в наши дни назвали бы джентльменом: он был явным выскочкой. Его дед был богатым ростовщиком, а отец – благодаря этому богатству, нажитому нечестным путем, – поднялся до заметного положения в римском обществе и, женившись, породнился с семьей Цезаря.

Все это не могло способствовать тому, чтобы Октавиан вырос в общественном мнении. Тогда никто не сомневался в том, что Антоний – народный герой, в то время как Секст Помпей, бывший изгой, быстро приобретал популярность. Весной 38 г. до н. э. Октавиан решил объявить войну этому бродяге, сыну великого Помпея, и попросил Антония помочь ему в этом деле. Последний попытался предотвратить войну, но его усилия не имели успеха. В июле следующего года, к радости большой части римлян, Октавиан потерпел серьезное поражение от Секста. Таким образом, авторитет племянника Цезаря сильно пошатнулся. Приблизительно в это же время репутация Антония в такой же степени выиграла, так как в июне Вентидий Басс, действовавший

от имени Антония, снова разгромил парфян, причем в сражении был убит парфянский царевич Пакор, руководивший парфянской армией. Эта весть сильно воодушевила римлян. Наконец, спустя шестнадцать лет, Красс был отомщен. Получалось, что Антоний в определенной степени осуществил планы погибшего Цезаря в отношении парфян, тогда как, с другой стороны, племянник Цезаря Октавиан не смог даже справиться с морскими пиратами, сторонниками Помпея. Было принято решение провести триумф для обоих, Антония и Вентидия, и это событие произошло до конца года.

В январе 37 г. до н. э. триумвират, срок полномочий которого к тому времени истек, был продлен на пять лет, несмотря на значительные трения между беззаботным Антонием и угрюмым Октавианом. Наконец их разногласия были улажены посредством соглашения, согласно которому Антоний дал Октавиану 130 кораблей, чтобы тот мог с их помощью сразиться с Секстом Помпеем, а Октавиан дал Антонию 21 тысячу легионеров для войны с Парфией. Можно заметить, что в этом договоре Антоний, чтобы получить войска, пожертвовал человеком, который дружески отнесся к его матери и оказал ему помощь в борьбе с Октавианом в то время, когда удача не была на его стороне; поэтому следует предположить, что желание Антония завоевать Парфию и проникнуть далеко на Восток теперь приобрело для него такое всепоглощающее значение, что все остальные соображения были отброшены. С воодушевлением размышляя о расширенной Восточной империи, Антоний на самом деле не имел желания участвовать в делах Запада, и его ни на йоту не волновало, какая судьба ожидает его недавнего союзника Секста, который, как он понимал, в любом случае в конце концов непременно будет разгромлен Октавианом. Антоний перестал тревожиться и в отношении Октавиана, потому что теперь, по-видимому, думал, что, когда Восток будет завоеван и объединен, без труда сможет вырвать и Запад из жестоких рук своего непопулярного в народе соперника. Два года назад Антоний счел необходимым поддерживать дружеские отношения с Октавианом любой ценой, и по этой причине он жестоко бросил Клеопатру. Однако же теперь положение Антония было таково, что он мог противостоять племяннику Цезаря, и передача ему 130 кораблей была не более чем практичной сделкой, посредством которой он получил новые войска. Видно, мысли Антония снова стали обращаться к царице Египта, и на этот раз в его памяти воскресло и удовольствие, которое он получал от ее великолепного общества, и важность для него того положения, которое она занимала на Востоке. У египтян был большой и хорошо

оснащенный флот, и нехватку у Антония своих кораблей из-за подарка Октавиану с легкостью могла возместить царица.

Осенью 37 г. до н. э. эти размышления принесли свои плоды. По пути на остров Корфу Антоний, вынашивая свои замыслы относительно Парфии, пришел к заключению, что ему следует раз и навсегда оторваться от Рима, пока не настанет тот день, когда он возвратится туда как завоеватель всей земли. Поэтому он отправил свою жену Октавию назад в Италию, полный решимости больше никогда ее не видеть, и одновременно послал в Александрию Фонтея Капитона (известный греко-египетский астролог I в. до н. э. – *Ред.*), который должен был пригласить Клеопатру встретиться с ним в Сирии. Октавия была очень милой, добропорядочной женщиной, склонной к домоседству. Ее мягкое влияние всегда было направлено на сохранение мира, а ее неизменно добродетельное поведение и кротость, наверное, почти доводили Антония до безумия. Она, без сомнения, хотела шить для него одежду, как она это делала для своего брата; и она всегда – в своей милой манере – стремилась обратить его внимание на привлекательные стороны старомодной, респектабельной семейной жизни, которая вызывала у Антония тошноту.

Беспристрастному читателю, безусловно, должно быть ясно, что изменение отношения Антония к Клеопатре проистекало больше из политических, нежели романтических соображений. Мы так наслышаны об искусстве обольщения, которым пользовалась Клеопатра, что сначала не так легко можем избавиться от традиционного толкования этого воссоединения, и склонны принять определение Плутарха, когда он говорит нам, что «страсть Антония к Клеопатре, которую другие мысли, по-видимому, усыпили и предали забвению, теперь снова набрала силу и загорелась пламенем; и, подобно норовистому коню человеческой души Платона, отринув все добрые и здравые советы и явно вырываясь на свободу, он послал Фонтея Капитона, чтобы тот привез ее в Сирию». Но следует помнить, что эта «страсть» к царице не была достаточно сильной для того, чтобы удержать Антония от женитьбы на Октавии через несколько месяцев после того, как он покинул объятия Клеопатры. А теперь прошло три с половиной года с тех пор, как Антоний последний раз видел царицу, – период, который для такой короткой памяти, как у Антония, представлял собой пробел в этой конкретной любовной истории. Такой в действительности незначительной была его привязанность к ней в это время, что, говоря о близнецах, которых она ему подарила, Антоний сказал знаменитую фразу – которая уже цитировалась – о том, что он не

намерен ограничивать свои надежды на потомство какой-то одной женщиной, а, подобно своему предку Геркулесу, рассчитывает на то, что природа в его случае проявит сама себя. Ведь лучший способ распространения голубой крови в мире состоял в том, чтобы стать родоначальником нового рода царей в каждой стране. Несомненно, Антоний с юношеским волнением ожидал возобновления отношений с царицей, и в какой-то степени может быть правдой то, что он с радостью вырвался из мягких и по этой причине раздражавших уз семейной жизни. Но на деле его целью – ввиду политических причин – было заключение брачного союза с Клеопатрой, и неразумно предполагать, что в это время в его веселом сердце горело какое-то пламя неукротимой страсти.

Со стороны Клеопатры дела обстояли несколько иначе. Стресс от сильного эмоционального потрясения лишил ее того легкомысленного отношения к жизни, которое в предыдущие годы было ее заметной отличительной чертой. Она больше не могла ни играть своей судьбой, ни веселиться все дни напролет, как это бывало раньше. Антоний, которого она по-своему любила, жестоко бросил ее, а теперь просил, чтобы она снова обратила на него свою благосклонность. Могла ли она поверить (ведь, без сомнения, таковы были его аргументы в свое оправдание), что долгая разлука с ней и женитьба на другой женщине являлись чисто политическими маневрами Антония, которые никоим образом не повлияли на неизменность его любви к ней? Могла ли она довериться ему во второй раз? Могла ли она, с другой стороны, справиться со своими сложными делами без него? Очевидно, теперь он стал всемогущим на Востоке; можно было ожидать, что Парфия падет перед ним, а темную фигуру Октавиана уже почти полностью затмил этот новый Дионис, разве что только не в самой Италии. Есть ли надежда расширить ее владения, сохранив те из них, которые она уже имеет, без его помощи? Такие вопросы могли иметь лишь один ответ. Клеопатра должна была прийти с Антонием к абсолютно определенному взаимопониманию и заключить с ним соглашение-обязательство. Одним словом, если он хочет какого-то возобновления их отношений, он должен жениться на ней. Больше не должно быть никакого дипломатического маневрирования, которое для нее означало быть брошенной, страдать и испытывать мучительную тревогу. Антоний должен открыто стать врагом Октавиана и с ее помощью нацелиться на завоевание и безграничного Востока, и всего Запада. Во всем он должен действовать как преемник божественного Юлия Цезаря, а наследником их общего государства должен стать сын Цезаря, маленький Цезарион,

которому на тот момент было уже больше десяти лет.

Полная такой решимости, Клеопатра приняла приглашение, переданное ей Фонтеем Капитоном, и отплыла в Сирию. Через несколько недель, к концу 37 г. до н. э. она встретилась с Антонием в Антиохии (совр. Антакья) и сразу же приступила к исполнению своего решения. История умалчивает о том, что произошло между ними во время их первых бесед, но можно предположить, что Антоний объяснил свое предшествующее их встрече поведение политическими причинами и дал царице ясно понять, что теперь он хочет определенного и долгого союза с ней; в то же время Клеопатра, со своей стороны, поставила его в известность о своем желании соединиться с ним при условии, что этот договор будет узаконен и обязателен для обеих сторон.

Тот факт, что Клеопатра получила согласие Антония на заключение договора, который во всех смыслах был ей выгоден, не только показывает, как высоко оценивал Антоний дружбу с Египтом в то время, но и доказывает, насколько велика была сила убеждения Клеопатры. Следует помнить, что Клеопатра в течение более трех лет была обманутой женщиной, брошенной своим возлюбленным, отчаявшейся когда-либо получить признание притязаний своего сына на Рим и почти не имевшей надежды даже на то, чтобы сохранить независимость Египта. Теперь она набралась смелости потребовать от него еще больше прав и привилегий, а также подтверждения всех своих династических надежд. И, к ее огромной радости, Антоний согласился с ее желаниями. Я уже писал, что он в действительности не любил ее так глубоко и страстно, чтобы трезвый голос его рассудка был этим заглушен, так что это соглашение следует приписать больше прозорливости царицы и ее вполне понятному беспокойству о том, чтобы еще раз не оказаться одураченной своим ненадежным возлюбленным. Вероятно, Клеопатра воздействовала на чувства Антония, рассказывая ему о своих неподдельных страданиях, и в то же время она должна была ненавязчиво подтверждать значимую роль Египта для Антония в сложившейся ситуации.

На мой взгляд, условия этого соглашения были следующими.

Во-первых, по-видимому, между ними была достигнута договоренность о том, что их законное бракосочетание должно состояться согласно обычаям Египта. Мы уже видели, как за много лет до этого Юлий Цезарь одобрил закон, предназначенный легализовать его предполагаемый брак с Клеопатрой, согласно положениям которого он получал возможность брать в жены более чем одну женщину. И отношение Антония теперь, видимо, основывалось на в чем-то похожем понимании ситуации. Об этом браке не будет объявлено

римскому сенату, так как он больше не имел намерения считать себя обязанным соблюдать римские законы в таких вопросах. Но в Египте брак будет считаться законным земным подтверждением так называемого божественного союза с 40 г. до н. э.

Во-вторых, они условились о том, что Антоний не должен принимать титул царя Египта, а должен называться «автократор», то есть «самовластный правитель» всего Востока. Понятие «автократор» было греческим эквивалентом римского «император», титула, который – не следует об этом забывать – стал наследственным в интересах Юлия Цезаря и которому Антоний, вероятно, собирался впоследствии придать значение монарха. Антоний не должен был принимать титул царя, который всегда был неприятен для римских ушей. Слово «император» тоже не было достаточно выдающимся, потому что так называли главнокомандующих римскими армиями. А титул «автократор» означал «всемогущий». Антоний также пока сохранял свой титул триумвира.

В-третьих, Антоний, вероятно, пообещал считать Цезариона, сына Клеопатры и Юлия Цезаря, законным наследником трона и согласился дать своим собственным детям, рожденным царицей, небольшие царства в пределах их империи.

В-четвертых, Антоний, видимо, пообещал возродить власть Египта на том уровне, который существовал полторы тысячи лет назад, во времена могущественных фараонов 18-й династии (XVI – XIV вв. до н. э.). Поэтому Антоний отдал царице Синай; Аравию, включая, вероятно, скальный город Петру; восточное побережье Мертвого моря; часть долины реки Иордан и город Иерихон; возможно, часть Самарии и Галилеи; финикийское побережье, за исключением городов Тира и Сидона; Ливан; возможно, северное побережье Сирии; часть Киликии, включая, быть может, Тарс; остров Кипр и часть Крита. Таким образом, вассальное царство Иудея, которым правил Ирод, оказалось окруженным владениями Клеопатры. Но вычет этих ценных земель из сферы влияния Египта был компенсирован присоединением территории Киликии, которая всегда находилась за пределами египетских границ даже во времена великих фараонов.

А взамен всего этого Клеопатра, вероятно, гарантировала предоставление всех финансовых и военных ресурсов Египта в распоряжение Антония, когда бы они ему ни понадобились.

Как только этот договор был составлен, я думаю, не может быть сомнений в том, что Антоний и Клеопатра тихо поженились, а в память об этом событии были отчеканены монеты, на которых изображены их головы и написаны их имена; на них она названа царицей, а он – автократором. К тому же в честь этого события

Клеопатра начала новое летосчисление своего правления; и на монетах, выпущенных шестью годами позже, рядом с головами Антония и царицы есть надпись: «В правление царицы Клеопатры, в 21-й, который также есть 6-й год богини». Следует помнить, что Клеопатра взошла на престол летом 51 г. до н. э., и поэтому 21-й год ее правления начинался после лета 31 г. до н. э., и он также являлся завершением 6-го года, прошедшего со времени заключения этого брачного союза в Антиохии в конце 37 г. до н. э. Таким образом, эти монеты, вероятно, были отчеканены осенью 31 г. до н. э., когда начало 21-го года правления Клеопатры в качестве царицы Египта совпало с концом 6-го года ее правления вместе с Антонием. Разумеется, можно выдвинуть много аргументов против того, что теперь Клеопатра была определенно замужем. Но ввиду того, что их головы теперь появились на монетах, что Антоний передал Клеопатре огромную территорию, что она начала новый отсчет лет своего правления, что Антоний с тех пор жил с ней и что, как мы знаем из его письма к Октавиану, он говорил о ней как о своей *жене*, я не думаю, что есть разумная причина переносить свадьбу на более поздний период.

Зиму они тихо прожили в Антиохии; Антоний был занят подготовкой к новой войне с парфянами, которая, как он надеялся, должна была принести ему огромный авторитет и популярность в римском мире. Этот город был столицей Сирии, и в то время его уже, вероятно, признавали третьим городом мира после Рима и Александрии. Жилой квартал под названием Дафна изобиловал густыми лавровыми и кипарисовыми рощами, которые простирались на 10 миль, и множество небольших ручьев сбегали с холмов и журчали под сенью деревьев, где даже в разгар лета всегда было прохладно. Город был знаменит своим искусством и ученостью и являлся центром, в высшей степени соответствующим вкусам Клеопатры. Без особых событий проходили месяцы. Говорили, что царица пыталась уговорить Антония свергнуть Ирода и присоединить Иудею к ее новым владениям, но он отказывался сделать это и просил ее не вмешиваться в дела Ирода. После этого Клеопатра вела себя по отношению к царю Иудеи (иудеи своего «царя», полностью зависевшего от римлян, люто ненавидели. – *Ред.*) весьма корректно.

В марте 36 г. до н. э. Антоний отправился на войну, и Клеопатра сопровождала его до Зевгмы, города на берегу Евфрата неподалеку от границы с Арменией, что представляло собой пеший переход длиной около 150 миль от Антиохии. Вероятно, Клеопатра хотела провести рядом с Антонием всю войну, так как в более поздний период мы видим, что она снова пытается

остаться при нем в похожих обстоятельствах. Но видимо, в Зевгме оказалось, что состояние Клеопатры требует ее возвращения в Египет, где она и будет ожидать возвращения Антония, как она надеялась, с победой. Несмотря на все свои тревоги и разочарования в жизни, царица заметно сохранила свою энергию и бесстрашие и теперь была не менее смела и отважна, чем в те дни, когда Юлий Цезарь увидел ее во главе сирийского войска, вторгшегося в Египет. Ей нравилась военная жизнь и опасности, которым нужно смело смотреть в лицо. Античный писатель по имени Флор писал о Клеопатре, что она «не знает никаких женских страхов», и эта попытка идти на войну со своим мужем указывает на то, что с возрастом дерзость и отвага, столь часто заметные в ее действиях, не уменьшились. По-видимому, Клеопатра не совсем одобряла поход Антония, казавшийся рискованным предприятием, стоившим ей немалых средств. Но это приключение манило ее и придавало ее жизни ту долю волнений, которая, видимо, была необходима Клеопатре для существования. Но Антоний, как бы ни был увлечен своей царицей, не мог оценить честь, которую она оказала ему в такое время, сопровождая его, и, наверное, испытал немалое облегчение, когда увидел, как ее кавалькада исчезает из вида на дороге назад в Антиохию.

Из Антиохии Клеопатра отправилась по долине реки Оронт в Апамею (город в Сирии), откуда совершила путешествие мимо Аретузы и Эмесы в Антиливан (горный хребет между Ливаном и Сирией. – *Пер.*), а оттуда в Дамаск. Затем она, по-видимому, направилась к Галилейскому морю (одно из названий Тивериадского озера на севере Палестины, совр. Израиль; другие его названия: озеро Кинерет, Генисаретское озеро, Бахр-Табария. – *Пер.*), а оттуда по реке Иордан к Иерихону. Где-то там она встретилась с деятельным Иродом, который явился к ней, чтобы прийти к какому-то соглашению в отношении тех частей Иудеи, которые Антоний подарил ей. После небольшого торга наконец было решено, что Ирод может арендовать у Клеопатры эти земли за определенную сумму денег. В субтропическом климате Иерихона в изобилии росли пальмы, хна, алыча или *zukkum* и бальзамин, «бальзам Галаад» (Галаад или Гилеад – область в Древней Палестине. – *Пер.*), высоко ценившийся как ароматическое вещество и медицинское средство. С точки зрения стратегии Иерихон был ключом к Палестине (Иерихон, кстати, согласно Книге рекордов Гиннесса, древнейший город в мире, существовавший уже в 7800 г. до н. э. – за 66 веков до того, как прозвучали известные из Библии иерихонские трубы переселявшихся в Палестину кочевников-евреев, ведомых

Иисусом Навином, сменившим умершего Моисея. «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов и овец и ослов, все истребили мечом» [Иис. Нав., 6: 20]; «А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали в сокровищницу дома Господня» [Иис. Нав., 6: 23]. – *Ред.*). Поэтому можно понять, как, вероятно, досадно было Ироду лишиться этой жемчужины своей короны. Говорят, что после того, как он взял Иерихон в аренду у Клеопатры, город стал его излюбленным местом проживания. По завершении этой сделки царица, видимо, продолжила свое путешествие в Египет по приглашению иудейского царя через Иерусалим и Газу, то есть через Иудейское царство. Но как только она ступила на иудейскую территорию, Ирод задумал захватить и предать ее смерти. Дорога из Иерихона в Иерусалим зигзагом поднимается вверх по крутому и пустынному горному склону среди труднопроходимого, лишенного растительности ландшафта. Было бы легко напасть из засады на царицу в одном из безлюдных ущелий, по которому пролегал ее путь, а вину можно было свалить на разбойников, которыми кишели эти места. Как рассказывает нам Иосиф Флавий, Ирод обратил внимание своих советников на то, что Клеопатра по причине своего огромного влияния на дела в Риме стала представлять угрозу всем правителям небольших государств; и теперь, когда она оказалась в его власти, Ирод мог с величайшей легкостью избавить мир от женщины, которая стала всем им помехой, в результате чего миновало бы много бед и несчастий. Ирод сказал советникам, что Клеопатра обратила на него взор своих прекрасных глаз, и он не сомневается в том, что она предпримет попытку посягнуть на его добродетель до того, как пересечет южную границу. Ирод доказывал, что Антоний в конечном итоге будет благодарить его за ее убийство, ведь очевидно, что она никогда не будет ему верным другом, а оставит его в тот момент, когда он больше всего будет нуждаться в ее верности. Однако советники пришли в смятение от предложения царя и начали умолять его не делать этого. «Они настойчиво просили и умоляли его, – пишет Иосиф Флавий, – не делать ничего поспешно; ведь Антоний не потерпит этого, нет, даже если кто-то станет доказывать ему, что это было сделано ради его же пользы. Клеопатра занимала самое высокое положение, которое могла занимать женщина в то время в мире, и такое деяние будет заслуживать осуждения из-за дерзости Ирода, посмевшего совершить это».

Поэтому иудейский царь (поняв, что Антоний не оставит камня на камне в его уделе. – *Ред.*) отказался от своего

вероломного замысла и любезно сопроводил Клеопатру до пограничной крепости Пелусий, и, таким образом, она целой и невредимой вернулась в Александрию, где стала ждать рождения своего четвертого ребенка. Наверное, следует отметить, что Клеопатра привезла с собой в Египет из Иерихона много черенков кустов бальзамина (так решил автор. Думается, их привезли в Египет за тысячи лет до Клеопатры – Палестина и Сирия периодически оказывались под властью фараонов. – *Ред.*) и посадила их в Гелиополисе неподалеку от современного Каира. Мысли царицы теперь, наверное, были полны оптимизма. Антоний собрал огромную армию и уже должен был, по ее предположениям, вторгнуться далеко в глубь территории Парфии. Несмотря на свои предыдущие страхи, Клеопатра теперь ожидала, что Антоний вернется к ней, овеянный славой, открыв дорогу через Персию в Индию и сказочный Восток. Рим станет приветствовать его как своего героя и идола, а непопулярный в народе Октавиан исчезнет с политической арены. Тогда Антоний потребует для себя и для нее трон Запада и Востока, и, наконец, ее малолетний сын Цезарион, как их наследник, получит все, что ему причитается.

Поддерживаемая такими надеждами, Клеопатра проводила дни в ожидании; и в конце осени она произвела на свет мальчика, которого она назвала Птолемей, согласно обычаям своего рода. Но еще до того, как полностью восстановились ее силы, она получила депеши от Антония, в которых он сообщал ей страшные вести: война оказалась гибельной для его войска; сам он добрался до Северной Сирии лишь с остатками своей огромной (от 13 до 18 легионов. – *Ред.*) армии, одетой в лохмотья и изнуренной голодом и болезнями; денег катастрофически не хватает. Антоний умолял Клеопатру оказать ему помощь и привезти ему деньги для выплаты его павшим духом солдатам и написал, что будет ожидать ее приезда к побережью Сирии где-нибудь между Сидоном (совр. Сайда) и Беритом (совр. Бейрут).

И снова надежды несчастной царицы разбились вдребезги, но, мужественно взяв себя в руки в сложившейся ситуации, она собрала деньги, одежду, оружие и припасы для армии и с максимально возможной скоростью отправилась на выручку к своему мужу.

История этой военной катастрофы такова. Из Зевгмы Антоний походным маршем дошел до современного Армянского нагорья, где он произвел смотр своей огромной армии, состоявшей из 60 тысяч римских пехотинцев (включая испанцев и галлов), 10 тысяч римских всадников и около 30 тысяч солдат других национальностей, включая 13 тысяч кавалеристов и пехотинцев,

присланных царем Армении Артаваздом II, и большой отряд, предоставленный ему царем Понта Полемоном. Было собрано огромное количество осадной техники и метательных орудий, которые были посланы в Мидийскую Атропатену по долине реки Ерасх (Аракс) вместе с отрядами из Армении и Понта, а также двумя римскими легионами. Сам Антоний с основной частью армии шел в Мидию более прямым путем через Северную Ассирию, горя нетерпением атаковать врага. Весть о его приближении с такими силами, пишет Плутарх, не только встревожила парфян, но и вселила страх в жителей Северной Индии – действительно заставила трястись всю Азию (здесь еще не забыли не только Александра Великого Македонского, но и походы его наследников: Селевка ок. 305 г. до н. э., Антиоха III ок. 210–204 г. до н. э. и других. – *Ред.*). Предполагалось, что Антоний с триумфом пройдет по Ирану; и, вероятно, строилось много предположений о том, поведет ли он свою армию, как Александр Великий, в Индию, где его встретят корабли Клеопатры с деньгами и припасами, приплывшие по морскому торговому пути из Египта. К концу августа Антоний добрался до города Фрааспы, столицы Мидийской Атропатены (древнее название земель в современном Южном (Иранском) Азербайджане), и там стал ждать прибытия своих осадных машин и сопровождавших их войск. Антоний предполагал, что город быстро сдастся, но в этом он ошибся и, прежде чем приступил к затяжной осаде, получил донесение о том, что вторая часть его армии подверглась нападению и потерпела поражение, весь его арсенал для сокращения стен городов захвачен или разбит, царь Армении бежал с остатками своей армии в свою страну, а царь Понта попал в плен. Но, несмотря на такие сокрушительные потери, Антоний принял мужественное решение продолжать осаду. Однако вскоре прибытие армии парфян, бодрой после одержанной победы, начало причинять ему большие неудобства, и места расположения римских войск постоянно подвергались изматывающим нападениям отрядов знаменитой парфянской кавалерии, хотя ни разу враг не принял генерального сражения. Наконец, в октябре Антоний был вынужден начать с врагом переговоры, так как ввиду общей нехватки съестных припасов и упадка духа в войсках нельзя было ожидать приближения зимы без величайшего страха. Поэтому он послал сообщение царю Парфии, в котором говорилось, что, если ему будут переданы военнопленные, взятые в войне с Крассом, а также утерянные штандарты с орлами, он снимет осаду и уйдет. Враг отклонил эти условия, но заявил, что, если Антоний уйдет, его отступлению никто не будет мешать; и римляне согласились на это.

Однако парфяне не сдержали слова, и, когда измученные легионеры переходили через заснеженные горы, они подверглись многочисленным нападениям жестоких племен, которые устраивали им засады на каждом перевале и следовали за ними по пятам, нападая на римлян. И помимо тысяч людей, которые были таким образом отрезаны от своих или убиты в ежедневных стычках, большое количество римских воинов погибло от холода и недоедания. Был период, когда съестных припасов не хватало настолько, что буханка хлеба ценилась на вес серебра; и именно в это время большое количество людей, съев какой-то корень, который казался съедобным, лишились рассудка и умерли. «Тот, кто съедал такой корень, – писал Плутарх, – совсем ничего не помнил и мог только двигать с места на место большие камни, что он проделывал с такой серьезностью и усердием, как будто это было дело чрезвычайной важности; и, так, во всем лагере можно было увидеть лишь солдат, которые выворачивали из земли камни и носили их с места на место до тех пор, пока, в конце концов, у них не начиналась рвота, и тогда они умирали».

На протяжении всего этого долгого и ужасного перехода Антоний вел себя чрезвычайно мужественно и стойко. Он делил все трудности со своими солдатами, и, когда войско разбивало лагерь на ночевку, он ходил от палатки к палатке, беседуя с легионерами, подбадривая и обнадеживая их. Его сочувствие и забота о раненых были сродни отношению к ним самой заботливой женщины. Солдаты обожали его; и даже те, кто был при смерти, приходили в себя в его присутствии и называли его всякими уважительными и полными любви именами. «Они хватали его за руки, – пишет Плутарх, – с радостными лицами и просили, чтобы он позаботился о себе и не беспокоился о них; они называли его своим императором и главнокомандующим и говорили, что, если только с ним все будет в порядке, они будут спасены». Много раз слышали, как Антоний восклицает: «О, десять тысяч!», словно восхищаясь знаменитым отступлением Ксенофонта, которое было даже еще более тяжелым, чем его собственное (знаменитый поход с боями 10 тысяч греческих наемников [из 13 тысяч первоначально] после проигранного их покровителем Киром [младшим] боя при Кунаксе близ Вавилона [401 г. до н. э.], где Кир был убит. Греки смогли за 1 год и 3 месяца пройти с боями около 4 тысяч километров и, разбив напоследок колхидян в 400 г. до н. э., прорваться к морю [Трапезунт, совр. Трабзон] и вернуться в Грецию. – *Ред.*). Однажды ситуация была настолько серьезной, что Антоний заставил одного из своих рабов по имени Рамн дать клятву, что в случае всеобщей резни тот проткнет его мечом и отрежет ему

голову, чтобы его не смогли ни взять в плен живым, ни узнать мертвого.

Наконец, после двадцати семи ужасных дней, в течение которых римляне отбивали атаки парфян не менее восемнадцати раз, римские легионы переправились через Ерасх, прорвавшись в Армению и сохранив (в отличие от Красса) знаки своих легионов с орлами в целости и сохранности. Здесь, произведя смотр своей армии, Антоний обнаружил, что потерял 20 тысяч пехотинцев и 4 тысячи всадников, большая часть которых погибла от холода и болезней. Однако их беды еще не закончились, ведь, хотя враг и остался позади, им предстояло встретить зимние холода, и переход из Армении в Сирию был полон трудностей. К тому моменту, когда армия достигла побережья, умерли еще 8 тысяч человек, и все войско, которое наконец встало на зимние квартиры в местечке под названием Белая Деревня между Сидоном и Беритом, представляло собой оборванные остатки огромного войска, которое так смело отправилось в поход прошлой весной. И все же можно сказать, что, если бы Антоний не оказался столь бесстрашным военачальником, в тех ужасных горах погибло бы гораздо больше, разделив печальную судьбу Красса и его злосчастной экспедиции (в 53 г. до н. э. из примерно 40 тысяч воинов Красса погибло 20 тысяч, было взято в плен 10 тысяч (их поселили в далекой Маргиане, совр. район Мары в Туркмении), прорвались к своим 10 тысяч. – *Ред.*).

В Белой Деревне Антоний с нетерпением ожидал приезда Клеопатры; и тем не менее он так стыдился своего поражения и был так несчастен при мысли об ее упреках в его неудаче, что в отчаянии обратился за ложным утешением к винной кружке и каждый день допивался до состояния невменяемости. Когда же Антоний не был в бесчувственном состоянии, то нервничал и не находил себе места. Он не мог выдержать скуку долгого обеда, вскакивал из-за стола и бежал к берегу моря, чтобы осмотреть горизонт: не покажутся ли паруса кораблей Клеопатры. И он, и его военачальники осунулись и выглядели неопрятно, его солдаты были одеты в лохмотья. В таком состоянии Клеопатра и увидела их, когда, наконец, ее флот вошел в залив, привезя с собой одежду, провизию и деньги.

Глава 12
Дионис

Когда Клеопатра везла Антония назад в Александрию, чтобы тот восстановил свои силы после напряжения последних месяцев, мне кажется, она прямо заговорила с ним о его планах на будущее. По-видимому, Клеопатра указала Антонию на то, что попытки Рима завоевать Парфию закончатся неудачей и что попытка овладеть такой обширной страной с огромными ресурсами – просто пустая трата денег, людей и времени (однако Александр Великий завоевал великую иранскую империю Ахеменидов, а Селевк и Антиох III подтверждали [в той или иной степени] свою власть здесь. Последнюю попытку контролировать Иран предпринял царь Антиох III Сидет. Предварительно подчинив снова отпавшую от царства Селевкидов Иудею, он предпринял поход в Парфию, закончившийся его гибелью и разгромом сирийского войска. – *Ред.*). Такие войны истощают их денежные запасы и ничего не дают им взамен. Поэтому не будет ли лучше немедленно сконцентрировать все свои силы на свержение Октавиана и захват Рима? Антоний доказал свою популярность у солдат и убедился в их преданности, ведь он, в конце концов, успешно выполнил самую тяжелую задачу полководца – упорядоченное отступление. Поэтому, безусловно, будет разумным не тратить больше их с Клеопатрой далеко не безграничные средства на планы по завоеванию Востока, а сосредоточить все внимание сначала на Италии. В конце концов, парфяне изгнаны из Армении, Сирии и Палестины, и теперь их можно оставить в покое на своей территории, пока не наступит тот день, когда Антоний пойдет на них войной, согласно сивиллиным пророчествам, как царь Рима. Клеопатра с сомнением отнеслась к походу на Парфию, хотя и помогала финансировать его как часть изначального плана Юлия Цезаря; и она по считала разумным довод, выдвинутый Антонием: если он окажется успешным, он сильно повысит его авторитет и сделает его народным героем в Риме. Однако эта война имела гибельные последствия, и теперь было лучше оставить весь этот замысел, нежели рисковать еще одним поражением в будущем. Измученный Антоний, страдающий от последствий своего беспробудного пьянства, по-видимому, молча согласился с этими доводами и прибыл в Александрию, намереваясь восстановить свои силы за год-два ввиду предстоящей ссоры с Октавианом. В Сирии он получил сообщение о событиях, которые произошли в

Риме, пока он воевал. Октавиан наконец разгромил Секста Помпея, который укрылся в Митилене; а третий триумвир Лепид погрузился в личную жизнь, оставив свои владения в Африке в руках Октавиана. Поэтому запад Римской державы теперь находился под контролем Октавиана, и не было ничего невероятного в том, что он сам в скором будущем затеет ссору с Антонием.

Комфорт Александрийского дворца и удовольствие от блестящего общества Клеопатры, вероятно, стали для Антония волшебной переменой после суровых условий войны, и оставшаяся часть зимы, без сомнения, пролетела в беззаботной праздности. Но то, что происходило вокруг, видимо, сдерживало какое-либо повторение легкомыслия во время предыдущего пребывания Антония в столице Египта, и теперь до нас не доходят вести о «Непревзойденных гуляках» и их удивительных развлечениях. Антоний написал длинное письмо в Рим, дав в нем более или менее яркий отчет о войне и утверждая, что во многих отношениях она была очень успешной. В самом начале нового 35 г. до н. э. Секст Помпей предпринял попытку начать переговоры с египетским двором, но посланцы, которых он отправил в Александрию, не сумели добиться какого-либо благоприятного ответа. С другой стороны, Антоний узнал от них, что Секст вступил в тайную переписку с парфянами и пытается подкупить Домиция Энобарба, его наместника в провинции Азия (на западе Малой Азии [Анатолии], включала Мисию, Фригию, Лидию и Карию. – *Ред.*). Поэтому он и Клеопатра решили схватить этого опасного сына великого Помпея и казнить его. Этот приказ был исполнен неким Тицием, который произвел его арест во Фригии, и вскоре после этого Секст был казнен в Милете. Вероятно, эти действия были чрезвычайно плохо восприняты в Риме, так как этот изгой, подобно Робин Гуду, всегда пользовался широкой любовью народа, и, видимо, по этой причине Антоний никогда не признавал свою ответственность за это, а приказ будто бы был подписан его помощником Планком.

Вскоре после этого весь ход событий внезапно изменился благодаря тому, что в Александрию прибыл не кто иной, как царь Понта, который, если вспомнить, был захвачен парфянами в начале последнего военного похода Антония и был пленником царя Мидийской Атропатены. Последний теперь отправил его в Египет с вестью о том, что недавние еще союзники Мидийской Атропатены и Парфия рассорились. Царь Мидийской Атропатены предложил, чтобы Антоний помог ему уничтожить противника. Это заявление вызвало во дворце Клеопатры величайшее потрясение. Появилась неожиданная возможность победить

ужасных парфян: ведь Мидийская Атропатена всегда была их сильным союзником, и римские войска ранее потерпели неудачу именно на ее территории. Но Клеопатра, опасаясь двуличности восточных монархов, настроилась на немедленное свержение Октавиана, власть которого теперь была определенно на подъеме, и попыталась отговорить своего мужа от этой второй войны, умоляя его больше не рисковать. В качестве предварительного шага Антоний послал депешу царю Армении Артавазду, который покинул его после поражения в Мидийской Атропатене, приказывая ему безотлагательно прибыть в Александрию, очевидно, для того, чтобы обсудить ситуацию. Однако Артавазд не проявил желания оказаться в руках своего сюзерена, которого он предал, и предпочел искать безопасности, если понадобится, в своих собственных горах или присоединиться к парфянам.

Антоний был глух к советам Клеопатры; он принял в конце концов предложение, переданное царем Понта, и приготовился немедленно отправиться на северо-восток. Клеопатра решила следовать вместе, и в конце весны они вместе отплыли в Сирию. Но как только они прибыли в эту страну, Антоний получил тревожную весть о том, что его римлянка-жена Октавия пустилась в путь, чтобы снова соединиться с ним, и предлагает встретиться с ним в Греции. По-видимому, ее брат Октавиан выбрал это средство, чтобы начать ссору с Антонием. Ведь если Октавии был бы оказан плохой прием, Октавиан объявил бы ее сбившегося с пути мужа дезертиром. А чтобы показать, как справедливо он сам поступает, Октавиан отправил с Октавией две тысячи легионеров и немного военного снаряжения. Фактически легионеры исполняли роль телохранителей Октавии, тогда как изначально их отправка к Антонию должна была считаться частичной платой за те корабли, которые были уничтожены в войне Октавиана с Секстом, а частично формальным подарком одного самодержца другому. Антоний сразу же отправил Октавии письмо, в котором говорилось, чтобы она оставалась в Афинах, так как он отправляется в Мидийскую Атропатену. В ответ на это Октавия прислала друга семьи по имени Нигер, чтобы тот спросил Антония, что ей делать с воинским отрядом и припасами. Нигер имел дерзость открыто говорить об обращении Антония с Октавией и высоко оценил ее благородное и спокойное поведение в состоянии сильных душевных переживаний; но Антоний не был в настроении слушать и отправил его восвояси, не дав ему удовлетворительного ответа. В то же самое время он, по-видимому, очень жалел Октавию, и можно почти не сомневаться в том, что, если бы это было возможно, он хотел бы увидеться с ней ненадолго, если только это могло спасти ее от дополнительного

оскорбления, которое наносило ей его теперешнее отношение к ней. Антоний был весьма безответственным субъектом в таких вопросах, и, пока все были довольны, он на самом деле не сильно переживал по поводу того, с какой женщиной в данный момент живет, хотя, казалось, теперь он был чрезвычайно предан Клеопатре и очень зависел от ее живого общества.

Царица, разумеется, была сильно встревожена новым поворотом событий, так как она не могла быть уверенной в том, будет ли Антоний выполнять официальный договор, который заключил с ней в Антиохии, или же он снова окажется ненадежным другом. Она отчетливо понимала, что оскорбление, нанесенное Октавии, ускорит войну между Востоком и Западом, и, видимо, понимала лучше, чем раньше, что Антоний поступит неразумно в этой критической ситуации, если и дальше будет усложнять отношения с Парфией. Для нее было абсолютно необходимо благополучно отвезти его назад в Александрию, где он, с одной стороны, будет вне досягаемости Октавии, а с другой – окажется далеко от искушения продолжать строить планы в отношении Востока. Но Антоний так же жаждал снова наброситься на своего старого врага, как побитый мальчишка жаждет отомстить своему сопернику. Мысль о том, чтобы отказаться от возможности взять реванш ради подготовки к немедленной борьбе с Октавианом, была ему крайне неприятна. Все, казалось, теперь благоприятствовало успешному вторжению в Парфию. У Антония была не только поддержка царя Мидийской Атропатены. Ненадежный союзник, царь Армении, счел благоразумным в последний момент замириться с Антонием, и новое соглашение должно было быть скреплено помолвкой его дочери с маленьким сыном Антония Александром Гелиосом. Но Клеопатра не столько тревожилась о завоевании Парфии, сколько о свержении соперника своего сына, который узурпировал то положение в обществе, которое должно было перейти от великого Цезаря к Цезариону и ей; и теперь она предприняла попытку, используя все имеющиеся в ее арсенале уловки, чтобы помешать Антонию и дальше рисковать на Востоке и убедить его вернуться в Александрию. «Она сделала вид, что умирает от любви к Антонию, – пишет Плутарх, – скудным питанием добившись потери веса. Когда он вошел в ее покои, она остановила на нем свой обожающий взгляд, а когда он ушел, она будто ослабла и чуть не упала в обморок. Она прилагала усилия к тому, чтобы он видел ее в слезах, а как только он их замечал, она поспешно вытирала их и отворачивалась, будто хотела, чтобы он ничего не знал об этом.

Тем временем доверенные лица Клеопатры не медлили

ускорять исполнение ее замысла, упрекая Антония в черствости, которая позволяет умереть женщине, душа которой зависела только от него одного. Да, Октавия была женой Антония, но Клеопатра, суверенная правительница многих народов, довольствовалась положением его любовницы, и, если она лишится его, она не перенесет этой потери».

Таким способом Клеопатра добилась, наконец, от Антония того, что он отказался от предложенной войны; и мы не должны слишком сурово осуждать ее за лицедейство. В тот момент Клеопатра вела отчаянную игру. Она убедила Антония окончательно отвернуться от Октавии, и все же сразу после этого, словно забыв о последствиях своего поступка, он горел желанием отправиться в Парфию в то время, когда Октавия собиралась предпринять попытку объявить его врагом римского народа. Конечно, в действительности царица была влюблена в Антония не больше, чем он в нее, но он был абсолютно необходим ей для осуществления ее надежд; а необходимость незамедлительно помериться силами с Октавианом с каждым днем становилась все более насущной. К этому Антоний должен был готовиться, постепенно собирая силы, средства и снаряжение, а все другие планы должны были быть забыты.

Поэтому Антоний возвратился в Александрию с большой неохотой, где и провел зиму 35/34 г. до н. э., благоразумно управляя своими обширными владениями. Однако следующей весной он принял решение завладеть Арменией и Мидийской Атропатеной для достижения своих целей. А когда на лето Антоний перенес свою штаб-квартиру в Сирию, он снова послал приказ царю Артавазду прибыть к нему на встречу, чтобы обсудить дела Парфии. Но царь Армении, видимо, прошедшей зимой вступил в заговор против Антония и отказался отдаться в руки римлян, чтобы не пострадать за свое двуличие. После этого Антоний быстро вторгся в Армению, взял царя в плен, захватил его казну, разграбил его земли и объявил, что эта страна отныне является римской провинцией. Добыча, захваченная в этой быстрой военной кампании, была очень велика. Легионеры хватали все ценные предметы, на которые падал их взор; они даже разграбили древний храм Анаит (наиболее чтимая в дохристианской Армении богиня – Великая мать, отождествляемая с древнейшими малоазийскими богинями, воспринятыми греками под именами Деметры и Артемиды. Богине Анаит посвящались коровы особой масти, с изображением зажженного факела на лбу. В эпоху христианства культ Великой матери Анаит был отождествлен с культом Богоматери. – *Ред.*) в Еризе (совр. Эрзинджан) и подняли руку на статую богини,

которая была сделана из массивного золота: римляне разломали ее на куски, чтобы разделить.

По возвращении в Сирию Антоний вступил в переговоры с царем Мидийской Атропатены, результатом которых стало то, что мидийская принцесса Иотапа вышла замуж за маленького Александра Гелиоса, чья помолвка с дочерью царя Армении, разумеется, закончилась вместе с недавней войной. Как мы увидим, вполне вероятно, что царь Мидийской Атропатены согласился сделать молодую пару наследниками трона святой страны, так как у него не было сына. Таким образом, Антоний снова осуществил остроумный план основания царских династий своими отпрысками в разных странах. Затем он возвратился в Александрию, удовлетворенный работой, которую он проделал за лето, но «со своими мыслями», как пишет Плутарх, «только о грядущей гражданской войне». Октавия вернулась в Рим и не стала делать секрета из того, что с ней дурно обошлись. Поэтому ее брат велел Октавии покинуть дом Антония, чтобы тем самым показать свою обиду на него, но она не сделала этого и не позволила Октавиану объявить из-за нее войну Антонию, потому что, по ее словам, будет невыносимо, если станут говорить, что две женщины, она и Клеопатра, явились причиной такого ужасного противоборства. Тем не менее было мало шансов, что эту ссору можно было уладить, и Антоний теперь, наверное, понял, как проницательна была Клеопатра, когда возражала против дорогостоящей и изнурительной войны в Парфии.

По возвращении в Александрию осенью 34 г. до н. э. Антоний взбудоражил весь римский мир, отпраздновав свою победу над Арменией в столице Египта. Никогда раньше римские полководцы не проводили официальную церемонию триумфа не в Риме. Поступок Антония оказался явной декларацией того, что Александрия стала соперницей, если не преемницей, Рима в качестве столицы античного мира. Следует вспомнить, что Юлий Цезарь говорил о перенесении места пребывания правительства из Рима в Александрию, и теперь казалось, что Антоний перенес столицу, по крайней мере восточной части Римской державы, в этот город и стал считать его своим домом. Безусловно, Александрия занимала гораздо более удобное положение, чем Рим, для того чтобы управлять античным (теперь римским) миром. Нужно помнить, что варварские западные страны: довольно дикая Германия, недавно завоеванная Галлия, не играющая какой-либо роли периферийная Британия, не столь цивилизованная Испания и другие – не имели такой ценности, как цивилизованные восточные владения Рима. И Рим находился далеко к западу от этих ценнейших из своих провинций.

Путешествие длиной 600–800 миль (6–7 дней по морю) приводило из Александрии в Антиохию или Тарс, тогда как Рим находился от этих центров на почти в три раза большем расстоянии. Южная часть Пелопоннеса находилась благодаря Криту значительно ближе к Александрии, чем к Риму (путь из Александрии до Путеол или Ости, то есть морских ворот Рима, занимал 15–20 дней [при особо благоприятных условиях – 9 дней]. – *Ред.*). До Эфеса и других городов Малой Азии можно было быстрее добраться по суше или по морю из Египта, нежели из Рима. Родос, Ликия, Вифиния, Памфилия, Киликия, Каппадокия, Коммагена, Понт, Армения, Кипр и многие другие большие и играющие значительную роль страны находились ближе к Александрии, чем к Риму; а Фракия (область на Балканском полуострове. – *Пер.*) и Византий (где в будущем вырастет новая столица Римской империи – великий Константинополь) по суше или по морю были приблизительно на одинаковом расстоянии от обеих столиц. Как город Александрия отличалась большим великолепием и изяществом; она была более процветающей, более деятельной и имела более богатую торговлю. Так что действительно были серьезные основания предполагать, что Антоний, проводя в ней свой триумф, объявлял о явном переносе своего дома и местопребывания правительства. Можно представить себе то беспокойство, которое это вызвало в Италии.

Триумф был особенно яркой церемонией. Во главе шествия шел отряд римских легионеров, на щитах которых была большая буква «С», которая, как говорили, означала «Клеопатра», но которая с той же вероятностью могла означать и «Цезарь» (по-латыни Цезарь – это *Caesar*), то есть законное дело Цезаря. Антоний, как обычно, ехал в колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми, а перед ним шли несчастный царь Армении Артавазд II в золотых цепях со своей царицей и сыновьями. За колесницей шла длинная вереница армянских пленных, а за ними ехали обычные повозки с награбленным добром. Следом шли городские депутации из вассальных городов, и каждая из них несла золотую корону или венец, которая была предназначена Антонию в память о его победе. Римские легионеры, египетские войска и несколько вооруженных отрядов из восточных стран замыкали шествие.

Эта процессия, по-видимому, тронулась в путь при свете утра из царского дворца на мысе Лохиас и прошла по берегу гавани до храма Посейдона (Нептуна). Затем она, вероятно, прошла через местный форум, мимо государственных зданий и роскошных садов Регии, вышла на улицу Канопус приблизительно в том

месте, где возвышался Панеум (большой искусственный холм с садом и парком, посвященный греческому богу Пану. – *Пер.*), а на дороге, поднимающейся вверх по его склону, собралось множество зрителей. Повернув на запад, процессия медленно двинулась по этой широкой мощеной улице, в колоннадах по обеим сторонам которой столпились зеваки. С правой стороны оставались стены Семы, или царского мавзолея, где лежали останки Александра Великого; а слева длинные портики Гимнасия и Суда образовывали затененную трибуну для сотен людей высших классов. С другой стороны дороги колоннада и окна мусейона были заполнены, я полагаю, преподавателями и студентами, которые пришли со своими семьями, чтобы своими глазами увидеть это зрелище. Чуть дальше процессия поворачивала на юг и прошла по широкой улице Сераписа, в конце которой на возвышении стояло великолепное здание Серапеума (храм Сераписа – композитного божества, сочетавшего в птолемеевский период в себе Осириса и Аписа). Здесь собрались Клеопатра, ее придворные и высокопоставленные чиновники Александрии, в то время как жрецы и жрицы Сераписа сосредоточились по обеим сторонам улицы и на широких ступенях, которые вели к галереям храма. Здесь Антоний спустился с колесницы и, наверное, под крики зрителей и звуки сотен систр (древний египетский музыкальный инструмент-трещотка в форме металлической подковы. – *Пер.*) поднялся вверх по ступеням храма, чтобы сделать предписанное жертвоприношение Серапису, как в Риме он при нес бы жертву Юпитеру Капитолийскому. Сделав это, Антоний возвратился во двор перед священным зданием, где была построена платформа, обшитая серебряными листами. На этой платформе на золотом троне сидела Клеопатра, одетая в одежды Исиды или Венеры; и теперь к ее ногам Антоний вел царственных пленников из Армении, потных и запыленных от долгой ходьбы, понурых от постоянного свиста и глумления людей, через толпы которых они проходили. Артавазд II не был варваром; он был утонченным и образованным человеком, для чувствительной натуры которого это испытание, вероятно, было самым ужасным. Он был немного поэт и в свое время писал неплохие пьесы и трагедии. Теперь ему было велено склониться перед Клеопатрой и приветствовать ее как богиню, но он наотрез отказался сделать это и, несмотря на грубые тычки стражников, продолжал стоять перед ней во весь рост и обращался к ней просто по имени. В Риме обычно в заключение триумфа казнили пленников царской крови, которые были выставлены на всеобщее обозрение во время шествия, и теперь, когда он открыто нанес оскорбление царице Египта,

Артавазд II не мог надеяться снова увидеть восход солнца. Однако Антония и Клеопатру, по-видимому, тронуло то достоинство, с которым он держался, и ни ему, ни членам его семьи не причинили вреда. Вместо этого им стали оказывать подобие почестей, а впоследствии их содержали в столице Египта как почетных пленников (в 31 г. до н. э. Артавазд II будет Клеопатрой казнен. – *Ред.*).

Когда триумф закончился, для всех жителей Александрии был устроен огромный пир; а ближе к вечеру на территории Гимнасия состоялась вторая церемония. Здесь снова была поставлена посеребренная платформа, на которую водрузили два больших и четыре маленьких золотых трона, и, когда все собрались, на них сели Антоний, Клеопатра и ее дети. Соблюдая определенные формальности, Антоний поднялся с места, чтобы обратиться к толпе. Упомянув, без сомнения, свои победы, он даровал царице и ее потомству несколько поразительных наград. Он провозгласил Клеопатру царицей Египта и владений, которые он пожаловал ей в Антиохии почти три года назад; он назвал Цезариона, сына Юлия Цезаря, соправителем своей матери и пожаловал ему великий титул Царя царей. В тот момент Цезариону было тринадцать с половиной лет, а так как он, по словам Светония, был поразительно похож на своего отца, Великого диктатора, Антоний, вероятно, испытывал необычное смятение чувств, когда оказывал ему эти почести. Своему собственному сыну Александру Гелиосу Антоний подарил Армянское царство, а также Мидийскую Атропатену (очевидно, после смерти правящего монарха, дочь которого недавно сочеталась с ним браком) и, наконец, Парфянское царство при условии, что оно будет завоевано. Это, видимо, было обусловлено договором с царем Мидийской Атропатены предыдущим летом, который, вероятно, предусматривал, что после смерти этого монарха Александр Гелиос и мидийская наследница Иотапа взойдут на объединенный престол Армении, Мидийской Атропатены и Парфии, а Антоний пообещал взамен помощь в завоевании последней. Мальчику на тот момент было шесть лет, и этого круглолицего малыша по такому поводу нарядили в мидийские или армянские одежды. На голове у него был надет высокий, жесткий головной убор этих стран, с задней части которого свисала ткань, закрывающая шею, а сам он был одет в тунику с рукавами, поверх которой был надет свободный плащ, накинутый на одно плечо и изящными складками ниспадающий со спины. На ногах у него были длинные просторные штаны, которые повсеместно носили в иранском мире (характерны для всех иранских народов – от скифов до персов, парфян, согдийцев

и бактрийцев. – *Ред.*). Клеопатре Селене, сестре-близнецу Александра, Антоний подарил Киренаику (историческая область в современной Ливии. – *Пер.*) и значительную часть остального североафриканского побережья. И наконец, Антоний провозгласил маленького Птолемея царем Финикии, Сирии и Киликии. Этот маленький мальчик, которому исполнилось всего лишь два года, был одет по такому случаю в македонский наряд и носил национальный плащ, сапожки и шапочку, поверх которой был надет венец так, как это делали преемники Александра. В конце этой удивительной церемонии дети после приветствия своих родителей оказались в окружении телохранителей. Это были представители тех народов, которыми им было назначено править. Наконец, все торжественно вернулись во дворец – когда солнце село в воды гавани Счастливого Возвращения.

По этому случаю были отчеканены монеты с надписью «*Cleopatrae reginae regum filiorum regum*» («Царицы Клеопатры и Царей детей царей»). Антоний, наверное, также приказал сделать бронзовую статую своего сына Александра Гелиоса, облаченного в царские одежды своего нового царства, так как не очень давно была обнаружена фигура мальчика, одетого таким образом. Затем Антоний написал отчет обо всем этом в римский сенат вместе с докладом о своей войне с Арменией, а в сопроводительном письме приказал своим доверенным лицам получить официальное одобрение тех перемен, которые он осуществил при распределении тронов в своих владениях. Эта весть была принята в Италии с удивлением, а в официальных кругах чувствовалось раздражение. Доверенные лица Антония мудро решили не читать его депеши в сенате; но Октавиан настаивал, и после долгих пререканий их содержание было наконец оглашено. Сразу же начали циркулировать рассказы, в которых фигурировал Антоний в роли восточного самодержца, который ведет в Александрии жизнь сластолюбца, чреватой вырождением. Было объявлено, что он постоянно пьян, но такое обвинение никак не могло быть выдвинуто против Клеопатры, поскольку говорили, что царица не пьянеет благодаря магическому кольцу с аметистом, который обладает способностью изгонять винные пары из головы того, кто его носит.

Можно почти не сомневаться в том, что Антоний был очень невоздержан в этот период. Он был сильно встревожен приближением большой войны с Октавианом и, вероятно, понимал, что теперь на кону стоит его популярность в Риме. Поэтому, ожидая, пока события примут тот или иной оборот, Антоний пытался освободиться от тревог, напиваясь до бесчувствия. Но, делая это, как будет видно из последующих

событий, он начал терять в глазах Клеопатры то место, которое занимал раньше. Она сама никогда не пила много вина и, судя по только что приведенному факту, всегда была отменно трезва. Наверное, она с растущим беспокойством наблюдала за распущенным поведением мужчины, от которого зависело исполнение ее честолюбивых замыслов.

Тот факт, что Антоний уже переставал быть римлянином, а с каждым днем становился все больше похожим на восточного владыку, не сильно ее волновал. Это отличало его, конечно, от Великого диктатора, память о котором становилась для нее все дороже по мере того, как она сравнивала активность Цезаря с растущей леностью Антония. Но за всю свою жизнь Клеопатра привыкла к манерам восточных монархов, и ее не мог сильно шокировать новый образ жизни ее мужа, за исключением того, что он ослабил его способности энергичного лидера. Теперь, когда ссора с Октавианом уже назрела, трон Клеопатры и вся ее жизнь зависели от способности Антония вдохновлять и командовать, и я полагаю, что частичное принятие им восточного образа жизни приблизило его к людям, с которыми ему приходилось иметь дело. «Клеопатра, – пишет Флор (Флор Луций Анней, римский историк II в. – *Ред.*), – в качестве платы за свою любовь попросила у пьяного полководца Римскую державу, и Антоний пообещал ей ее, как будто римлян было легче покорить, чем парфян… Забыв свою страну, свое имя, свою тогу и знаки отличия своего высокого положения, он полностью переродился, превратившись в мыслях, чувствах и одежде в того монстра, которого мы знаем. В его руке был золотой скипетр, на боку – восточный меч; его пурпурные одежды были застегнуты пряжками из огромных драгоценных камней; на голове он носил венец, чтобы быть равным царице, которую он любил».

Дворец в Александрии за последние годы был хорошо отделан и украшен; теперь он подходил для этого дородного восточного правителя. Лукан (Лукан Марк Анней, 39–65; римский поэт; участник заговора против Нерона, приговорен к смерти, покончил с собой. – *Ред.*) рассказывает нам, каким роскошным стала царская резиденция. Потолки ее были украшены лепниной и мозаикой, а потолочные балки были скрыты за золотой фольгой. Стены и колонны были сделаны в основном из прекрасного мрамора, но в их украшении использовалось большое количество пурпурного порфира и агата. Покрытие полов в некоторых залах было из оникса; эбеновое дерево использовалось так же широко, как и обычное; повсюду можно было увидеть слоновую кость. Двери были украшены привезенными из Индии черепаховыми панцирями, усыпанными

изумрудами. Кушетки и стулья были инкрустированы драгоценными камнями, многие предметы мебели сияли яшмой и сердоликом; во дворце было много бесценных столиков из резной слоновой кости. Драпировки сияли яркими красками, золотыми блестками или пламенели, окрашенные кошенилью. По залам ходили рабы, прошедшие отбор по внешнему виду. Некоторые из них были темнокожие, другие белые; у одних были черные курчавые волосы эфиопов, у других – золотистые или льняные локоны галлов и германцев. О Клеопатре Лукан пишет: «Она тяжело дышит под тяжестью своих украшений, а ее белые груди сияют сквозь сидонскую ткань, основу которой иголки мастериц из долины Нила ослабили, отделив и растянув нити». Недавно развившаяся торговля с Индией заполнила дворец роскошными тканями с Востока, а греческие или даже египетские материалы и предметы повседневного пользования начали теряться в мешанине разнородных вещей, привезенных изо всех уголков мира.

Среди этих театральных декораций Антоний с долей детского сумасбродства играл роль полубожественного властелина Востока. Когда он был трезвым, его голова, вероятно, пухла от забот и тревог; но во многих случаях, когда он был нетрезв, он вел себя как мальчик-подросток. Антонию нравилось, что все его отождествляют с Бахусом или Дионисом; ему нравилось слышать, что о нем говорят как о новом *Liber Pater* (Либер – древний италийский бог оплодотворения, в V в. до н. э. был отождествлен с Вакхом – Дионисом. Был особенно популярен среди плебеев. Праздник либералий [17 марта] был соответствующий: веселые непристойности, раскачивание сделанного из цветов фаллоса и т. д. От Либера [и его женской параллели Либеры] с учетом вышесказанного [плебейство и непристойности] и пошли понятия «либералы» и «либерализм». – *Ред.*). На празднествах в честь этого бога он проезжал по улицам Александрии в повозке, построенной по образу и подобию той, в которой ездил этот любивший выпить бог. На голове у Антония была корона, часто сдвинутая набок, на его плечи были наброшены гирлянды из плюща, на ногах у него были котурны (сандалии на толстой подошве, которые надевались трагическими древнегреческими и древнеримскими актерами для увеличения роста. – *Пер.*), а в руке – тирс (жезл Бахуса, Диониса. – *Пер.*). В таком виде Антония провозили по великолепной улице Канопус в окружении резвящихся женщин и мужчин; при этом толпы народу по обеим сторонам дороги выкрикивали ему свои веселые приветствия. В Александрийской регии, что восточнее форума, начали строить храм в честь Антония, но он был закончен лишь через несколько лет, и тогда

он был превращен в храм в честь Октавиана Августа и стал известен как Цезариум. Однажды Антоний дал роль морского бога Главка (сына Посейдона. – *Ред.*) своему другу Планку, который на пиру танцевал голым, будучи раскрашенным в синий цвет, в венке из водорослей на голове и с рыбьим хвостом, привязанным сзади.

Антония никогда не волновал вопрос о его достоинстве; и теперь в роли веселого восточного правителя он совершенно забывал о том, как он выглядит в глазах серьезных людей. Его часто можно было видеть идущим пешком рядом с колесницей Клеопатры и беседующим с евнухами и слугами из ее свиты. Он попросил царицу дать ему должность распорядителя игр, которая не считалась особенно почетной. Совершенно очевидно, что общество Клеопатры стало для Антония очень необходимым, и многие обращали внимание на то, что теперь он сопровождал ее всюду, куда бы она ни отправилась. Антоний ехал рядом с ней верхом по улицам, руководил вместо Клеопатры официальными и религиозными церемониями или сидел рядом с ней, когда она разбирала дела в общественном суде. Иногда, когда Антоний сидел один на судейской скамье и, глянув в окно посреди какого-нибудь запутанного дела, случайно видел колесницу Клеопатры, проезжающую по площади, он мог без объяснений вскочить с места, побежать к ней и пойти пешком во дворец рядом с ней, оставив судью, стражу и подсудимых с изумленно раскрытыми ртами.

Нам ничего не известно об отношениях Антония с его детьми, и трудно себе представить, каким он был в кругу семьи. Его пасынок Цезарион, два его сына Александр и Птолемей и его дочь Клеопатра жили в то время во дворце. И к тому же сын Антония от Фульвии по имени Антилл, который был немного моложе Цезариона, теперь тоже стал жить с отцом в Александрии. Возможно, Антоний был любящим и снисходительным отцом, и, наверное, в детских покоях дворца часто разыгрывались счастливые сцены, которые, будь они кем-то описаны, сильно исправили бы широко распространенную оценку того, какую жизнь вел Антоний дома с Клеопатрой. Царица была его законной женой, и, рассматривая его сумасбродства и причуды в Александрии, мы не должны терять из виду очевидный факт, что его жизнь в этот период также имела и домашний аспект. Антоний не признавался себе, что его союз с Клеопатрой был хоть в чем-то скандальным; и когда на следующий год написал Октавиану письмо, по-видимому, сильно удивился тому, что его семейную жизнь считают позором. «Это потому, что я живу в близких отношениях с царицей? – спрашивает он. – *Она моя жена*.

Это что, новость? Разве в течение этих девяти лет я вел себя иначе?» Действительно, по сравнению с личной жизнью Октавиана семейный круг в Александрии, несмотря на шутовство и пьянство Антония, был ни в коем случае не постыдным. В это время Октавиан в Риме посылал своих друзей искать по городу женщин себе на утеху. Рассказывают, что эти доверенные лица, действуя по его приказу, похищали девушек из приличных семей и срывали с них одежду, как это делали обычные работорговцы, чтобы убедиться, подходящие ли это подарки для их отвратительного хозяина. Таких историй об Антонии никто не рассказывал.

Так прошла зима 34/33 г. до н. э., и весной 33 г. до н. э. Антоний отправился в свою летнюю резиденцию в Сирии. Он хотел подкрепить договор с царем Мидийской Атропатены, чтобы защитить себя от нападения парфян во время надвигающейся войны с Октавианом. И с этой целью Антоний решил сразу же отправиться к границам этой страны. Клеопатра не поехала с ним, и в этом факте мы, наверное, можем увидеть указание на то, что она несколько утратила интерес к своему супругу из-за растущего презрения, которое он в ней вызывал. Проехав через Сирию, Антоний направился на северо-восток к Армении, и там, видимо, произошла встреча с царем Мидийской Атропатены. Ему Антоний отдал немалую часть Большой Армении, а царю Понта – территорию, известную как Малая Армения. Юную мидийскую принцессу Иотапу, которая вышла замуж за молодого Александра Гелиоса, вверили заботам Антония с тем, чтобы она получила воспитание в Александрии. С ней царь послал Антонию подарок; это были значки легионов с орлами, захваченные у римлян в 36 г. до н. э., когда нападению подвергся обоз с осадной техникой. Царь Мидийской Атропатены подарил также Антонию отряд знаменитых конных лучников, которые наносили большие потери римлянам и в боях с Крассом в 53 г. до н. э., и в последней кампании. В обмен на этих воинов Антоний послал в столицу Мидийской Атропатены отряд легионеров.

После того как опасность со стороны Парфии была предотвращена благодаря этому чрезвычайно важному и перспективному договору с Мидийской Атропатеной, Антоний отправился в Египет, чтобы снова провести там зиму. Он взял с собой маленькую принцессу Иотапу, и в начале осени они прибыли в Александрию. Весть в отношении Мидийской Атропатены, вероятно, была очень приятной для Клеопатры; и Иотапа с той поры стала подружкой царских детей во дворце. Но вести об Октавиане, которые Антоний должен был сообщить Клеопатре, были дурные, и, вероятно, египетская царица с

удивлением спросила супруга, как он может думать о том, чтобы тихо провести зиму в Александрии ввиду неизбежно надвигающейся войны. Во-первых, сроки действия триумвирата в конце года закончились, и казалось вероятным, что в этот момент Октавиан поставит вопрос ребром. Октавиан подверг Антония яростным нападкам в сенате и настроил общественное мнение против своего соперника. Антоний, услышав об этом, будучи в Армении, написал ему грубое письмо, слишком отвратительное, чтобы цитировать здесь[3]. На него Октавиан ответил в той же манере. Антоний обвинил Октавиана в нечестной игре: во-первых, Октавиан не поделился добычей, захваченной у Секста Помпея; во-вторых, он не вернул Антонию корабли, которые были даны ему на время для ведения войны с Помпеем; в-третьих, Октавиан не разделил владения в Африке, перешедшие к нему после отставки Лепида; и, наконец, он поделил почти всю свободную землю в Италии между своими солдатами, не оставив ничего легионерам Антония. Октавиан в ответ написал, что он разделит все свои военные трофеи, как только Антоний даст ему часть Армении и Египта. А в отношении земель, розданных в качестве награды его легионерам, он написал, что солдаты Антония вряд ли захотят эти земли, так как теперь у них, без сомнения, для дележа есть вся Мидийская Атропатена и Парфия. Такое упоминание Египта, будто он был провинцией Рима, а не независимым государством (с II в. до н. э. Египет был независимым лишь формально, всецело завися от Рима. В 168 г. до н. э. римляне просто спасли Птолемеев, заставив сирийцев Антиоха IV снять осаду с Александрии [египетская армия была сирийцами тогда разбита], которая едва держалась. – *Ред.*), вероятно, сильно разозлило Клеопатру; но, с другой стороны, приятно было услышать, что Октавиан оскорбил Антония за то, что тот находится в аморальной связи с царицей, а Антоний ему на это твердо ответил, что она является его законной женой.

Таким образом, вот-вот должна была разразиться война, и Клеопатра, наверное, горела в лихорадке от возбуждения. Видимо, неопределенное и легкомысленное поведение Антония сильно раздражало ее, и только тогда, когда он решил провести зиму в Эфесе вместо Египта, в их отношения вернулась гармония. Очнувшись, Антоний начал действовать энергично. Он отправил гонцов во все концы, чтобы собрать силы, и активно помогал Клеопатре в ее военных приготовлениях в собственной стране. Через несколько недель приготовления подошли к концу, и в начале зимы 33 г. до н. э. Антоний и Клеопатра отправились в Эфес во главе огромных морских и сухопутных сил. Жители Александрии, вероятно, поняли, что их царица отправляется на

самое удивительное и рискованное предприятие. Еще несколько лет назад они находились под пятой Италии, в любой момент ожидая, что их лишат независимости. Теперь благодаря умению, такту и обаянию их божественной царицы, этого живого воплощения Исиды-Афродиты, они могли своими глазами увидеть, как корабли, войска и правители Египта покидают страну, отправляясь на завоевание могущественного Рима. Они слышали, что Клеопатра поклялась сесть сама и посадить своего сына Цезариона в Капитолии. Среди ликующей толпы мало нашлось бы людей, сердца которых не наполнялись гордостью при мысли о блестящем будущем, которое ожидало их страну и их царский дом.

Глава 13
Эрида

Город Эфес находился (здесь сейчас его развалины) неподалеку от устья реки Малый Мендерес, у подножия невысоких гор (сейчас хребет Айдын), немного к югу от Смирны, напротив острова Самос. Находясь на побережье Малой Азии вблизи границы, разделявшей Лидию и Карию, он смотрел через море прямо на Афины и был в некоторой степени укрыт от угрожающих берегов Италии полуостровом, на котором располагалась Греция. Едва ли нужно напоминать читателю, что Эфес был знаменит своим храмом, посвященным Артемиде Эфесской. Его здание было построено из белого мрамора и кипарисового и кедрового дерева и щедро украшено золотом. Множество статуй украшали его колоннады, а на стенах висели известные полотна, включая замечательный портрет Александра Великого. Артемиду (в римском варианте Диану) часто отождествляли с Венерой, на тождество с которой претендовала Клеопатра. Здесь Антоний и Клеопатра собирали свои силы, и вскоре древний город стал крупнейшим военным и морским центром в мире. Клеопатра привела с собой из Египта могучий флот из двухсот боевых кораблей и огромное войско, не считая моряков, мастеровых и рабов. Она достала из своей казны 20 тысяч талантов (то есть 518 тонн серебра, по ценам на начало 2010 г. это около 300 миллионов долларов или около 190 миллионов фунтов стерлингов. – *Ред.*); и помимо этого она привезла с собой огромное количество зерна, продуктов питания, одежды, оружия и боеприпасов. Из Армении, Сирии и Понта ежедневно прибывали новые корабли с припасами; а собственный флот Антония, состоявший из нескольких сотен боевых кораблей и грузовых судов, быстро сосредоточился в устье реки. День и ночь дороги в город сотрясались от топота воинских отрядов: цари и восточные правители шли со своими армиями на соединение с Антонием. Царь Мавретании Бокх, правитель Киликии Таркондимот, царь Каппадокии Архелай, царь Пафлагонии Филадельф, царь Коммагены Митридат, цари Фракии Садала и Реметалк, царь Галатии Аминта и многие другие правители откликнулись на призыв взять в руки оружие и поспешили в распоряжение Антония и его царицы. Было ясно, за что собираются сражаться эти могущественные люди. Они стекались под знамена человека, который держал в течение многих лет в своих руках высшую власть над их странами и

правил милостиво и снисходительно. Они были обязаны ему многим – в некоторых случаях самим троном, и, случись ему теперь потерпеть поражение от его противника, они, вероятно, пали бы вместе с ним. Однако казалось, что их ждет несомненный успех, учитывая огромную армию Антония, и поэтому все вышеперечисленные правители понимали, что предоставленная ими помощь, безусловно, принесет обильные плоды и что награда будет велика. Антоний, разумеется, сказал им, что собирается сражаться в какой-то степени в интересах Римской республики, чтобы освободить страну от гнета самодержавия и восстановить старую конституцию. Антоний не был настолько глуп, чтобы признать, что нацелился на трон: ведь по этой самой причине был убит Юлий Цезарь, так что декларация такого рода точно так же отдалила бы от Антония большое количество его сторонников в Риме. У него по-прежнему было много друзей в столице, людей, которые испытывали неприязнь к отвратительному Октавиану и восхищались искренностью и открытостью Антония. К тому же многие поддерживали его в память о Великом диктаторе, считая Антония опекуном молодого Цезариона, чьи права они принимали близко к сердцу. История, которая уже была рассказана о завещании Юлия Цезаря, переходила из уст в уста. Говорили, что документ, который сделал Октавиана наследником, не был последней волей диктатора: позже он составил завещание в пользу сына Клеопатры Цезариона, но оно было изъято, скорее всего Кальпурнией. Таким образом, для многих своих друзей в Риме Антоний собирался сражаться за то, чтобы исполнить волю диктатора и свергнуть узурпатора Октавиана. Можно спросить: а было ли это тем оправданием, которое Антоний представил вассальным царям? Во всяком случае, Дион Кассий определенно утверждает, что признание Антонием прав Цезариона на это огромное наследство было действительной причиной войны.

Мне не кажется, что этот момент полностью признается историками, но совершенно очевидно, что положение Антония в Эфесе было бы почти несостоятельным без такого оправдания, как защита прав Цезариона. Любому человеку, жившему на Востоке, было очевидно, что Антоний действует в союзе с Египтом и Клеопатрой, и все теперь знали, что царица – его законная супруга. Было ясно, что, если Антонию будет сопутствовать успех, он войдет в Рим вместе с царицей Египта. И в то же самое время Антоний отрицал, что намеревается установить в Риме монархию – так, как это предлагал сделать диктатор, и говорил много чепухи о возрождении республики. Безусловно, есть только один способ, с помощью которого эти

различные интересы могли совместиться в одном плане, удовлетворив сторонников Антония и в Риме, и на Востоке, и послужить открытым оправданием войны. Антоний собирался усадить сына Цезаря Цезариона на место его отца и изгнать незаконного наследника Октавиана. Сам же Антоний будет опекуном мальчика и станет действовать, по крайней мере в Италии, по законам республики. Клеопатра, как его жена, снимет свою корону, пока будет находиться в Италии, но снова наденет ее в своих собственных владениях точно так, как предлагал Юлий Цезарь в последний год своей жизни. Разумеется, следовало понимать, что трон Рима в конечном итоге будет предложен ему, а он со временем передаст его Цезариону, основывая тем самым династию крови божественного Юлия. Но этот факт тщательно скрывался. Если бы Цезарион и его дело не составляли часть *casus belli* (повод для объявления войны – *лат.*), то вряд ли Антоний получил бы широкую поддержку в Риме. И какой человек потерпел бы военное присутствие Клеопатры и ее египтян, если бы она не была матерью претендента и женой опекуна претендента? Если бы не Цезарион, какое оправдание войны было бы у Антония? У меня их мало. Он сражался бы, чтобы свергнуть Октавиана, который в этом случае был бы законным и единственным наследником. Он вовлекал бы Клеопатру в политику Рима с очевидным намерением создать для нее трон, то есть сделать тот самый шаг, который привел Цезаря к гибели. В обмен на республиканские настроения Октавиана Антоний предлагал бы римскому народу жизнь под властью царя по образцу Египта не как нечто наилучшее при сложившихся обстоятельствах, а как образ мышления, желательный сам по себе. Явное почтительное отношение Антония к Клеопатре и то, как она разделяла с ним верховную власть, вероятно, должны были быть очень оскорбительными в Риме и Эфесе, и к этому не относились бы терпимо, если бы египетская царица не была вдовой Юлия Цезаря и матерью его сына.

В армии, сосредоточившейся в Эфесе, были воины всех национальностей. Там было девятнадцать римских легионов, воинские формирования из галлов и германцев, мавров, египтян, суданцев, арабов, бедуинов; были представлены мидяне, армяне, племена с берегов Черного моря, греки, евреи и сирийцы. Улицы города были забиты людьми во всевозможных одеждах с самым разнообразным оружием, разговаривавшими на сотне языков. Наверное, никогда еще в истории не собиралось вместе такое большое количество народов (у персидских царей Ахеменидов было побольше, да и у многих других. – *Ред.*), и Клеопатру, вероятно, переполняла гордость от осознания того, что на самом

деле это она была причиной такой огромной мобилизации военных сил. Да, они собрались вместе по просьбе Антония, но они пришли, чтобы сражаться за нее. Они были здесь для того, чтобы отстоять ее честь, чтобы возвести ее на трон, дав власть над античным миром. Лесом мечей и копий они собирались оправдать те ночи почти шестнадцать лет назад, когда, будучи маленькой царицей Египта, она лежала в объятиях могущественного старого римского развратника. В те далекие дни она сражалась, чтобы сохранить независимость своей страны и своей династии. Теперь она была царицей владений более обширных, чем владения, которыми правили самые великие фараоны, и вскоре она должна была увидеть, как ее царский род поднимется на такую высоту, которой никогда раньше не достигали цари Египта. В то время у Клеопатры вошло в привычку в качестве клятвы произносить следующие слова: «Так же верно, как то, что однажды я буду вершить правосудие на Капитолии». С гордостью исполняя роль хозяйки в Эфесе, она, вероятно, ощущала, что этот великий день совсем близок. Жители Эфеса уже приветствовали ее как свою царицу, и уважение, которое ей оказывали вассальные цари, было очень заметным.

Весной 32 г. до н. э. в штаб-квартиру Антония прибыли около четырехсот сенаторов. Они заявили, что после осуждения своего соперника в римском сенате Октавиан посоветовал всем, кто был на стороне его врага, покинуть город, после чего они и отплыли в Эфес, оставив около семисот или восьмисот сенаторов, которые либо одобряли Октавиана, либо придерживались уклончивой политики. Война еще не была объявлена, но теперь, видимо, не требовалось никакого объявления.

С прибытием сенаторов в лагере стали назревать волнения. Власть и авторитет Клеопатры сильно возмущали вновь прибывших, для которых существующее положение вещей было чем-то вроде откровения. Они не сразу поняли, что царица Египта играет активную роль в приготовлениях к войне, и многие из них быстро осознали, что Антоний, как восточный диктатор и муж Клеопатры, вряд ли будет восстанавливать республиканское правление в Риме. Вскоре некоторые из них начали проявлять недовольство царицей и намекать, что ей следует отойти на задний план, по крайней мере в тот момент. Был там военачальник по имени Гней Домиций Энобарб из старой республиканской семьи, который никогда не признавал право Клеопатры на верховную власть, которой она добилась. Энобарб никогда не обращался к ней, называя ее титул, а всегда только по имени. В конце концов этот человек прямо сказал Антонию, что ему следует отправить Клеопатру домой в Египет, чтобы она там

дожидалась окончания войны. Он, видимо, обратил внимание Антония на то, что ее присутствие в армии создает ложное впечатление и может оттолкнуть от него многих его друзей-римлян. Быть может, он предложил, чтобы царица освободила свое место для Цезариона, чьи права мало кто отрицал. Видя разумность этого совета, Антоний велел Клеопатре возвращаться в Александрию, но она, сильно встревожившись, говорят, подкупила Публия Канидия, одного из советников Антония, которому он больше всего доверял, чтобы тот защитил ее интересы, в результате чего предложение Домиция Энобарба было отклонено, и царица осталась с армией. Публий Канидий указал Антонию на то, что египетский флот будет сражаться более охотно, если с ним будет их царица, да и египетские деньги можно будет получить гораздо быстрее, если будет считаться, что это она сама в них нуждается. «И, кроме того, – сказал Канидий, – я не вижу, кого из царей, присоединившихся к этой экспедиции, Клеопатра ниже по интеллекту, ведь она одна долгое время правила огромным царством и научилась у тебя, Антоний, вершить великие дела».

Длительное пребывание царицы в Эфесе и ее связь с приготовлениями к войне были причиной крупных разногласий, и римские сенаторы разделились на две партии: на тех, кто поддерживал замыслы Антония, и тех, кто теперь был за примирение с Октавианом, которое должно было стать средством избавления римской политики от тревожащего влияния Клеопатры. Когда до ее ушей дошли вести об усилиях миротворцев, ее досада, наверное, была очень сильной. Должны ли ее надежды разбиться вдребезги только потому, что нескольким упрямым сенаторам не понравилось то, что иностранный монарх занимается политикой республики? Клеопатра больше не доверяла Антонию, так как ей казалось очевидным, что он в глубине души старается лишь ради своего собственного возвеличивания и готов отодвинуть ее на задний план в тот момент, когда ее интересы станут представлять угрозу его собственным. Это она подстрекала его к войне, поддерживала его на должной высоте, разбудила в нем чувство долга и в большой степени финансировала его нынешние действия, а он готов слушать тех, кто убеждает его заключить мир. Только недавно он предложил Октавиану, что сложит оружие, если тот сделает то же самое. В тот момент Клеопатра, наверное, думала, что это просто дипломатический ход для завоевания популярности, но теперь, видимо, поставила желание Антония воевать под большой вопрос и спросила себя, не предпочел бы он мир, покой и свободное время, чтобы пить и пировать вволю. Тем

не менее война была необходима для ее честолюбивых замыслов и для того, чтобы ее сын мог вступить в свои права. Если Октавиан не будет свергнут, она никогда не будет чувствовать себя в безопасности, а она всем сердцем хотела прийти в тихую гавань после лет бурь и напряженных усилий.

Итак, для нее самым главным было не допустить заключения мира, поэтому она сделала последнее усилие в этом направлении и, используя все хитрости и уловки, начала уговаривать своего мужа издать указ об отречении от Октавии и тем самым оскорбить Октавиана так, что никакое извинение не будет принято. Как только об этом плане прознала партия миротворцев, они начали оказывать на Антония давление, чтобы он помирился с Октавией. Несчастного изводили и донимали обе стороны, видимо, до тех пор, пока он от этого не устал. Однако советники Клеопатры в конце концов одержали в этом вопросе верх, и Антоний принял решение сделать опережающий ход и приплыть в Грецию, тем самым приблизив на шаг боевые действия. В конце апреля он приплыл из Эфеса на остров Самос, оставив часть армии. Здесь он пробыл две или три недели, во время которых он предавался легкомысленным развлечениям, что было реакцией на все волнения. Он приказал своим вассалам привезти с собой на встречу лучших актеров и комедиантов, чтобы высокое собрание не испытывало недостатка в развлечениях; и теперь этих актеров на кораблях доставляли на Самос, чтобы там разыгрывать представления перед царями и разными правителями. Эти владыки соревновались друг с другом, давая великолепные пиры, но нам ничего не известно о подобном расточительстве со стороны Клеопатры, которая, вероятно, была слишком встревожена и слишком благоразумна, уделяя достаточно времени и внимания своим обязанностям хозяйки. Богатые жертвы были принесены богам в островных храмах; каждый город отдал на это по быку; а священные чертоги, наверное, оглашались обращениями почти ко всем богам Востока и Запада. Поразителен был контраст между блеском и весельем на Самосе и унынием в тех городах, которые лишились своих солдат и денег и вот-вот должны были быть ввергнуты в ужасы кровопролитной войны. «Пока почти весь мир, – пишет Плутарх, – полнился стенаниями и плачем, этот единственный остров несколько дней оглашался звуками труб и арф, театры были полны людей, а хоры играли трагедии; и люди начали спрашивать себя, как же будет отпразднована победа, если они пошли на такие расходы в начале войны».

К концу мая все эти огромные вооруженные силы переправились через море и прибыли в Афины, и здесь Антоний и

Клеопатра собрали совет. Мысли царицы, надо полагать, были очень взбудоражены из-за угрожающих разногласий, причиной которых было ее присутствие в армии и отсутствие у нее уверенности в искренности ее мужа. Я считаю вполне вероятным то, что их отношения в это время оставляли желать лучшего, и, хотя Антоний был, возможно, более предан царице, чем раньше, между ними могли происходить споры и ссоры. Клеопатра хотела, чтобы он официально развелся с Октавией и немедленно начал войну, но Антоний со своей стороны был, по-видимому, не склонен делать какие-то решительные шаги. На самом деле перед ним стояла дилемма. Очевидно, Антоний пообещал царице, что если он одержит победу, то сразу же нацелится на монархию, предложенную Юлием Цезарем, и устроит все так, чтобы Цезарион со временем воцарился на троне. Но сейчас большинство сенаторов, которые находились с ним, указали Антонию на то, что римский народ ожидает от него, что он восстановит республику и отпразднует победу, после чего снова станет обычным гражданином. В молодые годы Антоний отнесся бы к этим трудностям с легким сердцем и придумал бы какой-нибудь способ обратить эту ситуацию себе на пользу. Но теперь его сила воли была подорвана пьянством, и к тому же он стал сильно во всем зависеть от Клеопатры. Антоний был очень увлечен ею и с каждым днем становился все более сентиментальным в своей любви. На тот момент ему было почти пятьдесят лет, и с убыванием жизненных сил он перестал быть таким неразборчивым в сердечных делах, сконцентрировав свой интерес почти полностью на царице, хотя она сама уже была не так молода, достигнув к этому времени тридцативосьмилетнего возраста. Ссоры с ней, видимо, сильно мучили Антония, а ее растущее презрение к нему заставляло его, ослабевшего, быть еще более преданным ее рабом. Он, похоже, с чем-то вроде пьяного восхищения наблюдал за тем, как она мастерски, энергично управляется с делами, и стремился сделать все возможное, чтобы сохранить ее любовь к нему, которая, как он видел, убывала. Бесстрашное сердце такой женщины, как Клеопатра, могли привлечь лишь мужская сила и решительность. Видимо, в сердце царицы рос ужас перед быстрой деградацией мужчины, которого она любила и которому доверяла.

В довершение всего в Афины приехал четырнадцатилетний сын Антония Антилл, с которым мы уже встречались в Александрии. Он недавно побывал в Риме, где ему оказала добрый прием верная долгу Октавия, которая ко всем детям своего мужа относилась с неизменной добротой и великодушием. Антоний, по-видимому, очень любил этого мальчика и объявил

его наследным принцем. Парень стал кем-то вроде соперника Цезариона, к которому Клеопатра была сильно привязана. В его присутствии в Афинах, наверное, можно увидеть еще одну причину для раздоров.

Наконец, в начале июня царица убедила Антония сделать последний шаг и развестись с Октавией. Поставив этот вопрос перед сенаторами, которые принялись сердито обсуждать его, Антоний послал гонцов в Рим, чтобы передать Октавии распоряжение покинуть его дом. И одновременно с этим Антоний отдал приказ войскам, которые еще находились в Эфесе, немедленно прибыть в Грецию. Это было равносильно объявлению войны, и, таким образом, Клеопатра, вероятно, испытала огромное облегчение. Но как только этот шаг был сделан, многие римляне, друзья Антония, пришли к нему в величайшей тревоге. Они обратили его внимание на то, что жестокое обращение с Октавией, которая завоевала всеобщие симпатии своим спокойным и покорным поведением, оттолкнет от него большое количество его сторонников в Италии и будет воспринято как четкое указание на то, что он находится под пятой у Клеопатры. Они умоляли его исправить это впечатление; и вслед за этим Антоний, встревоженный и смятенный, выступил с речью перед своими римскими легионами, пообещав им, что в течение двух месяцев после окончательной победы он восстановит республику.

Это заявление, вероятно, было ударом для Клеопатры; оно ясно показало, что Антоний ведет двойную игру. Царица, несомненно, понимала, что такое обещание не обязательно влечет за собой отказ от их планов в отношении монархии. Ведь, установив старую конституцию, Антоний будет иметь много времени на то, чтобы создать основы монархического правления. И тем не менее это заявление лишило Клеопатру присутствия духа и заставило более отчетливо признать огромное несоответствие между своими самодержавными настроениями и демократическими принципами страны, которую она пыталась сделать себе подвластной. Клеопатра видела, что мало-помалу основание, на котором зиждился план войны, меняется. Сначала основным оправданием военных действий было изгнание Октавиана с места, по праву принадлежавшего ее сыну Цезариону. Теперь же речь шла только о свободе, демократии и восстановлении республиканских институтов.

Но ее взбудораженные чувства в некоторой степени смягчало поведение Антония, которое в это время было каким угодно, только не демократическим. Он позволял афинянам признавать себя олицетворением божества и настаивал на том, чтобы

Клеопатре, которой он в то время безмерно гордился, воздавались все возможные царские и божественные почести. Царица действительно была в эти дни на высоте, и все античные авторы сходились на том, что Антоний находился в значительной степени у нее под каблуком. Афиняне, признавая ее своей соотечественницей, жаждали признать ее всемогущество. Они поставили ее статую в Акрополе возле уже воздвигнутой статуи Антония; они приветствовали ее как Афродиту; они проголосовали за то, чтобы в городе ей воздавали всевозможные почести, и, чтобы объявить ей об этом, послали к ней делегацию во главе с Антонием в роли почетного гражданина города. Следует вспомнить, что Октавия ранее на протяжении нескольких лет жила в Афинах, и она пользовалась большой любовью горожан, но память об этой спокойной и печальной женщине вскоре стерлась присутствием величественной царицы Египта, которая сидела рядом с Антонием во главе собрания царей и царевичей. Казалось, что она уже Царица Земли, так как, выступая в роли хозяйки для всех этих монархов, разговаривая с каждым из них на его языке и развлекая их, демонстрируя свой блестящий ум, она казалась руководящим началом и на их празднествах, и на их советах.

Тем временем Антоний, уладив разногласия среди своих сподвижников, ударился в веселье в своей обычной манере и вскоре заставил афинян официально признать себя Дионисом (или, в римском варианте, Бахусом), сошедшим на землю. В ожидании праздника Бахуса Антоний приказал всем плотникам в городе сделать огромный каркас крыши над большим театром, который затем был покрыт зелеными ветками и виноградными лозами, как в священных пещерах этого бога. С этих ветвей свешивались сотни барабанов, козлиных шкур и других символов и игрушек Бахуса. В день праздника Антоний в окружении друзей восседал посреди театра, а сквозь переплетенную зелень на крыше на них падали лучи заката. Так, в образе Бахуса, он возглавил разнузданную пьянку, а сотни пораженных афинян наблюдали за ним, стоя вокруг театра. Когда спустилась тьма, в городе зажглось освещение, и в свете тысячи факелов и фонарей Антоний с шумом и весельем проследовал в Акрополь, где его провозгласили богом.

В это время и Антоний, и Клеопатра устраивали множество пиров, и поведение Антония часто было буйным и недостойным. На одном торжественном мероприятии он вызвал большое волнение тем, что посреди пира пошел к Клеопатре и стал натирать ей ступни, то есть выполнил обязанность раба. Говорят, что Антоний это сделал на спор. Он всегда пренебрегал

общественным мнением, и в этот период его жизни привычка равнодушно относиться к замечаниям разрослась до поразительных размеров. Он часто грубо прерывал аудиенцию, которую давал какому-нибудь царю-вассалу, получая и читая вслух какое-нибудь сообщение Клеопатры, написанное на табличке из оникса или хрусталя. А однажды, когда знаменитый оратор Фурний выступал перед ним в защиту обвиняемого, Антоний резко оборвал его красноречие, чтобы поспешно присоединиться к царице, находившейся на улице, казалось совершенно забыв об адресованных ему доводах оратора.

И вот произошло событие, которое повергло всех сторонников Антония в состояние сильнейшей тревоги. Двое граждан Афин, занимавших в то время высокое место в городской иерархии, сбежали из города и переметнулись к Октавиану. Один из них, по имени Тиций, был связан с арестом и казнью Секста Помпея. Другой, по имени Планк, был тем самым человеком, который поставил себя в глупое положение в Александрии, когда раскрасил себя синей краской и голышом плясал по всему залу, как это уже было описано. Веллей называет его «ничтожным льстецом царицы, человеком более подобострастным, чем любой раб»; поэтому не стоит удивляться тому, что Клеопатра была с ним резка, и это, по его словам, стало причиной его бегства из города. Эти двое были свидетелями, удостоверившими завещание Антония, копия которого была отдана на хранение весталкам; и как только они прибыли в Рим, они сообщили его содержание Октавиану, который немедленно пошел в храм Весты, завладел этим документом и через несколько дней зачитал его сенату. Многие сенаторы были возмущены таким поступком, но тем не менее им было любопытно услышать, что написано в завещании, и поэтому они не возражали против чтения. Но единственным, на чем Октавиан смог нажить изрядный капитал, был тот пункт, в котором Антоний выражал пожелание – если ему суждено умереть в Риме – быть похороненным рядом с Клеопатрой, и, после того как его тело торжественно отнесут на форум, его должны отправить в Александрию.

Теперь эти двое перебежчиков начали распространять по Италии всевозможные истории, унижающие Антония, и осыпать оскорблениями царицу, про которую они говорили, что она имеет полную власть над своим мужем благодаря, по их уверениям, магическим любовным зельям, которыми она тайно потчует его. Когда мы примем во внимание, что обвинения таких недостойных сплетников, как Планк, были связаны с преданностью Антония Клеопатре, мы поймем, как мало претензий можно было предъявить ей. Антоний, по их словам, находился под властью ее

магических чар; он позволил жителям Эфеса приветствовать ее как царицу; она заставила подарить ей библиотеку Пергама (центр эллинистического государства [с 283/282 г. до н. э.], по завещанию последнего пергамского царя Аттала III перешедшего в 133 г. до н. э. под непосредственное управление римлян как провинция Азия. – *Ред.*), состоявшую из 200 тысяч томов; Антоний имел обыкновение напиваться, когда она, разумеется благодаря магии, оставалась трезвой, и т. д. Такие вздорные байки, как эти, стали фундаментом, на котором основывалась фантастическая история об ужасной греховности Клеопатры, и вскоре мы уже слышим, что ее называют «царицей-проституткой из города кровосмесительных связей Канопа (древний город в Египте близ Александрии. – *Ред.*), которая стремилась настроить против Юпитера лающего Анубиса (египетский бог мертвых, изображавшийся как человек с головой шакала. – *Ред.*) и заглушить звуки римской трубы звоном колокольчиков».

Друзья Антония в Риме, встревоженные враждебным отношением к нему большей части римского общества, послали в Афины некоего Геминия, чтобы предупредить своего вождя о том, что вскоре его объявят врагом государства. Когда Геминий прибыл в ставку Антония, его посчитали агентом Октавии, и Клеопатра и Антоний отнеслись к нему с изрядной холодностью, сажая на менее почетные места на своих пирах и делая постоянной мишенью для своих самых язвительных замечаний. В течение какого-то времени Геминий терпеливо сносил такое отношение, но наконец однажды вечером, когда они с Антонием уже были немного пьяны, Антоний прямо спросил его, какое дело привело его в Афины. И Геминий, вскочив на ноги, ответил, что Антоний подождет с ответом до того времени, когда тот протрезвеет, но одно он скажет здесь и сейчас, пьяный или трезвый – это то, что, если царица уедет назад в Египет, с их делом все будет в порядке. Услышав это, Антоний пришел в ярость, но Клеопатра, сдерживаясь, едко сказала: «Ты хорошо сделал, Геминий, что рассказал свой секрет, не заставляя подвергать тебя пытке». Через день или два Геминий ускользнул из Афин и поспешил назад в Рим.

Следующим дезертиром стал Марк Силан, бывший военачальник Юлия Цезаря в Галлии, который также принес в Рим рассказы о власти Клеопатры и слабости Антония. Вскоре после этого Октавиан официально объявил войну, однако не против Антония, а против Клеопатры. Согласно указу Антоний лишался своего поста и власти, потому что, как говорилось в указе, он позволил женщине осуществлять власть вместо себя. Октавиан добавлял, что Антоний, очевидно, пил снадобья,

которые лишали его чувств, а полководцами, против которых будут сражаться римляне, будут придворные евнухи Клеопатры Мардион и Потин, парикмахерша Клеопатры по имени Ирада и ее служанка Хармиона, ведь это они теперь стали главными государственными советниками Антония. Таким образом царице дали понять, что дело ее мужа в Риме очень сильно страдает от ее присутствия в армии. Но в то же самое время, отправься она сейчас в Египет, Антоний – она это знала – может предать ее, и тот факт, что война была объявлена не ему, а ей, даст ему удобную лазейку для бегства. Чтобы нейтрализовать сложившееся в Италии впечатление, Антоний отправил туда большое количество своих агентов, которые должны были попытаться обернуть общественное мнение в его пользу, а тем временем он готовил свои армию и флот для решительного сражения. Антоний решил подождать, когда Октавиан нападет на него, отчасти потому, что был уверен в способности своего огромного флота разбить врага до того, как тот сможет высадиться на берега Греции, а отчасти потому, что он полагал, что солдаты Октавиана настроятся против него задолго до того, как их переправят через море. Состояние войны почувствуется в Италии очень скоро, тогда как в Греции и Малой Азии она вряд ли повлияет на цены на продукты питания. Один Египет сможет поставлять достаточно зерна, чтобы прокормить всю армию Антония, тогда как Италия вскоре начнет голодать. Египет даст деньги, чтобы регулярно выплачивать жалованье солдатам, тогда как Октавиан не знал, куда обратиться за наличными. Действительно, Италия находилась в таких стесненных обстоятельствах и так велика была вероятность бунта в рядах вражеской армии, что Антоний не предполагал, что ему придется участвовать в крупном сражении на суше. По этой причине он посчитал безопасным оставить четыре своих легиона в Кирене, четыре – в Египте и три – в Сирии; и он окружил все побережье Восточного Средиземноморья небольшими гарнизонами. Армия, которая была с ним в Греции, состояла приблизительно из 100 тысяч пехотинцев и 12 тысяч кавалеристов – вполне достаточное количество, так как она была больше, чем вражеская армия. У Октавиана было по крайней мере 250 боевых кораблей (в основном либурны [биремы], имевшие по два ряда весел, то есть более легкие корабли, чем во флоте Антония и Клеопатры. – *Ред.*), 80 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников.

Когда стала приближаться зима, Клеопатра и Антоний вышли со всей армией из Афин в Патры (город в Греции на северо-западе Пелопоннесского полуострова. – *Пер.*) и там разместились на зимние квартиры. Город Патры находился у входа в Коринфский

залив в 200 милях от берегов Италии. Тем временем флот был отправлен дальше на север в Амбракийский залив, который являлся огромной естественной гаванью с узким входом. А в 70 милях от побережья Италии, на острове Корфу, были расставлены аванпосты. Во время последовавшего периода ожидания, когда зимние бури сделали военные действия почти не возможными, Антоний и Клеопатра обменялись с Октавианом несколькими воинственными посланиями. Октавиан, сдерживаемый брожением среди своих солдат и трудностями в обеспечении их всем необходимым в зимний период, будто бы обратился к Антонию с просьбой не затягивать войну, а немедленно прибыть в Италию и сразиться с ним. Он даже пообещал не препятствовать высадке его войск на сушу, а дать ему сражение только тогда, когда Антоний будет полностью готов встретиться с ним всей армией. В ответ Антоний вызвал Октавиана на поединок, хотя, как сказал Антоний, он уже мужчина преклонных лет. Этот вызов Октавиан отклонил, после чего Антоний предложил ему привести свою армию на равнину у Фарсала и сразиться с ним там, где почти семнадцатью годами ранее сражались Юлий Цезарь и Помпей. Это предложение было также отклонено, и после этого две огромные армии снова принялись смотреть друг на друга через Ионическое море.

Теперь Октавиан прислал весть в Грецию, приглашая римских сенаторов, которые все еще были с Антонием, вернуться в Рим, где им будет оказан хороший прием. Это предложение, вероятно, нашло много окликов, хотя никто не осмелился действовать. Некоторые из этих сенаторов испытывали отвращение к невоздержанности своего вождя, и им очень не нравилась власть Клеопатры, влияние которой, похоже, не служило делу республики. Объявление в Риме войны царице, а не Антонию и им остро задело этих деятелей, и, словно чтобы усилить их душевные волнения в этом отношении, через море до них дошла весть о том, что Октавиан, делая официальные жертвоприношения богам при открытии боевых действий, совершил обряд, который проводился перед началом войны с *иноземными* врагами. Он встал, как предписывали древние римские обряды, перед храмом Беллоны на Марсовом поле и, одетый в жреческие одежды, бросил копье, что было равносильно объявлению о том, что война будет вестись с чужеземными врагами (Беллона – древнеримская богиня войны. В начале III в. до н. э. в Риме на Марсовом поле был сооружен храм Беллоны, перед которым стояла «колонна войны», считавшаяся символической границей между Римом и другими странами. В храме сенат принимал послов государств и консулов. Возле храма совершалась церемония объявления

войны. – *Ред.*).

Теперь пришли тревожные слухи из Амбракийского залива, которые нельзя было удержать в тайне. За зиму все запасы истощились, и на рабов-гребцов и моряков напали разные болезни, в результате чего почти одна треть из них погибла. Чтобы найти им замену, Антоний приказал своим военачальникам забирать на военную службу каждого, кто попадет к ним в руки. Крестьян, сельскохозяйственных работников, жнецов, землепашцев, погонщиков ослов и даже купцов и просто путников хватали и сажали на корабли, но все равно их команды были недоукомплектованы, и многие их корабли не были боеготовы. Эта весть вызвала величайшую тревогу в лагере, и, когда в марте 31 г. до н. э. с прекращением зимних бурь реальные боевые действия приблизились, в Патрах было много людей, которые всем сердцем хотели оказаться в безопасности на родине.

Первый удар нанес Октавиан, который послал быструю эскадру к южному берегу Греции под командованием своего большого друга Марка Випсания Агриппы. Эта армия захватила Метону (на полуострове Пелопоннес, южнее Пилоса. – *Ред.*) и, видимо, искала место высадки для основных сил; и Антоний немедленно приготовился выступить в поход, чтобы защитить побережье от ожидаемого нападения. Но пока его взор был обращен в этом направлении, Октавиан быстро переправился со своей армией из Бриндизия и Тарента в Керкиру, а оттуда на материк, прошел через Эпир к Амбракийскому заливу и тем самым создал угрозу плохо укомплектованному флоту Антония и Клеопатры, стоящему в этих водах. Антоний после этого с максимально возможной скоростью поспешил на север и прибыл на мыс Акций, который образовывал южную часть входа в залив, почти в тот же момент, когда Октавиан достиг противоположного, или северного, мыса. Антоний выстроил свои корабли в боевой порядок, укомплектовав их, где это было необходимо, легионерами, и тогда Октавиан отказался от мысли немедленно дать сражение. После этого Антоний обосновался на мысе, где раскинулся огромный лагерь, а несколько дней спустя к нему здесь присоединилась Клеопатра.

Глава 14
Арес

В тот момент Октавиана не волновало то, что он находится слишком близко от Антония, и поэтому он закрепился на позиции в нескольких милях от входа в Амбракийский залив. Антоний немедленно отправил часть своей армии на кораблях с мыса Акций на северную сторону входа в бухту и тем самым получил возможность держать под обстрелом проход во внутренние воды. Октавиан вскоре возвел неприступные земляные укрепления вокруг своего лагеря и построил стену, спускающуюся до берега Ионического моря, чтобы враг не мог помешать выгрузке продовольствия для его войск, которое целиком должно было поступать из-за моря. Он разместил свои корабли так, что они могли держать под обстрелом вход в Амбракийский залив, а так как эти суда были очень хорошо укомплектованы личным составом и прекрасно управлялись, то Антоний вскоре обнаружил, что его собственный флот оказался запертым в заливе и не может выйти в открытое море, не сражаясь за каждый дюйм узкого фарватера. Таким образом, Октавиан держал под своим контролем Ионическое море и изо дня в день мог свободно принимать продовольствие и другие припасы для армии из Италии. Однако Октавиан не мог оставить свой укрепленный лагерь, так как Антоний господствовал на всей территории вокруг него. Так что, пока Октавиан блокировал флот Антония в заливе, Антоний осаждал армию Октавиана в ее лагере; и в то время как Октавиан главенствовал на море и свободно получал снабжение из Италии, Антоний господствовал на суше и беспрепятственно получал продовольствие из Греции. Это был тупик, и ни одна из сторон не имела возможности сделать какое-то враждебное действие. Мне кажется очевидным, что решительное сражение могло состояться только благодаря одному из двух маневров: либо Антоний должен был уйти с мыса Акций и вынудить Октавиана последовать за ним в Грецию (и бросить в заливе флот? Странная логика. – *Ред.*), либо его флот должен был с боями вырваться из залива и отрезать Октавиана от его ресурсов, тем самым заставив его армию голодать и вынудить сдаться. Клеопатра, по-видимому, поддерживала вариант с прорывом блокады и завоеванием господствующего положения на море. Возможно, она была уверена в своем египетском флоте и кораблях Антония, если, сократив их число, доукомплектовывать команды оставшихся боевых кораблей не стала. Она верила, что

тремя сотнями кораблей можно прорвать блокаду Октавиана; его позиция располагала к этому. Однако я полагаю, этот план вызвал горячие возражения Домиция Энобарба и других; а так как потеря времени вряд ли изменила бы ситуацию не в их пользу, то никаких действий не предпринималось.

В июне Антоний послал отряд конницы вдоль берега залива, чтобы тот попытался отрезать Октавиана от снабжения водой, но этот маневр не имел большого успеха, и такая попытка больше не предпринималась. Вскоре после этого дезертир Тиций разбил небольшой кавалерийский отряд Антония, а Агриппа захватил несколько его кораблей, которые курсировали от одного опорного пункта к другому за пределами залива. После этого Октавиан отправил в Рим депеши, в которых объявлял эти успехи важными победами и утверждал, что он загнал флот Антония в ловушку в заливе (это факт. – *Ред.*). Он также послал в Грецию шпионов, чтобы они попытались поколебать уверенность ее жителей в Антонии, и, видимо, эти люди отчасти преуспели в своей деятельности.

Эти небольшие победы Октавиана, по-видимому, лишили Антония силы духа (последствия пьянства последних лет. Раньше он не падал духом и в более сложных ситуациях. – *Ред.*) и угнетающе подействовали на его армию. Клеопатра тоже, вероятно, была особенно огорчена ими, потому что они казались подтверждением нескольких зловещих и неприятных случаев, которые произошли за недавнее время. Однажды египетская гадалка сказала Антонию, что его звезда закатится прежде звезды Октавиана, и Клеопатра, наблюдавшая быструю деградацию своего мужа в течение последних двух лет, теперь боялась, что эти слова окажутся правдой. Недавно из Афин пришла весть о том, что сильнейший ураган свалил на землю статую бога Бахуса, стоявшую в сцене сражения титанов, олицетворением которого был Антоний; и две гигантские статуи Фумена и Аттала, на каждой из которых было написано имя Антония, также оказались сваленными на землю тем же самым ураганом. Эта весть напомнила о том, что несколькими месяцами ранее в Патрах в храм Геркулеса (Геракла), предка Антония, попала молния; и приблизительно в это же самое время землетрясение уничтожило небольшое селение, основанное им у Пизавра (совр. Пезаро к юго-востоку от Римини) на северо-восточном побережье Италии к северу от Анконы. Эти и другие случаи, казавшиеся дурными предзнаменованиями, угнетающе подействовали на Клеопатру, а ее постоянные ссоры с Антонием и его военачальниками, видимо, приводили ее в состояние огромного нервного напряжения. К концу июля или в начале августа, когда

низину, в которой был разбит их лагерь, наводнили комары, а влажность и летняя жара сделали всех раздражительными, ссоры в отношении проведения военной кампании разразились с новой силой. Домиций Энобарб, Деллий, Аминта и другие убеждали Антония уйти в глубь страны и дать Октавиану решительное сражение, как только тот последует за ними. А Клеопатра по-прежнему считала, что прорыв блокады был самой важной военной операцией, которую следовало осуществить, и убеждала в этом своего нерешительного мужа. Конечно, это было рискованным предприятием, но именно по причине опасности оно так нравилось Клеопатре. Если их флот смог бы уничтожить флот Октавиана, они схватили бы его в его цитадели, которая стала бы для него ловушкой. Им даже не пришлось бы ждать, пока он сдастся; оставив 80 или 100 тысяч солдат, чтобы помешать ему прорваться, они могли отплыть в Италию с 20–30 тысячами легионеров и овладеть пустым Римом. В столице не было ни сенаторов, ни войск, так как недавно Октавиан заставил весь римский сенат прибыть к нему в лагерь, чтобы придать вес своим действиям; и как только морские силы Октавиана будут разбиты, Антоний и Клеопатра беспрепятственно въедут в Рим, а голод вынудит их врага сдаться в Греции. Одно морское сражение – и Рим будет их! Это, безусловно, было лучше, чем отступление в глубь материка (и сдача противнику флота. – *Ред.*).

Но Антоний не мог уговорить своих военачальников согласиться на это. Риск велик – так, видимо, разубеждали они его; и даже если победа будет за ними, не собирается ли он войти в Рим вместе с Клеопатрой? Горожане не потерпят этого после всех услышанных ими рассказов о магической силе царицы над ним. Пусть она возвращается назад в Египет и не подрывает больше народную любовь к Антонию. Как он может явиться миру истинным республиканцем рука об руку с царицей Клеопатрой? Отказавшись от морского сражения, можно обойтись без египетского флота и позволить ему уйти в Египет (если ему удастся прорвать блокаду). Клеопатра предоставила корабли, но не солдат, и сухопутное сражение можно провести без ее помощи, и тогда не будет причины для критики Антония. И Октавиан не сможет больше говорить, что он ведет войну с Клеопатрой, а не с Антонием. Деньги, которые Клеопатра дала на эту кампанию, уже почти кончились, и, таким образом, она больше не была нужна для его дела. Пусть Антоний откажется от намеченного морского сражения и распорядится, чтобы царица быстро отправилась вместе со своими кораблями к себе на родину, потому что так, и только так можно было убедить недовольных республиканцев в их армии. Клеопатра, по их словам, была вдохновительницей

войны; Клеопатра дала на нее деньги; Октавиан объявил войну именно Клеопатре; именно имя Клеопатры и вымышленные истории про нее заставили Рим поддержать Октавиана; именно Клеопатра, как доносилось со всех сторон, является Верховным главнокомандующим всей армией; и именно Клеопатре сильно завидовал каждый сенатор, каждый вассальный царь и каждый полководец. Пока она не уедет, их дело будет проигрышным.

Антоний, по-видимому, понимал справедливость этих доводов и обещал попытаться уговорить свою жену вернуться в Египет и там ожидать исхода войны. В этом своем решении он укрепился, когда даже Канидий, который все время был за то, чтобы Клеопатра находилась при армии, стал уговаривать его просить ее уехать и дать им сразиться с врагом. Поэтому Антоний, видимо, сказал царице, что желает ее отъезда, подчеркнув, что только таким путем можно гарантировать себе победу.

Клеопатра, надо полагать, была в ярости. Она не доверяла Антонию и, наверное, испытывала сильные сомнения относительно того, будет ли он по-прежнему защищать ее интересы после победы. Она даже сомневалась, победит ли он. В тот момент это был не человек, а развалина, так как слишком достоверное исполнение роли Бахуса разрушило его нервную систему и личность. У Антония больше не было сил и решимости, необходимых для того, чтобы основать в Риме имперский престол, и Клеопатра чувствовала, что, даже если ему будет сопутствовать успех в боях с Октавианом, из него получится плохой регент для ее сына Цезариона. Потратив ее деньги и воспользовавшись ее кораблями на этой войне, Антоний мог бросить ее дело; а тот факт, что они сражаются ради сына и наследника Цезаря, уже оказался отодвинутым на второй план, а может быть, и совсем забытым. Клеопатре, вероятно, казалось безумием оставить мужа в такой критический момент. Чтобы предотвратить в дальнейшем случаи дезертирства, он может провозгласить свои республиканские принципы, как только она повернется к нему спиной. Оказавшись в нетрезвом виде, он мог связать себя такими обязательствами, которые никогда не позволят ему отказаться от своих демократических обещаний. Так как Клеопатра не пользовалась любовью среди его полководцев, Антоний, наверное, мог тут же сказать им, что она для него ничего не значит; а ради того, чтобы обеспечить победу, он мог даже развестись с ней. Разумеется, было видно, что сейчас Антоний предан ей, полагался на нее во всех делах и казался потерянным без нее, но, насколько она его знала, честолюбие могло оказаться сильнее любви. Поэтому Клеопатра

категорически отказалась уехать, а Антоний по причине все того же пьянства стал управляемым и, наверное, слишком боялся ее гнева, чтобы настаивать на отъезде.

Однако его разговор с ней, видимо, прибавил Антонию решимости как можно скорее прорвать блокаду и в то же время сделать так, чтобы Октавиан не смог ускользнуть из своего укрепленного лагеря, который станет для него смертельной ловушкой. Став хозяином на море, Антоний, по крайней мере, откроет Клеопатре путь в Египет, и она сможет без помех уйти со своим флотом на родину. Поэтому он поспешил доукомплектовать свои корабли и одновременно послал Деллия и Аминту во Фракию для формирования там новых отрядов кавалерии в поддержку уже имевшихся в его распоряжении сил. Клеопатра обратила его внимание на то, что местность, на которой был разбит их лагерь на мысе Акций, чрезвычайно нездоровая, и если они останутся там, то войска скосит малярия. По-видимому, ей удалось уговорить его переместиться в северную часть Амбракийского залива, чтобы и разместить свою армию в менее вредном для здоровья месте, и плотнее окружить Октавиана во время подготовки к морскому сражению. Домиций Энобарб был по-прежнему горячо против этой битвы; а теперь, увидев, что Клеопатре не только было разрешено остаться с армией, но и ее план по прорыву блокады принят вместо плана по отходу в глубь страны, он пришел в сильную ярость и не мог больше оставаться в одном лагере с царицей. Поэтому, взойдя на борт корабля, по его словам ради собственного здоровья, он пробрался через боевые порядки Октавиана и предложил свои услуги врагу. Однако Энобарб не дожил до того, чтобы насладиться благотворными последствиями такой перемены, так как, заразившись малярией еще на мысе Акций, умер до начала сражения, ставшего известным в истории по названию этого мыса.

Этот случай дезертирства, произошедший, вероятно, в начале августа, стал ужасным ударом для Антония, и он, видимо, обвинил свою жену в том, что она стала его причиной, что, без сомнения, так и было. На этот раз Антоний более энергично настаивал на ее отъезде в Египет, после чего последовала бурная ссора, которая не прекращалась, я полагаю, все то время, что они оставались в Греции. Мне кажется, сначала царица категорически отказалась оставить Антония и, вероятно, обвинила его в том, что он хочет бросить их дело. Она могла с презрительной усмешкой напомнить ему о том, что его договор с ней о мерах к установлению римско-египетской монархии был заключен в то время, когда он сильно отдалился от Рима и нуждался в финансовой помощи; теперь же у него есть четыреста

респектабельных сенаторов-республиканцев, которые оказывают на него давление, и, без сомнения, в такой момент их поддержка для него имеет большую ценность, чем ее собственная. Однажды он уже бросал ее, так что она совершенно готова к тому, что он сделает это еще раз.

Ее гнев, недоверие и горе, вероятно, глубоко удручали Антония, и он снова уступил бы, наверное, если бы не произошло еще три случая дезертирства из его лагеря. Царь Пафлагонии, явно завидовавший власти Клеопатры, переметнулся к Октавиану и рассказал ему о раздорах в лагере Антония. Двое других, римский сенатор по имени Квинт Постумий и арабский вождь из Эмесы (Сирия) по имени Ямбликус, были схвачены. Для устрашения тех, кто мог иметь намерение переметнуться к врагу, обоих казнили: одного разорвали на части, а другого пытали. С каждым днем дело Октавиана приобретало все больше сторонников, а Антоний все больше подвергался насмешкам за то, что находится под каблуком у царицы Египта, которая руководит всеми его советами и которая теперь, похоже, испугала его своим гневом. Люди Октавиана становились все более уверенными в себе и даже дерзкими. Был случай, когда Антоний в сопровождении одного из военачальников шел ночью к гавани между двумя валами, которые были построены по его приказу для защиты дороги, а несколько вражеских солдат перебрались через стену и затаились в засаде. Выпрыгнув из засады, они схватили по ошибке военачальника, а Антоний, быстро побежав по дороге, сумел спастись.

Упав духом оттого, что события принимают такой оборот, он снова приказал царице отправляться в Египет. И наконец, уязвленная упреками Антония, Клеопатра решила отплыть, забрав с собой весь свой флот. Приняв такое решение, она, видимо, стала обращаться с Антонием с величайшей враждебностью, а он, будучи в чрезвычайно взвинченном состоянии, начал бояться, что она может убить его. Большие глаза Клеопатры, казалось, пылали гневом, когда она смотрела на Антония, а презрение, которое она испытывала теперь по отношению к нему, читалось у нее на лице. Казалось, он съеживался перед ней, как провинившийся мальчик, и говорил своим друзьям, что уверен: она убьет его в гневе. Услышав это, Клеопатра решила проучить его так, чтобы он запомнил этот урок навсегда. Однажды вечером за ужином она приказала наполнить свой кубок из того же винного кувшина, из которого пили все, и, отпив немного вина, передала чашу Антонию, словно в знак примирения. Он, с готовностью подняв ее ко рту, уже собирался приложиться губами к тому месту, где за мгновение до этого

находились губы царицы, когда, словно для того, чтобы украсить свое действие, она сняла со своей головы венок из цветов и окунула его в вино. Антоний снова поднял чашу, но внезапно Клеопатра выбила ее из его рук, сказав ему, что вино отравлено. Антоний возразил, что она ошибается, так как она сама только что пила из этого же кубка. Но Клеопатра спокойно объяснила ему, что венок, который она окунула в вино, передавая ему кубок, был отравлен и что она сделала это, чтобы показать Антонию, насколько безосновательны его страхи за свою жизнь. Ведь если бы она действительно хотела избавиться от него, она могла сделать это в любой момент одним из таких хитрых способов. «Я могла бы убить тебя в любое время, – сказала она, – если бы могла обойтись без тебя».

Надо думать, царица теперь вела себя очень заносчиво и высокомерно, считая настойчивые требования Антония ее отъезда нарушением обещания. В глубине души она, вероятно, боялась того, что он действительно покинет ее, и тревога за будущее своей страны и своей династии терзала ее сердце день и ночь. Но по отношению к Антонию Клеопатра, видимо, демонстрировала холодность и презрение, доводя его тем самым до совершенно жалкого состояния. Однако он не осмеливался изменить свое решение относительно ее отъезда, так как посвятил некоторых сенаторов и военачальников в тайну предстоящего события, что сильно успокоило взрывоопасную атмосферу, столь долго царившую в лагере. На мой взгляд, тот план, на котором сошлись он и его супруга, состоял в следующем. Окружив линию обороны Октавиана на суше еще более плотным кольцом и предприняв все меры к тому, чтобы помешать ему выйти из-за своих укреплений, Антоний хотел посадить своих лучших легионеров на столько кораблей в Амбракийском заливе, сколько было пригодно для боя. Эти корабли должны были силой проложить себе дорогу из залива и уничтожить флот Октавиана. Как только это будет сделано, начнется атака на вражеские позиции с моря и суши, и Клеопатра вместе со своим египетским флотом сможет затем отплыть в Александрию, предоставив Антонию войти в Рим без нее.

Этот план, по моему мнению, представлял собой единственно возможный способ избавить армию Антония от влияния египтян. Если бы Клеопатра была вынуждена отправиться в Египет по суше через Малую Азию и Сирию, то жители этих мест не только стали бы считать ее отъезд бегством, который стал бы причиной паники и бунта, но и египетский флот по-прежнему оставался бы в Амбракийском заливе, показывая своим присутствием, что Клеопатра и ее царство Египет все еще являются главными

движущими силами войны. С другой стороны, если бы царица отправилась на своих кораблях по морю, то пришлось бы затевать морское сражение с целью прорвать блокаду и позволить ей ускользнуть таким путем. Таким образом, требование республиканцев отъезда царицы к себе на родину и неоднократно повторенная мысль самой Клеопатры о том, что войну должна решить морская битва, здесь совпали, определив решение Антония, и он сделал ставку на морское сражение.

Когда это решение было принято, Антоний объявил войскам, что флот должен прорвать блокаду 29 августа, но тот факт, что египетские корабли должны будут уплыть немедленно после боя, не был оглашен; об этом знали лишь несколько человек. Огромное количество кораблей были плохо оснащены для сражения и испытывали сильную нехватку личного состава. И Антоний приказал сжечь эти корабли, так как, хотя они и были бесполезны для него, они могли бы пригодиться врагу, который мог захватить их, пока флот носится по Ионическому морю. 60 лучших египетских кораблей и 170 кораблей Антония были подготовлены к битве. Во время этих приготовлений было далеко не легко держать в тайне отъезд египетского флота. Чтобы доплыть до Египта, 60 кораблей Клеопатры нуждались в больших парусах, но эти паруса при обычных обстоятельствах не брали обычно, идя на бой. И чтобы не было заметно, что только египетские корабли готовятся к дальнему пути, что вызвало бы подозрения, всему флоту было приказано поставить большие паруса. Антонию пришлось объяснять всем, что они потребуются для преследования врага. Еще одну трудность представляло то, что Клеопатре требовалось взять с собой свой багаж, включая столовое золото и серебро и драгоценности, но это в конце концов было сделано под покровом темноты, не возбуждая ничьих подозрений.

Многие полководцы, не понимавшие, что морское сражение было в значительной степени навязано Антонию теми, кто желал избавиться от египтян, сильно возражали против этого плана, а один пехотный военачальник, указывая на множество шрамов и отметин от ран на своем теле, умолял Антония сражаться на суше. «О полководец, – сказал он, – чем тебя прогневали наши раны и мечи, что ты решил довериться гнилому дереву? Пусть египтяне и финикийцы сражаются на море, но нам дай сушу, на которой мы умеем умирать там, где стоим, или добиваемся победы». Но Антоний не ответил ему, а лишь сделал движение рукой, словно желая ему мужества.

29 августа 20 тысяч легионеров и 2 тысячи лучников погрузились на боевые корабли, готовясь к завтрашней битве. Эти

суда (в основном триремы) были гораздо больше кораблей Октавиана (либурн с одним рядом весел и бирем с двумя рядами), и казалось, что победа будет на их стороне. Но на следующий день море было крайне неспокойным, и сражение пришлось отложить. Буря оказалась очень сильной, и о прорыве блокады пришлось забыть на следующие четыре дня. Эта задержка очень тяжело сказалась на нервах всех солдат, а тревога двух полководцев Деллия и Аминты была столь велика, что они оба переметнулись на сторону Октавиана, причем Аминта прихватил с собой 2 тысячи всадников из Галатии. До Деллия, вероятно, дошли слухи о предполагаемом отъезде Клеопатры, и он смог кое-что рассказать Октавиану о планируемом сражении. В последующие годы он утверждал, что его дезертирство проистекало отчасти из его страха перед царицей, так как он считал, что она гневается на него за одно замечание, которое он сделал однажды, сказав, что друзьям Антония подают кислое вино, тогда как даже Сармент, паж Октавиана, пьет фалернское (в древности знаменитое белое вино из Фалернской области в Кампании [Италия]. – *Ред.*). Можно понять досаду Клеопатры на этот намек, будто деньги и запасы продовольствия кончаются, особенно тогда, когда так оно и было на самом деле.

1 сентября буря улеглась, и Антоний ходил вечером от корабля к кораблю, подбадривая своих солдат. Октавиан, предупрежденный Деллием, тоже готовился к битве, погрузив 8 легионов и 5 когорт преторианцев на свои боевые корабли, которые числом (260) превосходили корабли Антония (230, в том числе 60 кораблей Клеопатры), но были гораздо меньше.

Утро 2 сентября 31 г. до н. э. было спокойным, и в ранний час корабли Октавиана выстроились приблизительно в трех четвертях мили от входа в Амбракийский залив, где за ними наблюдали солдаты обеих армий. Они выстроились тремя дивизионами; левым крылом командовал Агриппа, центром – Луций Аррунций, а правым крылом – сам Октавиан. Около полудня огромные боевые корабли Антония начали выходить из гавани под прикрытием войск и метательных орудий, расположенных на двух мысах. Октавиан, видимо, думал, что будет трудно атаковать противника в проливе, и поэтому вышел в море, дав ему возможность построиться в боевой порядок. Это было быстро проделано, и флот Антония тоже разделился на три части; К. Соссий шел на Октавиана, Марк Инстей противостоял Аррунцию, а Антоний – Агриппе. 60 египетских кораблей под командованием Клеопатры вышли из залива последними и встали за центральным дивизионом кораблей.

Антоний, по-видимому, договорился с Клеопатрой о том, что

ее корабли будут оказывать ему полную поддержку в бою и отплывут в Египет, как только будет завоевана победа. Он, несомненно, намеревался взойти на ее флагманский корабль в конце сражения и попрощаться с ней. В то утро они расстались, как явствует из последующих событий, с гневом и горечью. Надо думать, Клеопатра еще раз сказала Антонию, как неприятен ей ее отъезд, и показала, как мало она ему доверяет. Она горевала о своей несчастной жизни и постигших ее разочарованиях. Клеопатра обвинила Антония в том, что он хочет бросить ее дело, и, возможно, назвала его трусом и предателем. Очень возможно, что в гневе она сказала ему, что покидает его с радостью, считая его полностью деградировавшей личностью, и надеется больше никогда не увидеть его. Полагаю, что ее обвинения побудили Антония к ответным резкостям, и они расстались, взойдя каждый на свой флагманский корабль, с яростью в душе и готовыми сорваться с губ жестокими словами. Но натура Антония, импульсивная и быстро раскаивающаяся, не могла хладнокровно вынести сцену с женщиной, которой он был действительно предан, и, когда он выходил сражаться, его, вероятно, обуяло желание просить у нее прощения. Если я правильно понимаю Антония, мысль о том, что они с Клеопатрой должны вот так расстаться, рассердившись друг на друга, была для него ужасна; и, будучи, как всегда, немного нетрезвым, он чуть не расплакался при мысли о своем будущем одиночестве. Наверное, его немного подбодрило то соображение, что, когда он в следующий раз увидит ее, сражение, вероятно, будет уже выиграно и он предстанет перед ней в роли завоевателя – театральная ситуация, которая тешила его драматические инстинкты. И все же, я думаю, он был так же несчастен, как любой влюбленный, который поссорился со своей любимой.

Сражение началось с того, что Антоний выдвинул вперед левый фланг, а Агриппа попытался обойти его своим правым крылом. Затем вперед стали выдвигаться другие дивизионы Антония, и сражение стало всеобщим. «Когда они вступили в бой, – пишет Плутарх, – корабли не шли на таран, потому что суда Антония по причине своей огромной массы были не способны развить нужную скорость, чтобы удар был эффективным. А корабли Октавиана, с другой стороны, не осмеливались идти в лобовую атаку на корабли Антония, которые имели острые медные тараны; они даже не старались врезаться им в борта, которые были настолько укреплены огромными квадратными кусками древесины, соединенными железными болтами, что носы их собственных кораблей вдребезги разбились бы о них. Таким образом, битва напоминала сухопутное сражение

или, правильнее сказать, нападение и оборону укреплений, так как вокруг каждого судна Антония всегда было три-четыре корабля Октавиана, которые забрасывали его копьями, дротиками и огненными снарядами; а люди Антония использовали катапульты и другие машины, чтобы метать вниз метательные снаряды с деревянных башен».

Сражение бушевало три или четыре часа, но постепенно Антонию и Клеопатре стала ясна ужасная правда: небольшие корабли Октавиана берут верх. Флагманский корабль Антония был так тесно окружен со всех сторон, что он сам сражался, и у него не было времени четко мыслить. Но по мере того как его корабли один за другим загорались, тонули или оказывались захваченными, отчаяние Антония, по-видимому, стало острее. Если его флот окажется побежденным и уничтоженным, будет ли его армия стоять непоколебимо? Этот вопрос, вероятно, бился у него в голове, когда в агонии мрачных предчувствий он наблюдал за беспорядочной битвой и слышал звон оружия, крики и вопли сражающихся. Тем временем флагман Клеопатры, подвергшись граду ударов врага, наверное, ненадолго перестал привлекать к себе внимание небольших боевых кораблей Октавиана, и, когда он совершал маневр для занятия лучшей позиции, Клеопатра смогла увидеть полную картину происходящего. С нарастающим ужасом она смотрела на борьбу, происходившую вокруг флагманского корабля Антония, и слышала радостные крики врага, когда загорался очередной огромный корабль. Египетский флот Клеопатры, вероятно, сильно пострадал, хотя ее моряки вряд ли дрались с такой же отвагой, как те, что были под командованием Антония. Когда она оглядела устрашающую картину, ей, без сомнения, пришло в голову, что Октавиан разбил их, и она боялась, что Антония убьют или возьмут в плен. Тревоги, которые изводили ее возбужденный мозг в течение последних нескольких недель, связанные с намерениями ее мужа в отношении ее и положения ее сына Цезариона, теперь вытеснила более ужасная мысль, что у него никогда не будет возможности доказать свою верность, потому что здесь и сейчас он встретит свой конец. Злость на Антония за его колебания, презрение к усиливающейся слабости его характера и опасения в отношении его способности руководить своими войсками ввиду растущего злоупотребления спиртным теперь объединились в одну ошеломляющую уверенность в том, что его ждет поражение и гибель. Антоний говорил Клеопатре, что она должна уехать в Египет, он приказывал ей уходить вместе с флотом в конце сражения. Этот конец ей уже был виден. Однако Клеопатра должна была теперь уходить не от бурной сцены победы, и не

вести о своем триумфе она должна была привезти в Александрию, чтобы прикрыть ими позор от своего изгнания мужем; теперь ей нужно было уходить со своим флотом, видя крушение их дела, и бегством освободиться от человека, который, перестав быть защитником ее прав, стал помехой для ее честолюбивых замыслов.

Ближе к вечеру, когда вопрос о победе еще не был решен, хотя для надежды на Антония в уставшем сердце Клеопатры уже не могло быть места, подул сильный северный ветер со стороны незавоеванного Рима в направлении далекого Египта. На море поднялся шторм, и волны стали ударять в борта флагманского корабля Клеопатры, вызывая еще большее смятение в битве. Когда ей в лицо ударил ветер, мне кажется, ей внезапно пришла в голову мысль, что настал момент ее ухода. До сражения Антоний яростно приказывал ей уезжать. Зачем же тогда ждать? Через час он, вероятно, попадет в плен или будет убит, и ее тоже сделают пленницей, и ей придется с позором идти пешком на Капитолий, где она надеялась сидеть на троне. Она отплатит своему мужу его собственной монетой: она бросит его, как он когда-то бросил ее. Она не будет стоять рядом в ожидании скорого краха. Хотя он и отупел от пьянства, она сама по-прежнему была полна жизни. Она поднимется над своими бедами, как это делала и раньше. Она отринет его и начнет свою жизнь заново. Ее трон не отнимут у нее одним ударом. Сейчас она выполнит приказ Антония и уйдет; а в далеком Египте она предпримет попытку снова пуститься на поиски той защиты для своей династии, которая оказалась таким неуловимым видением.

Придя к такому решению, Клеопатра приказала дать сигнал своим разбросанным по морю кораблям и, подняв паруса, прошла через сражающихся и уплыла с попутным ветром в сопровождении своего потрепанного флота. В тот момент, по-видимому, флагман Антония вырвался из кольца окружавших его либурн Октавиана, и ничто не мешало ему смотреть на удаляющуюся царицу. Антония, вероятно, переполняли чувства – гнев, страдание, угрызения совести и отчаяние смешались у него в голове. Клеопатра бросала Антония на произвол судьбы, она выполняла приказ, который он никогда не должен был отдавать ей; он больше не увидит ее лица. Ее изящество, очарование, красота, которые так поработили Антония, теперь отняты у него; и ему одному придется встретить ужасы вероятного поражения лицом к лицу. Последнее время Антоний так всецело полагался на Клеопатру, что ее удаляющиеся корабли вселили ужас в его деградировавший мозг. К тому же ему была невыносима мысль о том, что она покидает его без единого прощального слова, а его

жестокость и гнев были последним, что она видела от него. Он не мог позволить ей уйти, не помирившись с ней и не получив от нее прощения; он должен отправиться за ней, пусть даже только для того, чтобы увидеть ее на мгновение. Да и что с того, если он не вернется сражаться? Надежды на победу было мало. Его возбужденный и истощенный разум не видел благоприятного исхода в битве, которая бушевала вокруг него. Позор и погибель смотрели ему в лицо.

«И здесь, – пишет Плутарх, – Антоний показал всему миру, что он больше не руководствуется мыслями и побуждениями главнокомандующего или человека или своим собственным рассудком. И он доказал правдивость того, что однажды было сказано в шутку, будто душа влюбленного живет в теле любимого человека. Словно он был частью ее и должен был идти за ней, куда бы она ни отправилась, он бросил всех, кто сражался и отдавал свою жизнь за него, и последовал за ней, как только увидел ее уплывающие корабли». Подозвав один из своих самых быстроходных кораблей, он быстро взошел на его борт и велел капитану идти за флагманским кораблем Клеопатры с максимально возможной скоростью. Он взял с собой только двух человек: сирийца Александра и некоего Сцеллия. Вскоре корабль Антония, движимый пятью рядами весел (то есть квинк-вирема, или, по-другому, пентера. – *Ред.*), догнал отступающих египтян, и тогда Клеопатра узнала, что Антоний последовал за ней, бросив сражение. Можно представить себе ее чувства. Таким образом, ее выход из сражения положил конец боевым действиям и тем самым отнял последнюю надежду на победу у сторонников Антония. Антоний теперь был конченым человеком, потерпевшим поражение, и быстрая смерть была лучшим, на что он мог надеяться; но отделаться от него было трудно. Он собирался цепляться за Клеопатру до конца: она никогда не сможет освободиться от него, и, идя ко дну, он будет тянуть ее вниз за собой. Но все-таки он был ее мужем, и она не могла бросить его, потерпевшего поражение, так, как он хотел бросить ее, одержав победу. Поэтому Клеопатра дала ему сигнал взойти на борт ее флагмана, а сделав это, удалилась в свою каюту, отказываясь видеть его и говорить с ним. Антоний, которому помогли взобраться на палубу, был слишком ошеломлен, чтобы просить провести его к ней, и слишком несчастен, чтобы хотеть, чтобы она приблизилась к нему.

Он, словно во сне, пошел на нос корабля и, усевшись там, закрыл лицо руками, не произнося ни слова.

Так прошло несколько часов, но, когда стемнело, они услышали позади себя удары весел нескольких либурн, и вскоре

из темноты появился корпус впереди идущего судна. Суматоха на борту и крики над водой заставили Антония очнуться. На мгновение он подумал, что преследующие его корабли несут ему какую-то весточку с Акция – возможно, ход сражения изменился в его пользу. Поэтому он приказал капитану повернуть корабль для встречи и быть готовым сразиться, если это вражеские суда. Стоя на носу, Антоний крикнул над темными волнами: «Кто преследует Антония?» Ему ответил голос из темноты: «Я Эврикл, сын Лакареса, иду, чтобы отомстить за смерть своего отца». Антоний приказал обезглавить Лакареса за грабеж, хотя тот был родом из благородной семьи с Пелопоннеса. Его сын снарядил за свой счет либурну и поклялся отомстить за своего отца. Теперь можно было увидеть Эврикла, стоявшего на палубе своего судна с копьем в руке, словно он намеревался бросить его. Но спустя мгновение по какой-то ошибке, которая, вероятно, произошла от плохой видимости в темноте, корабль Эврикла с ужасающей силой ринулся на другое египетское судно, которое плыло рядом с флагманским кораблем. Удар вывел его из строя, и в последовавшей за этим суматохе капитан корабля Клеопатры сумел увести свое судно в темноте. Однако другое судно с большим количеством золотой посуды и богатой мебели, которую везли назад в Египет, было захвачено.

Когда опасность миновала, Антоний снова уселся на носу и не уходил с этого места в течение целых трех дней. Час за часом он сидел, глядя на море; его руки были бессильно сложены на коленях, а разум – потрясен крайним отчаянием. По своей собственной глупости он потерял все, и вместе с собой в своем падении он уносил все надежды, все честолюбивые замыслы и счастье Клеопатры. Удивительно, что Антоний немедленно не покончил с собой, так как его страдания были жалки, и все же, когда корабли достигли, наконец, мыса Тенарон, южной оконечности полуострова Пелопоннес, он по-прежнему сидел на носу судна, уставившись перед собой. В конце концов Ирада, Хармиона и другие служанки Клеопатры убедили ее пригласить его в свою каюту; и после долгих уговоров супруги согласились поговорить друг с другом, а позднее поужинать; спать они легли вместе. Клеопатра не могла не жалеть своего несчастного мужа, протрезвевшего и с ужасом осознавшего свое положение. Полагаю, она утешила его, как могла.

Когда их корабль стоял на якоре, в гавань вошли несколько кораблей с беглецами с места сражения у Акция, которые сообщили ему, что флот Антония полностью уничтожен или захвачен, убито более пяти тысяч его воинов, но армия стояла непоколебимо и сдалась не сразу. При этой вести Клеопатра,

которая была совершенно раздавлена своими бедами, по-видимому, посоветовала Антонию попытаться спасти остатки войска и послать гонцов к Канидию с приказом отправить легионы Антония с максимально возможной скоростью через Македонию в Малую Азию. Он так и поступил, а затем, послав за теми своими друзьями, которые прибыли к ним, стал умолять их предоставить его и Клеопатру своей судьбе и думать лишь о своей собственной безопасности. На эти цели он и царица вручили беглецам большую сумму денег, много золотой и серебряной посуды, а он написал для них письма своему управляющему в Коринфе с распоряжением обеспечивать им средства к существованию до тех пор, пока они не помирятся с Октавианом. В глубоком унынии побежденные военачальники пытались отказаться от этих даров, но Антоний, уговаривая этих людей принять их, «подбадривал их, – как пишет Плутарх, – со всем возможным великодушием и человеколюбием», так что они не могли удержаться от слез. Наконец флот Клеопатры снова вышел в море и направился к берегам Египта, прибыв много дней спустя в Паретоний, безлюдное место в 160 милях к западу от Александрии, где размещался небольшой римский гарнизон. Здесь Антоний решил спрятаться на некоторое время, пока более смелая Клеопатра отправится в столицу, чтобы предстать перед своим народом, и в течение нескольких недель он оставался в одиночестве в этом укрепленном пункте в пустыне. Несколько глинобитных хижин, пара пальм и небольшое укрепление на дороге в Кирену составляли это унылое поселение, которое во влажную сентябрьскую жару, вероятно, представляло собой особенно грустное и бесцветное зрелище. Эта часть побережья абсолютно бесплодна, и только те, кто бывал в этих местах летом, может понять необыкновенную тоску и полное одиночество этого выжженного солнцем укрепленного пункта. Медленно катящиеся разрушительные волны ударяют в песчаный берег с равномерной настойчивостью звонящего колокола, который отсчитывает годы жизни человека; пустыня расстилается вглубь от этого безрадостного побережья, унося взгляд к серой дымке далекого горизонта, а сверху с безжизненного от жары неба палит солнце. И в такой обстановке убитый горем Антоний оставался несколько недель, бродя вдоль берега в сопровождении лишь двух друзей. Один из них, некий Аристократес, греческий ритор, а другой – римский воин Луцилий, который, героически сражаясь на стороне врага при Филиппах, как мы уже читали, помешал пленению потерпевшего поражение Брута и был прощен Антонием в награду за его бесстрашие; он до последнего оставался преданным другом Антония.

Наконец один из его кораблей, зашедших в этот небольшой порт, видимо, принес ему вести о событиях у мыса Акций. После бегства Антония потрепанные остатки его флота, продолжавшие сражаться до самого заката, отошли назад в Амбракийский залив, и на следующий день Октавиан предложил им и сухопутной армии сдаться на хороших условиях. Однако никто не верил, что Антоний сбежал, и это предложение было отклонено. Но на следующий день кое-кто из вассальных царей сложил оружие, а после недели тревожного ожидания бежал Канидий. Часть легионов рассеялась по Македонии, а 9 сентября остатки армии сдались вместе с флотом. После этого Октавиан отплыл в Афины, где принимал изъявления покорности всех городов Греции, за исключением Коринфа. Он сразу начал массовое уничтожение приверженцев Антония, и, чтобы спастись, горожане в каждом районе начали осыпать почестями победителя, ставить его статуи и удостаивать его всяческих наград. Вскоре после этого к Антонию прибыл гонец с запада, сообщивший, что легионы, оставленные в Северной Африке, тоже перешли на сторону Октавиана, после чего он предпринял попытку покончить с собой. Однако его удержали двое верных друзей; его, находившегося в глубочайшей депрессии, они в конце концов убедили отплыть в Александрию, чтобы снова утешиться в обществе Клеопатры.

Глава 15
Исида

Можно было ожидать, что, сокрушенная и сломленная своими несчастьями, Клеопатра теперь откажется от борьбы. Но она была сделана не из обычного теста и не могла заставить себя поверить в то, что ее дело безнадежно. Во время своего плавания через Средиземное море Клеопатра, видимо, взяла себя в руки после первого шока от поражения. И с этой замечательной способностью восстанавливаться, примеров которой мы уже видели в ее жизни немало, она, если можно так выразиться, обрела почву под ногами, вновь встав во весь рост, нетерпеливая и непокорная, чтобы смело посмотреть миру в лицо. Поражение Антония хоть и отложило на много лет возможность завоевать устойчивое положение в Риме, но не исключило ее совсем. Антоний, вероятно, мог бы убить себя, и, хотя мысль о его самоубийстве, наверное, сильно огорчала Клеопатру, она не могла не понимать, что это был способ избавиться от него. Пьяница, опозоренный изгой, за голову которого назначена награда, был нежелательным супругом для царицы. Он давно уже перестал затрагивать какие-либо струны ее души и возбуждал к себе лишь жалость. Октавиан будет преследовать Антония и не успокоится, пока не отправит его в страну теней; но Клеопатру, возможно, пощадят, а ее трон будет спасен в знак признания того, что она была «женой» Великого диктатора – Цезаря. И тогда какой-нибудь случай, вроде смерти Октавиана, мог бы дать ее сыну Цезариону возможность снова выйти на первый план в качестве наследника Цезаря.

Теперь Антоний стал для Клеопатры большой обузой. Его присутствие рядом с ней подвергало опасности ее собственную жизнь и – что более важно – существование ее царской династии. Неужели у него не было мужества, подобно побежденному Катону в Утике, подобно ее дяде Птолемею Кипрскому, подобно Бруту после сражения при Филиппах и подобно сотням других людей, убить себя и тем самым положить конец своим несчастьям? Следует помнить, что самоубийство после трагического исхода было догмой, которую в те времена проповедовали во всем цивилизованном мире. Самоубийство так часто встречалось в жизни, что оно казалось менее ужасным, чем это принято считать в наши дни. Популярное зрелище гладиаторских боев, многочисленные войны и множество политических и массовых убийств делали людей привычными к насильственной смерти.

Поэтому я не считаю, что Клеопатру следует винить в том, что теперь она надеялась на уход Антония с жизненной сцены.

В ее живом уме происходила оценка других средств удержания своего трона на тот случай, если милосердие Октавиана не распространится на нее. Главной надеждой Клеопатры было сохранение независимости Египта от Рима. Так как основание египетско-римской империи оказалось отложенным на неопределенный срок из-за поражения при Акции, вся энергия Клеопатры теперь должна была быть направлена на сохранение в том или ином виде короны для своего сына. Она вряд ли смогла бы удержать те владения, которые подарил ей Антоний; но за Египет, полученный ею по праву рождения, она должна бороться до последнего вздоха. Воодушевленная этим, Клеопатра обратила свой взор на Восток: на Мидийскую Атропатену, Парфию и Индию. Нельзя ли заключить там союз с одной или всеми этими далекими странами, укрепив тем самым свое положение? Ее сын Александр Гелиос был будущим царем Мидийской Атропатены. Неужели она не найдет в Парфии или Индии владений, которые она могла бы передать Цезариону? И нельзя ли создать какое-нибудь большое объединение этих стран, которые никогда не были завоеваны Римом?

Полагаю, что планы Клеопатры развивались в этом направлении, когда она плыла по морю на корабле; но когда она оставила Антония в Паретонии и направилась в Александрию, ее мысли, вероятно, занял более важный вопрос о ее вступлении в столицу. Было необходимо помешать распространению в городе вести о поражении до тех пор, пока египетская царица снова не возьмет все под свой контроль. Видимо, поэтому она вошла в гавань на несколько дней раньше всего своего флота и приказала украсить свой флагманский корабль как для празднования победы. Это произошло где-то в конце сентября 31 г. до н. э., и под звуки музыки, танцы моряков и с развевающимися знаменами ее корабль миновал остров Фарос с Александрийским маяком и вошел в Большую гавань. Судно встало на якорь у ступеней дворца, и Клеопатру с царскими почестями внесли на берег, и вскоре она оказалась надежно укрытой за стенами дворца. Без сомнения, она привезла от Антония письменные распоряжения легионам, расквартированным в Александрии, и, полагаясь на верность этих войск, вскоре приняла строжайшие меры для предотвращения любого бунта или мятежа в городе, когда в него начали просачиваться вести о разгроме. Несколько известных горожан, которые пытались подстрекать к беспорядкам, были сразу же схвачены и казнены; а к тому времени, когда весть о

поражении полностью подтвердилась, Клеопатра уже полностью держала ситуацию под контролем.

Теперь она приступила к осуществлению своих замыслов относительно Востока, и первым ее шагом было, естественно, подтверждение своего договора с царем Мидийской Атропатены. Следует помнить, что старший сын Клеопатры и Антония Александр Гелиос был женат на дочери царя Мидии на том, очевидно, условии, что он станет наследником царств и Армении. Маленькая принцесса в то время жила в Александрии, и стоит вспомнить, что Артавазд II, свергнутый царь Армении, большая часть царства которого была отдана Мидийской Атропатене, оставался пленником в столице Египта и был заключен в тюрьму сразу после триумфа 34 г. до н. э. тремя годами ранее. Однако после поражения Антония низложенные им правители, вероятно, должны были быть восстановлены в своих правах, и казалось очень возможным, что Октавиан вернет Артавазда II в утраченное им царство, а у Мидийской Атропатены, с другой стороны, за ее поддержку Антония будет отнято столько территории, сколько римляне смогут захватить. Чтобы помешать этому и устраняя претендента на престол Армении, а может быть, из-за попытки Артавазда II устроить побег или связаться с Октавианом, Клеопатра приказала казнить армянского царя, после чего отправила в Мидийскую Атропатену посольство, которое привезло тамошнему царю голову бывшего царя Армении в знак лояльности Клеопатры. На мой взгляд, вполне вероятно то, что она одновременно послала ко двору царя Мидийской Атропатены маленького Александра и его девочку-жену Иотапу в целях их безопасности. И можно почти не сомневаться в том, что в послании мидийскому царю она выдвигала различные предложения совместных действий.

После этого Клеопатра предприняла шаг, который Плутарх назвал «самым смелым и удивительным предприятием». Расположенный на севере Красного моря узкий залив, который в настоящее время называется Суэцким, был отделен от вод Средиземного моря полосой пустынной низменности шириной более 35 миль. Через северную часть этого перешейка протекал Пелусийский рукав Нила от его дельты до Средиземного моря. Немного южнее были расположены озера Балах и Тимсах, а между ними и Суэцким заливом находились так называемые Горькие озера. Эти водоемы были связаны между собой каналом, отрытым почти пятьсот лет назад великим персидским завоевателем Дарием I, который таким образом отправлял свои корабли из одного моря в другое по пути, не сильно отклонявшемуся от современного Суэцкого канала. За триста лет до описываемых

событий царь Птолемей Филадельф вновь открыл этот водный путь и построил огромную сеть шлюзов в его южной оконечности неподалеку от крепости Клисма. Но теперь большая часть канала оказалась снова засыпанной песком, и любое судно, которому нужно было попасть из Средиземного моря в Красное, нужно было несколько миль тащить по пустыне. Однако, несмотря на огромные затраты труда, Клеопатра приняла решение немедленно переправить все свои боевые корабли, уцелевшие в битве при Акции, в Красное море, где они были бы в безопасности от когтей Октавиана и могли бы в любой момент по ее приказу отплыть в Индию или Южную Парфию. Клеопатра также с поразительной энергией принялась за строительство других судов в Суэце в надежде снарядить впечатляющий флот. Плутарх просто пишет, что ее целью было «уехать с солдатами и сокровищами и обеспечить себе дом, где она могла бы спокойно жить вдали от войны и рабства». Но когда я рассматриваю это начинание в связи с отправкой посольства в Мидийскую Атропатену, мне кажется, что она приняла решение частично осуществить те замыслы в отношении завоевания Востока, о которых она, видимо, говорила с Юлием Цезарем, когда он гостил у нее в Александрии.

Мидийская Атропатена, Парфия и Индия находились вне влияния Рима. Из всех этих стран Мидийская Атропатена теперь была связана с Египтом самыми тесными узами крови, а Индия была вовлечена в оживленную торговлю с царством Клеопатры. Парфия, которая теперь стала врагом Мидийской Атропатены, находилась где-то между этими странами. И если египетский флот смог бы обогнуть берега Аравии и соединиться с армией Мидийской Атропатены в Персидском заливе, какую-то помощь союзникам могли бы оказать государства Индии, Парфию можно было бы завоевать или заставить присоединиться к этой конфедерации. Тогда можно было бы контролировать Сирию и Армению и снова сразиться с Западом – то есть Римом. А пока эти далекие страны являлись безопасным местом, где могли бы скрыться и она, и ее семья; и, как я предполагаю, отправив своего сына Александра в его будущее царство Мидийскую Атропатену, Клеопатра теперь начала думать над отправкой своего любимого Цезариона в Индию, чтобы там подготавливать появление ее флота.

В этих грандиозных замыслах Антонию не отводилось никакой роли. Во время этих событий он бродил по пустынным берегам моря у Паретония, поглощенный своими несчастьями, вспоминая неблагодарность своих полководцев и друзей, которых, забыв о своем собственном поведении в битве при Акции, он обвинял в том, что они бросили его. Пока Клеопатра

трудилась над своими новыми проектами и старалась всеми средствами, праведными и неправедными, раздобыть деньги на свое великое дело, она, вероятно, искренне хотела, чтобы ее муж не стоял на ее пути, и, наверное, с самыми смешанными чувствами получила весть о его приезде. По прибытии – а это произошло, наверное, в ноябре – Антоний был поражен деятельностью царицы; но, будучи противником идеи продолжения борьбы и движения на Восток, он попытался отговорить ее, возлагая надежды на верность различных гарнизонов, о дезертирстве которых он еще не узнал. Антоний, по-видимому, также обратил ее внимание на то, что с Октавианом можно на каких-то условиях заключить мир, который обеспечит ее семье трон, и так или иначе сумел погасить ее энергию и охладить ее рвение. Сам он теперь желал удалиться от общественной жизни и поселиться в каком-нибудь городе, вроде Афин, где он мог бы жить незаметной жизнью простого гражданина. Антоний прекрасно понимал, что Клеопатра презирает его, и считал, что в конце концов будет лучше всего, если он предоставит ее своей судьбе. Во всяком случае, Антоний, видимо, искренне надеялся, что она не будет ожидать, что он снова отправится искать приключений. И в этом его взгляды, вероятно, совпадали с ее взглядами, потому что Клеопатра уже не испытывала к мужу никакой симпатии. Ее сын Цезарион становился мужчиной, и его энергия юности стоила сотни таких деградировавших Антониев.

Однако на пути осуществления ее замыслов возникло неожиданное препятствие, и, казалось, несчастье снова идет за ней по пятам. Набатейские арабы (Набатейское царство существовало в III в. до н. э. – 106 г. н. э. на территории современной Иордании, Израиля, Сирии и Саудовской Аравии. – *Пер.*) из окрестностей Петры, будучи в плохих отношениях с Египтом, напали на новые судоверфи в Суэце и, заставив отступить размещенные там войска, сожгли первые корабли, которые были уже переправлены из Средиземного моря, и те, которые строились в доках. Клеопатра не могла выделить достаточно войск, чтобы защитить строительство, и поэтому это серьезное начинание пришлось оставить.

В скором времени в Александрии появился Канидий собственной персоной, который привез весть о том, что все войска Антония во всех его владениях сдались Октавиану и теперь у него ничего не осталось, за исключением Египта и его армии. После такого известия, согласно принятому в то время кодексу чести, Антонию, безусловно, следовало убить себя, но ему в голову пришла новая идея, которая согласовывалась с его

сентиментальной и склонной к театральности натурой. Он решил, что не будет умирать, а будет жить, как Тимон Афинский (легендарный афинский мизантроп, описанный Шекспиром в пьесе «Жизнь Тимона Афинского». – *Ред.*), враг всех людей. Антоний построит себе небольшой домик, о стены которого будут разбиваться морские волны; и там в одиночестве будет отсчитывать дни своей жизни, отвернувшись от всех людей. К западу от острова Антиродос, вблизи форума и храма Посейдона (Нептуна) был причал, выдававшийся в Большую гавань. И хотя это была мощная конструкция длиной около 300 ярдов, она, по-видимому, тогда не использовалась, и Антонию засела в голову мысль починить причал и построить себе небольшую виллу у его края, где он мог бы жить в одиночестве. Клеопатра была слишком занята делом, чтобы беспокоиться о том, что делает ее муж; она, по-видимому, потакала ему, как ребенку, и приказала построить для него небольшой симпатичный домик на этом месте, получившем от нее название Тимониум в честь мизантропа, которому хотел подражать Антоний. Видимо, Клеопатра полностью отдалилась от мира в то время, а он, без сомнения, был рад убраться подальше от ее презрительных взглядов и слов. Из своего нового жилища он мог смотреть через залив на дворец Клеопатры; а ночью свет Фаросского маяка и множество мерцающих огоньков в окнах на мысе Лохиас и вокруг гавани вместе со звездами отражались в темной воде и, наверное, представляли собой романтическое зрелище для любого мечтателя. Днем Антоний мог наблюдать за судами, входящими в порт или выходящими из него, а шум и суета, доносившиеся до его ушей с другой стороны, служили соответствующей темой для его проклятий в стиле Тимона.

Энергия царицы теперь была направлена на решение неотложных государственных дел. Она занялась тем, что посылала посольства в различные соседние царства, пытаясь подтвердить дружеские отношения, существовавшие ранее. В это ответственное время Александрией и всем Египтом следовало управлять с величайшей твердостью, чтобы не допустить никаких бунтов или беспорядков; одновременно с этим Клеопатре нужно было обложить подданных большими налогами, чтобы добыть деньги на свои проекты. Задача управления, вероятно, доставляла особое беспокойство, и страх перед грядущей расплатой висел над Клеопатрой, как черная туча. Было ясно, что в скором времени Октавиан вторгнется в Египет, но пока сделать это ему мешали в основном финансовые затруднения. После посещения Афин Октавиан отправился в Малую Азию и теперь вел подготовку к вторжению в Египет через Сирию, которое должно

было состояться, как только будут собраны достаточные силы и средства.

В конце 31 г. до н. э. в Александрию, видимо, приезжал царь Иудеи Ирод, чтобы обсудить ситуацию с Антонием, своим бывшим другом и покровителем. Следует помнить о неприязни Ирода к Клеопатре и о его желании убить ее, когда она проезжала по его стране; а теперь, нанеся необходимые визиты царице, он, по-видимому, провел серьезную беседу с Антонием, быть может посетив его в уединенном жилище на море. Иосиф Флавий сообщает нам, что Ирод уговаривал побежденного триумвира организовать убийство Клеопатры, заявив, что, только сделав это, Антоний может надеяться на то, что Октавиан пощадит его. Однако Антоний не поддержал это предложение, так как пусть и хотел избежать грозящей ему гибели, но не был готов сделать это ценой жизни своей жены. Цель Ирода, разумеется, состояла в том, чтобы избавиться от обворожительной царицы, которая вполне могла сыграть на симпатиях Октавиана и сохранить свои египетские и сирийские владения, оставаясь таким образом нежелательной и взыскательной соседкой Иудейского царства. Не заручившись поддержкой Антония в своем заговоре, Ирод возвратился в Иерусалим и вскоре отплыл на Родос, чтобы засвидетельствовать свое почтение Октавиану. Узнав о его намерении, Антоний послал вслед за ним некоего Алексиса из Лаодикеи, чтобы уговорить Ирода не бросать его дело. Этот Алексис раньше сумел убедить Антония развестись с Октавией, а Клеопатра часто полагалась на него, когда нужно было уговорить ее мужа предпринять те или иные действия, на которые тот не мог решиться. Но теперь оказалось, что Антоний и царица зря так доверяли ему, потому что он не вернулся в Египет, побывав при дворе Ирода, а вместо этого отправился к Октавиану, чтобы предложить ему свои услуги. Однако отношение Алексиса к разводу Октавии не было забыто ее мстительным братом, и наградой предателю была смерть. Тем временем Ирод, смело признав, что был другом Антония, выразил готовность стать верным Октавиану и сумел завоевать расположение победителя, так что он остался на своем троне, хотя практически все другие цари и царевичи, помогавшие Антонию, были лишены своих владений.

Приблизительно в начале феврале 30 г. до н. э. Октавиан возвратился в Италию, чтобы подавить волнения, начавшиеся из-за его неспособности заплатить жалованье своей распущенной армии. Там он оставался около месяца, а затем снова отправился в Малую Азию в начале марта. Дион пишет, что вести о поездке Октавиана в Рим и возвращении в Малую Азию были получены в

Александрии одновременно, вероятно в конце апреля. Но я полагаю, что весть о его первой поездке вряд ли задержалась так долго, и, во всяком случае, какие-то слухи об отъезде Октавиана в Рим, возможно, просочились к Клеопатре еще в марте.

Известие об этой передышке снова зажгло в царице надежду, и она решила с наибольшей пользой распорядиться этим драгоценным даром – временем. Следует помнить, что ее сын Цезарион, если я не ошибаюсь, родился в начале июля 47 г. до н. э., но вскоре после этого к календарю было прибавлено около восьмидесяти дней, чтобы исправить существовавшую неточность, в результате чего день рождения мальчика оказался где-то в середине апреля. Таким образом, приготовления к празднованию его семнадцатилетия в 30 г. до н. э. как раз только начались, когда Октавиан, как полагали, вел борьбу в Риме со своими недовольными войсками. Поэтому Клеопатра решила отметить это событие с небывалым размахом, публично объявив о совершеннолетии Цезариона. Не думаю, что можно точно установить, был или не был семнадцатилетний возраст принят как рубеж, когда египетский монарх достигает зрелости, но с уверенностью можно сказать, что достижение совершеннолетия редко откладывали на более старший возраст. Клеопатра, по-видимому, хотела особенно подчеркнуть факт совершеннолетия своего сына, который продемонстрировал бы жителям Александрии, как сказал Дион, «что теперь их царем является мужчина». Пусть люди думают, если хотят, что сама она проигравшая, обреченная женщина, но начиная с этого времени у них есть зрелый мужчина, чтобы вести их за собой, и этот мужчина – сын божественного Юлия Цезаря, за права которого она боролась, когда он был ребенком, но который впредь способен сам защитить себя. Какова бы ни была ее собственная судьба, у ее сына, достигшего совершеннолетия, по крайней мере, будет больше шансов сохранить свой трон. В будущем она сама сможет действовать, как и раньше, за кулисами, а ее сын будет осуществлять великое дело, которое она так давно старается довести до конца.

Когда весть о грядущих празднествах дошла до Антония в его уединенном жилище, он, видимо, был сильно взволнован ею. Цезарион и его права в большой степени послужили причиной его краха, и Антония, вероятно, испугала дерзость царицы, которая таким образом давала Октавиану еще один повод для раздражения – ведь в Александрии готовились к самому торжественному празднованию совершеннолетия соперника Октавиана, претендующего на полномочия и положение в обществе, имевшиеся у самого Юлия Цезаря. Следовало ли

считать эти действия умной политикой или безрассудной наглостью? Покинув свое бездеятельное уединение, Антоний, видимо, еще раз вступил с Клеопатрой в активные переговоры, в результате которых у него, очевидно, сложилось впечатление, что желанием его жены теперь было передать свою власть в значительной степени в руки своего сына, предоставив тем самым энергии юности продолжить тот труд, который не сумел довести до конца средний возраст. Такой подход к ее действиям нашел отклик в душе Антония, и он решил, что в будущем у него тоже должен быть представитель более молодого поколения. Его сын от Фульвии Антилл, который был на год или около того моложе Цезариона, жил во дворце в Александрии, и поэтому Антоний договорился с Клеопатрой, что этих двоих юношей одновременно объявят совершеннолетними. Впредь Антилл получит право носить платье, свидетельствующее о том, что он взрослый римлянин. В тот момент Клеопатра, видимо, пыталась убедить своего мужа оставить свою смехотворную мизантропию и либо помогать ей в ее планах обороны, либо уехать из Египта насовсем. Антонию к этому времени уже порядком наскучила его уединенная жизнь, и он был рад забыть свои замашки Тимона. Поэтому он снова стал жить во дворце, и они оба, Антоний и Клеопатра, предприняли попытку возобновить свои старые отношения. Однако их дороги слишком сильно разошлись, чтобы была возможна какая-то гармония. Антоний в одиночестве размышлял о своих возможных ошибках и теперь относился к своей жене с долей подозрительности. А она, в свою очередь, больше считала его не равным себе, а человеком, заслуживающим ее презрения, хотя и пробуждающим в ее великодушной натуре жалость.

Празднества в честь дня рождения Цезариона были проведены с величайшим размахом, и весь город на протяжении многих дней предавался пирам и веселью. О надвигающейся буре все забыли, и в то время гостю Александрии было бы действительно трудно поверить, что он оказался в городе, правители которого недавно потерпели поражение от врага, который уже готовится вторгнуться в сам Египет. На самом деле ничто не могло заставить Клеопатру признать, что игра проиграна, и, несмотря на невзгоды и тревогу, угнетавшую ее мысли, она не унывала и была полна оптимизма, что должно вызывать восхищение всех историков. Антоний, с другой стороны, был полностью деморализован этой ситуацией, и празднества в честь дня рождения Цезариона снова разожгли в нем аппетит к удовольствиям шумной жизни, и он решил закончить свою жизнь, предаваясь безумному беспутству. Собрав вместе членов клуба

«Непревзойденные гуляки», клуба кутил, который он основал несколькими годами ранее, он предложил им записаться в список членов нового общества, которое он назвал *Synapotha-noumenoi*, или «Умрем вместе». «Давайте есть, пить и веселиться, потому что завтра мы умрем» – вот таким, вероятно, был его девиз, и он вступил в эту новую фазу своей жизни с той же внешней основательностью, с какой он изображал из себя Тимона. Не имея более в мире аудитории, перед которой он мог играть веселую роль Бахуса или Геркулеса, Антоний теперь разыгрывал свои драматические роли из внутренней любви к притворству и с подлинно мальчишеской любовью к надувательству расхаживал по залам дворца в зловещем, но не оригинальном образе гуляки, который пирует со своим добрым другом Смертью. На самом деле Антоний и не собирался умирать, он надеялся, что ему будет позволено, как его недавнему коллеге Лепиду, третьему триумвиру, спокойно удалиться и вести частную жизнь. Парадоксальную ситуацию, в которой он теперь оказался, свое положение государственного пленника, отосланного под залог наслаждаться роскошью своего дома, этот «огромный ребенок» не мог не попытаться обратить в свою пользу.

Клеопатра, с другой стороны, была готова ко всем случайностям, и, пока она надеялась каким-то образом найти выход из своего затруднительного положения, она не забывала готовиться к смерти, которую ей, возможно, придется встретить. Вскоре в Александрию пришла весть о возвращении Октавиана в Малую Азию, и Клеопатра, наверное, понимала, что ее шансы преодолеть свои трудности невелики. Поэтому она занялась собиранием коллекции всевозможных ядовитых снадобий и часто ходила в темницу, чтобы там проводить свои эксперименты на осужденных преступниках. Она с волнением наблюдала за агонией пленников, которым она давала различные яды, забраковывая те из них, от которых люди испытывали боли и бились в конвульсиях, и продолжая свои опыты с теми снадобьями, которые предлагали быстрый уход из жизни. Клеопатра экспериментировала и с ядовитыми змеями, подвергая животных и людей их укусам. Плутарх пишет: «Она вполне удовлетворилась тем, что ничто не могло сравниться с укусом египетской кобры [гаи], который, не вызывая судорог или стонов, приводил к тяжелой дремоте и коме с легкой испариной на лице и постепенным притуплением чувств, когда жертва явно не чувствует боли и раздражается, если ее беспокоят или будят, то есть ведет себя как человек, который пребывает в глубоком естественном сне». Клеопатра решила, что, если дойдет до крайности, она лишит себя жизни таким способом. И, уладив этот

вопрос, она снова обратила пристальное внимание на проблемы, которые ее осаждали.

К маю Октавиан вошел в Сирию, где ему сдались все гарнизоны. Он послал Корнелия Галла принять командование теми легионами, которые сдались ему в Северной Африке, и эта армия теперь овладела Паретонием, где находился Антоний после своего бегства с места битвы при Акции. Весть о том, что эта пограничная крепость перешла в руки врага, еще не достигла Александрии, но о продвижении Октавиана через Сирию в городе уже было известно, что, вероятно, вызывало там величайшую тревогу. Тогда Клеопатра решила предпринять смелые и достойные действия. К концу мая она отправила своего сына Цезариона вместе с его учителем Родоном вверх по течению Нила в Коптос, а оттуда через пустыню – в порт Беренику, где все корабли, которые она смогла собрать, получили приказ ожидать его. Молодой Цезарь путешествовал, по-видимому, с большой помпой и вез с собой большую сумму денег. Его прибытие в Беренику ожидали в конце июня, и, когда к середине июля купцы, отправлявшиеся в Индию, начали отплывать в свой далекий путь, все было устроено так, что он тоже поплывет с ними в эти далекие земли, чтобы завести дружбу с царями Индии и, быть может, создать великое объединение восточных народов, о котором так часто мечтала Клеопатра. Сама она решила остаться в Александрии, чтобы сначала провести с Октавианом переговоры о сохранении ее трона, а в случае их неудачи – драться с ним насмерть. Мысль о бегстве не приходила ей в голову, и, хотя с материнской заботой она пошла на эти авантюрные меры ради безопасности своего любимого сына, ей, похоже, не приходило на ум уехать вместе с ним на Восток, где она, по крайней мере, могла бы найти временное пристанище. Расставание Клеопатры с Цезарионом, вероятно, было одним из самых горьких событий ее несчастливой жизни. За его безопасность и за его права она боролась семнадцать лет, а теперь необходимо было отправлять его с индийскими купцами через опасные моря в чужие земли, чтобы спасти силы от когтей его удачливого соперника Октавиана, а она сама оставалась, чтобы встретиться с их врагами и сражаться за их общий трон. Ее мысли в те горестные дни снова обращались к памяти отца мальчика, великого Юлия Цезаря, ведь она, наверное, часто смотрела на его портреты или перечитывала письма, которые тот когда-то написал ей. А теперь, когда Клеопатра отправила юного Цезаря в далекое плавание к землям, которые всегда так сильно интересовали его отца, она, наверное, взывала к духу этого человека, которому поклонялся весь римский мир как Божественному Юлию, и в исступлении,

вероятно, умоляла его прийти на помощь своему единственному сыну и наследнику.

Глава 16
Танатос

Историк должен испытывать некоторое нежелание дискредитировать романтическую историю отношений Клеопатры и Антония в этот период, но тем не менее нельзя отрицать тот факт, что они теперь решили жить отдельно друг от друга, и почти нет сомнений в том, что каждый из них относился к другому с недоверием и подозрением. Антоний так долго жил один, что совершенно не имел представления о проектах своей жены; а она, со своей стороны, уже много месяцев не могла полностью ему доверять. Их отношения были отмечены с его стороны недоверием, а с ее – презрительной жалостью, и я не могу найти ничего, что указывало бы на их романтическое приближение рука об руку к своей гибели, которая считается грандиозным финалом их трагической истории. В нужном месте я покажу читателю борьбу одинокой и мужественной царицы со своей судьбой, которая, безусловно, должна вызвать восхищение у всех мужчин. После того как ее муж так поразительно подвел ее, бремя управления страной и организация обороны легли на ее плечи. День и ночь ее, наверное, изводила безумная тревога и преследовала мысль о возможной гибели. И все же она вела себя мужественно, ни разу не допустив мысли о бегстве и ни разу не свернув с пути тех личных и династических честолюбивых замыслов, которые, на мой взгляд, едва ли можно отделить от ее реального долга перед своей страной.

Когда Октавиан в июне 30 г. до н. э. вел свои приготовления в Сирии к вторжению в Египет, Клеопатра и Антоний попытались начать с ним переговоры. Они отправили к своему врагу некоего грека по имени Евфроний, который был домашним учителем одного из юных принцев, с посланиями от них обоих. Клеопатра просила, чтобы в обмен на ее капитуляцию ее сыну Цезариону было бы позволено сохранить за собой трон Египта, а Антоний умолял лишь о том, чтобы он получил возможность вести уединенную жизнь либо в Александрии, либо в Афинах. С этим посольством Клеопатра послала свою корону, скипетр и колесницу в надежде на то, что Октавиан дарует их снова ее сыну, если не ей самой. Но миссия отчасти потерпела неудачу. Октавиан не желал слушать никаких предложений в отношении судьбы Антония, но Клеопатре он передал тайное послание, доставленное одним из его вольноотпущенников по имени Тирс, в котором писал, что он благожелательно относится к ней и

склонен оставить ей во владение Египет, если только она прикажет казнить Антония. На самом деле Октавиан не собирался демонстрировать какое-то особое милосердие по отношению к Клеопатре, и это предложение имело целью обмануть ее. Он, по-видимому, уже принял решение, как будет действовать. Антония придется убить или заставить совершить самоубийство, но было бы неловко осуждать его на смерть и официально казнить. Цезариону, сопернику Октавиана, тоже придется встретить насильственную кончину. Клеопатру следует взять живой, чтобы выставить ее на всеобщее обозрение во время триумфа Октавиана в Риме, после которого она отправится в ссылку, а ее страна вместе со своими богатствами окажется в его руках. Такая добыча пойдет на выплату жалованья войскам. Во всех последующих контактах Октавиана с царицей заметно его горячее желание захватить ее живой, тогда как по отношению к Антонию он будет демонстрировать безжалостность и враждебность.

Вольноотпущенный Тирс был тактичным и понимающим человеком и мог обсудить с Клеопатрой сложившуюся ситуацию во всех ее аспектах. Царица всеми средствами стремилась сохранить свой трон и вполне могла отплатить Октавиану его собственной монетой, обманув его и заставив поверить в то, что она отдастся на милость победителя. Она очень внимательно отнеслась к Тирсу: давала ему долгие аудиенции и обращалась с ним, воздавая немалые почести. А Антоний, которого не допускали на их секретные обсуждения, день ото дня становился все озлобленней и подозрительней. Маловероятно, что Клеопатра согласилась на предложение убить своего мужа, но ситуация была такова, что она бы не очень возражала против его самоубийства, и осмелюсь предположить, что царица вполне откровенно обсуждала с Тирсом способ напомнить Антонию о его почетной обязанности. По утверждению Диона Кассия, Октавиан на самом деле отправлял Клеопатре послания любовного характера, но это, вероятно, не так, хотя Тирс вполне мог намекнуть, что сердце его господина тронула та смелость, с которой Клеопатра встретила свои несчастья, и что он жаждет завоевать ее расположение. Возможно, слухи о характере их совещаний достигли Антония, или, быть может, его ревность возбудили доверительные отношения вольноотпущенного с царицей, и он стал еще более подозрительным, чем раньше, и, видимо, стал вести себя так, словно его разум помутился. Антоний вдруг приказал своим людям схватить Тирса и сильно выпороть, после чего он отправил его назад к Октавиану с письмом, в котором объяснял свои действия. «Чрезмерное любопытство и дерзкие замашки привели меня в ярость, – написал он, – но поскольку я нахожусь в таких

обстоятельствах, то от меня трудно ожидать большого терпения, но если это оскорбляет тебя, то в твоих руках мой вольноотпущенный Гиппарх: подвесь его и выпори для равного счета». Гиппарх, вероятно, переметнулся от Антония к Октавиану, так что и порка Тирса, и предложенная расплата стали тем черным юмором, который, по-видимому, сразу же понравился Клеопатре. Дерзость этого поступка доставила ей большое удовольствие, и она начала с большим уважением относиться к своему мужу, который, как выяснилось таким образом, еще был способен показывать себя как царь. Плутарх пишет, что с целью снять с себя его подозрения, которые были совершенно безосновательными, она теперь уделяла ему больше внимания и всячески ублажала его. И похоже, такая перемена в ее отношении к нему вселила мужество в сердце Антония, заменив мужественной осанкой ту унылую манеру себя вести, которая была столь заметна последнее время. Клеопатра, видимо, очень хотела доказать Антонию, что не обманет его, и стремилась дать понять это Октавиану. Когда прошлой зимой был ее день рождения, она отпраздновала его очень тихо, но день рождения Антония, который падал на это время, Клеопатра отпраздновала очень продуманно, подарив дорогие подарки всем тем, кто пользовался ее гостеприимством. Она словно желала, чтобы все люди знали: пока Антоний ведет себя как мужчина и вступает в свой последний поединок в союзе с тем духом авантюризма, который всегда отличал ее собственные действия, Клеопатра будет стоять с Антонием рядом до конца. Но если у Антония не хватит силы духа добиваться успеха, то тогда пусть он не стоит у нее на пути. Порка Тирса привела к временному примирению между царицей и ее мужем, и какое-то время Антоний действовал так, словно к нему вернулись былые энергия и смелость.

Узнав, что армия под командованием Корнелия Галла движется через Киренаику к западной границе Египта, Антоний поспешил отплыть с несколькими кораблями в Паретоний, чтобы обеспечить оборону этого места. Но когда он высадился на сушу, подошел к стенам крепости и вызвал командира, его голос потонул в реве труб, раздавшемся изнутри. Через несколько минут гарнизон крепости предпринял вылазку, погнал Антония и его людей назад в гавань, поджег несколько его кораблей и со значительными потерями отбросил его со своих берегов. Вернувшись в Александрию, Антоний узнал, что Октавиан приближается к Пелусию, такой же крепости на восточной границе Египта, которая находилась под командованием военачальника по имени Селевк; а вскоре после этого, ближе к середине июля, пришла весть о том, что Пелусий пал.

После этого Антоний, нервы которого были сильно взвинчены, яростно обвинил Клеопатру в том, что она предала его, тайно сговорившись с Селевком сдать крепость Октавиану в надежде умиротворить приближающегося врага. Клеопатра отвергла это обвинение и, чтобы доказать истинность своих слов, приказала арестовать жену и детей Селевка и отдать в руки Антония, чтобы тот мог казнить их, если окажется, что она состояла в тайной переписке с предателем; этот факт, видимо, окончательно доказывает ее невиновность.

Но подозрения снова лишили Антония силы духа и вытеснили зыбкую храбрость из его сердца. Подавленный и смятенный, он послал к Октавиану Евфрония во второй раз, теперь в сопровождении молодого Антилла, и дал им с собой большую сумму денег, с помощью которой он надеялся умилостивить своего врага. Октавиан взял деньги, но не стал слушать мольбы Антилла, просящего за своего отца. Эта миссия была в высшей степени неприятна Клеопатре, которая никак не могла понять, как человек может пасть так низко, чтобы пытаться подкупить своего врага с помощью золота, причем следует помнить, что это золото принадлежало его жене. Но ее удивление и боль, вероятно, еще более усилились, когда она обнаружила, что Антоний вслед за этим отправил в цепях к Октавиану бывшего сенатора по имени Туруллий, который был одним из убийц Юлия Цезаря, последним из оставшихся в живых (каждый из них нашел свою смерть, словно от руки мстительной Судьбы). Теперь Туруллий оказался во власти Антония, и, так как сын Клеопатры был наследником Юлия Цезаря, этого человека следовало передать в руки царицы для наказания. Но вместо этого Антоний отправил его к своему врагу таким образом, что это могло только означать, что он признает право Октавиана действовать в качестве представителя диктатора. Октавиан немедленно казнил Туруллия, исполнив тем самым последний необходимый акт мести от имени убитого Цезаря; но Антонию он не выразил никакой признательности за пленника. Не получив никаких гарантий помилования, Антоний какое-то время думал о бегстве в Испанию или какую-нибудь другую страну, где он мог спрятаться или вести партизанскую войну, пока какое-нибудь изменение политики Рима не позволит ему появиться там вновь. Но его благородная натура в конце концов проявила себя благодаря примеру Клеопатры, которая приняла решение защищать свою столицу; и Антоний снова взял себя в руки, словно для того, чтобы стоять рядом с царицей до конца. Их положение было хоть и плохим, но не безнадежным. Александрия была хорошо укрепленным городом. В городе по-прежнему было

четыре римских легиона, которые оставались в Египте во время войны в Греции; там же были размещены и македонские части охраны дворца. Также не вызывает сомнений то, что за стенами Александрии находились значительные силы египетских войск, а в гавани находился флот, который возвратился после битвы при Акции, и много других боевых кораблей. Таким образом, наготове была грозная сила для защиты столицы. Этим солдатам так хорошо платили из бездонной египетской казны, что они находились в гораздо лучшем положении и были более довольны, нежели легионеры Октавиана, которым уже несколько месяцев не выплачивали жалованье.

Клеопатра тем не менее не надеялась выйти из этого испытания живой; и хотя Октавиан продолжал присылать ей уверения в своей доброй воле, ценой, которую он неизменно просил за ее безопасность, была голова Антония, а такую цену Клеопатра не была готова заплатить. Не думаю, что искушение, которому подвергалась царица в этом отношении, было должным образом отмечено. Дион Кассий категорически утверждает, что Октавиан обещал ей: если она убьет Антония, он гарантирует ей личную безопасность и полную поддержку ее неуменьшившейся власти. И Плутарх так же ясно пишет, что Октавиан сказал ей, что нет такой разумной услуги, которой она не могла бы ожидать от него, если только казнит Антония или даже выгонит его из безопасного убежища в Египте. Антоний оказался ненадежным человеком; он вел себя как самый настоящий трус; обычно он был пьян, и на него нельзя было положиться; от него в дальнейшем не было никакого проку ни ей, ни ее делу. И все же, хотя его устранение означало для нее ее личную неприкосновенность, Клеопатра была слишком верной и слишком гордой, чтобы санкционировать его убийство. Ее дальнейшие действия практически равнялись вызову. Клеопатра ответила Октавиану, что если ему нужна бесполезная голова ее пьяного мужа, то он должен сломать стены ее города и взять ее.

В соответствии с обычаями того времени царица за последние годы построила себе гробницу и погребальный храм, в котором будет покоиться ее тело после смерти, а ее дух получит обычные жертвы и богослужения жрецов. Этот мавзолей, если верить Плутарху, был окружен другими постройками, очевидно приготовленными для членов царской семьи и придворных. Они были возведены не на территории царского некрополя Семы, который располагался на одной стороне улицы Канопус, а рядом с храмом Исиды-Афродиты, который высился на берегу моря на восточном берегу мыса Лохиас. Из замечаний Плутарха я делаю вывод, что гробница царицы в реальности была частью храмовых

построек, и если так, то Клеопатра, вероятно, подразумевала, что ее останки будут покоиться на территории святилища богини, с которой ее отождествляли. Таким образом, после ее смерти верующие в храме Исиды будут возносить свои молитвы к собственному духу Клеопатры, а ее бренные останки станут священными реликвиями богини-покровительницы. Мавзолей поражал своей высотой и прекрасным мастерством исполнения. Вероятно, он был построен из ценных пород мрамора и состоял из нескольких камер. На первом этаже мое воображение рисует зал с колоннами, в который можно было войти через двойные украшенные двери из кедра и который вел во внутреннюю усыпальницу, где стоял саркофаг, готовый принять тело царицы. Из этого зала каменная лестница, вероятно, вела в верхние помещения, пол которых был сделан из огромных гранитных плит, являвшихся потолком для нижнего зала. Возможно, там был и третий уровень, помещения которого, подобно камерам на первом этаже, были предназначены для приготовления ладана, жертвоприношений и хранения облачений, используемых жрецами при соответствующих церемониях. Большие оконные проемы в стенах этих верхних помещений, вероятно, выходили на море с одной стороны и во двор храма Исиды – с другой. Но, как было принято в египетских постройках, в нижнем зале и святилище не было вообще никаких окон, а свет, проникая сюда, попадал внутрь через дверной проем и маленькие отверстия под потолком. Июльская жара не проникала в этот каменный мавзолей; верхние помещения, наверное, постоянно продувались прохладным ветром с моря, а яркий солнечный свет снаружи здесь приглушался и смягчался, отражаясь от мраморных стен. Ритмичные удары прибоя о каменную набережную под окнами, выходящими на восток, и пронзительные крики чаек эхом отдавались в комнатах усыпальницы, в то время как с западной стороны в прохладные укромные уголки этих продуваемых ветром залов вторгались, как звуки покинутого мира, пение жрецов в прилегающем храме и отдаленный городской шум. Здесь Клеопатра решила поселиться, как только Октавиан начнет штурм стен города. Она решила, что в случае поражения она убьет себя, и ввиду этой перспективы распорядилась перенести в мавзолей свои сокровища: золото, серебро, эбеновое дерево, слоновую кость, корицу, а также украшения с жемчугом, изумрудами и другими драгоценными камнями, где их сложили на погребальный костер, сооруженный на каменном полу одного из верхних залов. Если понадобится положить конец своим несчастьям, она решила подвергнуть себя смертельному укусу змеи и, собрав последние силы, поджечь костер, огонь которого

поглотит и ее тело, и ее богатства. Но пока Клеопатра оставалась во дворце и занималась приготовлениями к обороне города.

В последние дни июля армия Октавиана пришла к стенам города и встала на территории ипподрома, расположенного на каменистой почве к востоку от города и вокруг него. Оказавшись перед поворотным пунктом в своей судьбе, Антоний снова продемонстрировал проблески былой храбрости. Собрав свои войска, он предпринял дерзкую вылазку из города: напал на кавалерию Октавиана, многих перебил, других обратил в беспорядочное бегство и преследовал их до самого лагеря. Затем Антоний вернулся во дворец, где, будучи еще одетым в пыльные и окровавленные доспехи, встретил Клеопатру и, обхватив руками ее хрупкую фигурку, поцеловал ее на виду у всех. Ее особому покровительству он рекомендовал одного из своих военачальников, сильно отличившегося в бою; и царица немедленно подарила этому человеку великолепный шлем и золотой нагрудник. В ту же самую ночь этот военачальник надел свои золотые доспехи и бежал в лагерь Октавиана.

На следующее утро Антоний с долей мальчишеского нахальства послал к Октавиану гонца, вызывая того на поединок один на один, как он это уже делал перед битвой при Акции. Но на это его враг ответил едким замечанием: «Он мог бы найти и другие способы свести счеты с жизнью». После этого Антоний принял решение покончить со всем этим одним решительным сражением на суше и на море, не желая ждать исхода длительной осады. Клеопатра одобрила этот план, и было отдано распоряжение готовиться к генеральному сражению 1 августа. Вечером накануне этого дня Антоний, которого на этот раз не подвело мужество, пригласил слуг разделить с ним свой ужин и не жалеть вина, так как завтра они, быть может, будут служить уже новому хозяину, а он, олицетворение бога вина и веселья Бахуса, будет лежать мертвым на поле боя. Услышав это, его друзья, ужинавшие вместе с ним, начали рыдать, но Антоний поспешил объяснить им, что он совершенно не собирается умирать, а еще надеется привести их к славной победе.

Поздно ночью, когда полная тишина легла на освещенный звездами город, а ветер с моря стих, уступив место душному безмолвию летней тьмы, вдали вдруг раздались звуки труб и цимбал и голоса, распевающие бесшабашную песню. Звуки и голоса приближались, и вскоре можно было услышать топот пляшущих ног, а крики и вопли толпы смешивались с громкой мелодией разгульной песни. Шумная процессия, по словам Плутарха, направилась прямо через центр города к воротам Канопус, и там шум был слышен громче всего. Затем звуки

внезапно стихли и не возобновлялись. Но все, кто слышали в темноте эту буйную музыку, были уверены, что это шествие Бахуса, который вместе со своими спутниками-духами ушел от армии своего павшего воплощения и присоединился к войску победоносного Октавиана.

На следующее утро, как только рассвело, Антоний вывел свои войска из восточных ворот города и выстроил их в боевой порядок на уклоне между стенами и ипподромом на небольшом расстоянии от моря. С этой позиции он смотрел, как его флот выходит из Большой гавани и направляется к кораблям Октавиана, которые были выстроены у берега в 2–3 милях к востоку от города; но, к его смятению, александрийские корабли не сделали никакой попытки атаковать врага, как он им приказал. Они салютовали кораблям Октавиана веслами и, получив такое же приветствие в ответ, присоединились к врагу; и теперь все они плыли в сторону Большой гавани. Тем временем со своей возвышенности Антоний увидел, как вся его кавалерия внезапно помчалась галопом к боевым порядкам Октавиана, и таким образом он оказался с одной пехотой, которая, разумеется, не была равной по силам врагу. Бесполезно было бороться дальше, и, оставив всякую надежду, Антоний отступил назад в город, крича, что Клеопатра предала его. Когда он устремился во дворец, сопровождаемый своими растерянными военачальниками, колотя себя по лбу и призывая проклятия на голову женщины, которая, по его словам, отдала его в руки врага ради своего спасения, царица бежала из своих апартаментов, словно боялась, что в ярости и отчаянии Антоний может зарубить ее мечом. Вместе со своими двумя прислужницами Ирадой и Хармионой она бежала по пустым залам и коридорам дворца так быстро, как только могла, и наконец, пробежав через безлюдный двор, достигла мавзолея, прилегающего к храму Исиды. Придворные, слуги и охрана, по-видимому, разбежались в тот момент, когда раздался крик, что флот и кавалерия переметнулись к врагу. В окрестностях храма оставались, вероятно, несколько перепуганных жрецов, которые едва могли узнать царицу, мчавшуюся, задыхаясь, к раскрытым дверям гробницы, которую покинули обычно стоящие около нее стражи. Три женщины устремились в тускло освещенный зал, заперев за собой на засовы дверь и наверняка забаррикадировав ее скамейками, столами для жертвоприношений и другими предметами культовой мебели. Затем они направились в жилые комнаты на верхнем этаже, где они, вероятно, рухнули на богатые ложа в состоянии крайнего возбуждения от ужаса, и Клеопатра стала немедленно готовиться к самоубийству. Из окна они,

наверное, видели каких-то людей из штаба Антония, которые спешили к ним, и теперь они могли послать ему весть о том, что царица собирается убить себя. Однако вскоре, когда смятение в ее голове несколько улеглось, Клеопатра приняла решение подождать немного, прежде чем делать последний шаг, чтобы убедиться в отношении к ней Октавиана. И, приняв решение действовать так, она, по-видимому, постаралась успокоиться, в то время как через окна на восточной стороне она видела, как египетские и вражеские корабли бок о бок входят в Большую гавань.

Нет никаких причин предполагать, что Клеопатра предала своего мужа или что она была как-то причастна к произошедшей измене флота и конницы. Внезапный провал их с Антонием сопротивления, хотя было еще только утро, вероятно, был для нее ошеломляющим ударом, а обвинения Антония Клеопатра, без сомнения, расценивала как проявление странностей его поведения, характерных для него в последние годы. Накануне Антоний предлагал большую сумму денег любому легионеру Октавиана за переход на его сторону; и более чем вероятно то, что Октавиан сделал такое же предложение египетским морякам и солдатам. Только год назад эти моряки по-братски относились к римлянам из армии и флота Антония в Амбракийском заливе, и эти последние, перейдя на сторону Октавиана после сражения при Акции, теперь во множестве находились среди моряков вражеского флота. Таким образом, египтян призывали сражаться со своими друзьями, чьим гостеприимством они часто пользовались и чьи воинские качества в соединении с победоносной армией Октавиана высоко ценили. Поэтому не было нужды ни в каких намеках со стороны Клеопатры: их переход на сторону Октавиана считался почти неизбежным.

Но Антоний слишком обезумел и был слишком взвинчен, чтобы контролировать свои слова, а свои апартаменты во дворце он привел в состояние граничащее с палатой сумасшедшего, где он ругал Клеопатру и ее страну и призывал проклятия на голову всех тех, кто покинул его. Вскоре те люди из его свиты, которые последовали за царицей в ее мавзолей, принесли ему весть о том, что она убила себя, так как именно таким образом они истолковали ее действия. И мгновенно ярость Антония утихла, этот шок вызвал у него упадок сил. Сначала это известие, вероятно, поразило его, но, когда весь его смысл проник в его смятенный разум, в нем не осталось места для гнева или подозрений. «Ну, Антоний, – вскричал он, – зачем дальше откладывать? Судьба забрала у тебя то единственное, ради чего, можно сказать, ты еще хотел жить». И с этими словами он

ринулся в свою спальню, энергично срывая с себя доспехи и призывая своего раба Эроса, чтобы тот помог ему. Потом, когда он обнажил верхнюю часть своего тела, все услышали, как он вслух разговаривает с царицей, которую он считал мертвой. «Клеопатра, – сказал он, – я не горюю оттого, что разлучен с тобой, потому что мы скоро будем вместе, но мне больно, так как такой великий полководец оказался менее мужественным, чем женщина». Незадолго до этого Антоний заставил Эроса торжественно обещать убить его, когда прикажет сделать это. И теперь, повернувшись к рабу, Антоний отдал ему этот приказ, напомнив о его клятве. Эрос вытащил свой меч, словно намеревался сделать то, о чем его просил Антоний, но внезапно, повернувшись, вонзил клинок в свою собственную грудь и упал, смертельно раненный, на пол. После чего Антоний склонился над ним и закричал ему, потерявшему сознание: «Отлично сделано, Эрос! Отлично!» Затем, взяв свой меч, он добавил: «Ты показал своему хозяину, как надо делать то, на что у тебя самого не хватило духу», и с этими словами он вонзил себе меч под ребра снизу вверх и упал на свою постель.

Однако рана не была смертельной, и вскоре кровь перестала течь, а к Антонию вернулось сознание. Несколько слуг-египтян собрались вокруг него, и теперь он умолял их прекратить его страдания. Но когда они поняли, что Антоний жив, они бросились вон из комнаты, оставив его, стенающего и корчащегося от боли, там, где он лежал. Кто-то из них, наверное, сообщил об этом царице, которая сидела у окна мавзолея, так как через несколько мгновений некий Диомед, один из ее секретарей, пришел к Антонию и сказал ему, что Клеопатра еще не убила себя и желает, чтобы его принесли к ней. Антоний отдал распоряжение слугам перенести себя к ней, и они, подняв его на руки, положили Антония на импровизированные носилки и поспешили в мавзолей. По-видимому, теперь у дверей мавзолея собралась толпа, и, когда царица увидела группу людей, несущих к ней ее мужа, она, вероятно, испугалась, как бы кто-нибудь из них, желая получить награду, не схватил ее, когда они войдут в ее цитадель, чтобы доставить Клеопатру живой Октавиану. К тому же, наверное, было непросто отпереть засовы на дверях, которые она в возбуждении сумела глубоко вогнать в петли. Поэтому Клеопатра не смогла впустить Антония в мавзолей, и он лежал под ее окном, стонал и умолял ее позволить ему умереть на ее руках. По словам Плутарха, Клеопатра тогда «спустила веревки, к которым привязали Антония, и она вместе со своими двумя прислужницами, единственными людьми, которым она позволила войти в свой мавзолей, подняла его наверх. Те, кто

присутствовали при этом, говорят, что не было более горестного зрелища, чем вид окровавленного Антония, испускающего последний вздох, но все еще тянущего к ней руки и приподнимающего свое тело теми слабыми усилиями, которые он еще мог сделать, когда его поднимали наверх. На самом деле это была нелегкая задача для женщин; Клеопатра изо всех сил налегала на веревку, тянула ее, нагнув голову до земли, и с трудом дотянула Антония наверх, в то время как все стоявшие внизу подбадривали ее криками и разделяли с ней все ее усилия и тревогу». Окно, вероятно, было расположено на значительном расстоянии от земли, и я не думаю, что трем женщинам вообще удалось бы поднять наверх довольно тяжелого Антония, если бы стоявшие внизу люди не принесли, как мне кажется, приставные лестницы и не помогли им. А потом – я не сомневаюсь в этом – с верхних ступенек этих лестниц снаружи они наблюдали за ужасной сценой, развернувшейся внутри.

Затащив Антония через окно, женщины отнесли его на кровать, на которой он, наверное, потерял сознание после мук подъема на веревках. Клеопатру потрясло это горестное зрелище, и ее охватили безудержные рыдания. Она била себя в грудь и рвала на себе одежду и в то же время пыталась остановить алую струю, которая текла из раны Антония. Вскоре все лицо и шея Клеопатры были уже в крови мужа. Бросившись ничком рядом с Антонием, Клеопатра называла его своим господином, своим мужем и императором. Все ее сострадание и давняя любовь к нему пробудились от его ужасных страданий, и Клеопатра была так поглощена этим, что забыла о своем собственном отчаянном положении. Наконец Антоний пришел в себя и попросил вина, после чего, немного восстановив свои силы, он попытался унять горестные стенания Клеопатры и сказал ей, чтобы она пришла к соглашению с Октавианом, пока это можно сделать достойно, и посоветовал ей доверять только некоему Прокулею из числа друзей завоевателя. Испуская последний вздох, Антоний умолял Клеопатру, по словам Плутарха, «не жалеть его на этом последнем повороте судьбы, а порадоваться за него в память о его былом счастье, порадоваться за того, кто был самым прославленным и могущественным из людей и в конце жизни умер не постыдной смертью, а как римлянин, побежденный римлянином». С этими словами Антоний откинулся на ложе и вскоре испустил дух на руках женщины, чьим интересам он так плохо служил и которую теперь он оставил одну делать последнее великое усилие ради своего трона и благополучия своего сына.

Глава 17
Анубис

В тот момент положение Клеопатры было просто ужасным. Окровавленное тело ее мужа лежало распростертым на кровати, покрытое ее разорванной одеждой, которую она набросила на него. Две ее прислужницы Ирада и Хармиона, наверное, жались друг к другу в углу комнаты, били себя в грудь и стенали, как было принято у греков в таких случаях. Под открытым окном на опаленном зноем дворе собрались римляне и египтяне, и, я думаю, приставные лестницы все еще стояли у стены в том месте, где их поставили те люди, которые помогали поднимать Антония наверх к царице. Солнце, вероятно, перевалило за полдень, и комнату наверняка заливало августовское солнце, освещая беспорядок в ней и выявляя свежие пятна крови на разбросанных коврах, на которых тащили тяжелое тело умирающего. С одной стороны в комнату проникал шум волн, с другой – ушей Клеопатры достигли крики солдат Октавиана и бряцание их оружия, сообщая ей о том, что враги уже во дворце. В любой момент ее могли попросить сдаться, и, более чем вероятно, была бы предпринята попытка захватить ее в плен, проникнув через окно. Но Клеопатра решила, что никогда не станет пленницей, и, без сомнения, ясно дала понять, что любая попытка схватить ее побудит ее дать сигнал поджечь погребальный костер, который был сооружен в соседней комнате, и она умрет на нем. Плен означал для нее унижение на триумфе Октавиана и потерю трона, но, если бы она сдалась по взаимной договоренности, это могло гарантировать ей личную безопасность и продолжение ее династии. Имея это в виду, кажется вполне вероятным, что Клеопатра вооружила двух своих прислужниц и приказала отражать любое нападение через окна и велела им предупредить всех, кто пытался вскарабкаться вверх по приставным лестницам, что ее вместе с драгоценностями и другими сокровищами пламя охватит раньше, чем они доберутся до ее убежища.

Антоний умер за несколько минут до того, когда на месте действия появился Прокулей, о котором он говорил Клеопатре, прежде чем испустить последний вздох, и который от имени Октавиана потребовал у царицы принять его. Цезарь уже начал стучать в запертые двери главного входа в мавзолей, призывая Клеопатру впустить его, и эти звуки, наверное, эхом отдавались в нижнем зале и доходили до нее, стоявшей на вершине лестницы, как какой-то зловещий зов духов потустороннего мира. Но, боясь

оказаться пленницей, Клеопатра не осмеливалась отпереть Прокулею двери, даже если бы сумела откинуть тяжелые засовы, и, наверное, ходила взад и вперед рядом с телом своего мужа, мучаясь в нерешительности. Наконец она сбежала вниз по мраморной лестнице в тускло освещенный нижний зал и, стоя рядом с баррикадой, которую она соорудила с внутренней стороны двери, позвала Прокулея по имени. Он снаружи ответил Клеопатре, и таким образом они провели короткие переговоры. Она говорила, что сдастся, если получит от Октавиана обещание, что ее Египетское царство будет отдано ее сыну Цезариону, а Прокулей в ответ лишь уверял, что Октавиану следует доверять в том, что он обойдется с Клеопатрой милосердно. Это ее не удовлетворило, и вскоре римский военачальник вернулся к своему господину, оставив Клеопатру в покое до конца дня. Прокулей описал положение Клеопатры Октавиану и обратил его внимание на то, что, вероятно, будет нетрудно проникнуть в мавзолей по приставным лестницам и что, если это будет сделано быстро, Клеопатру можно схватить прежде, чем она успеет поджечь погребальный костер. Тогда Октавиан отправил Прокулея вместе с прибывшим в Александрию Корнелием Галлом, чтобы попытаться взять ее в плен. И Галл подошел прямо к дверям мавзолея и стал стучать в них, зовя царицу. Клеопатра сразу же спустилась вниз и вступила с ним в переговоры через запертую дверь. По-видимому, две ее прислужницы, желая услышать, что они говорят, оставили свой пост у окна в верхней комнате и оказались на ступенях лестницы позади нее. Как только Прокулей услышал, что царица повторяет условия своей сдачи, он подбежал к другой стороне мавзолея и, приставив лестницу, быстро взобрался по ней до окна, а вслед за ним это проделали и два других римских военачальника. Войдя в комнату, в которой царил беспорядок, он пробежал мимо мертвого тела Антония и поспешил вниз по мраморной лестнице, на нижних ступенях которой Прокулей столкнулся с Ирадой и Хармионой, а за ними в тусклом свете, проникавшем в зал, он увидел Клеопатру, стоявшую у запертой двери спиной к нему. Одна из женщин вскрикнула, когда увидела Прокулея, и крикнула своей госпоже: «Несчастная Клеопатра, ты пленница!» При этих словах царица обернулась и, увидев римского военачальника, выхватила из ножен, висевших у нее на поясе, кинжал и подняла его для удара, который должен был положить конец ее жизни, а вместе с ней всему этому ужасу. Но Прокулей оказался проворней. Он бросился на Клеопатру с такой силой, которая, наверное, отшвырнула ее к двери, и, схватив ее за запястье, заставил ее маленькую ручку выронить кинжал. Затем,

прижав руки Клеопатры к туловищу, он приказал своим людям перетряхнуть ее платье в поисках спрятанного оружия или яда. «Стыдно, Клеопатра, – сказал ей Прокулей, выговаривая за попытку убить себя, – ты поступаешь очень несправедливо по отношению к себе и Октавиану, пытаясь лишить его такой прекрасной возможности проявить свое милосердие. Ты заставила бы мир поверить, что самый человечный из полководцев оказался вероломным и безжалостным врагом». Затем Прокулей, по-видимому, приказал своим людям снять засовы и открыть двери в мавзолей, после чего Корнелий Галл со своими людьми смог помочь ему охранять царицу и двух ее прислужниц. Вскоре после этого прибыл вольноотпущенник Октавиана по имени Эпафродит с приказом обращаться с Клеопатрой со всей возможной мягкостью и вежливостью, но при этом принять строжайшие меры к тому, чтобы не дать ей причинить себе вред. Действуя согласно этим инструкциям, римские военачальники, видимо, поместили царицу под стражу в одно из верхних помещений мавзолея, тщательно обыскав его на предмет спрятанного оружия или ядов.

Перед заходом солнца Октавиан официально вступил в Александрию. Он хотел произвести впечатление на население города своим великодушием и миролюбием и поэтому взял в свою колесницу жителя Александрии, философа по имени Арей, которому симпатизировал. Когда триумфальная процессия проходила по прекрасной улице Канопус, взволнованные горожане увидели, что Октавиан держит философа за руку и разговаривает с ним самым дружеским образом. Вскоре стали распространяться слухи о том, что, когда завоеватель получил известие о смерти Антония, он пролил слезу сожаления и прочитал своим приближенным несколько гневных писем своего врага и свои спокойные ответы на них, показав этим, что ссора была ему навязана. После этого, видимо, были отданы распоряжения, запрещающие всякое насилие и грабежи, и вскоре перепуганные александрийцы отважились выйти из своих укрытий, а почти всем местным магнатам было приказано собраться в Гимнасии. Здесь, в сумерках, Октавиан обратился к ним с речью, в самом начале которой все они распростерлись перед ним на земле в подобострастных позах. Повелев им встать, Октавиан сказал им, что снимает с них всю вину, во-первых, в память о великом Александре, который основал их город, во-вторых, ради самого города, который так велик и красив, в-третьих, в честь их бога Сераписа и, наконец, чтобы порадовать своего дорогого друга философа Арея, по просьбе которого он не собирался губить много жизней.

Успокоив так жителей города, которые теперь, наверное,

приветствовали Октавиана как освободителя и спасителя, он удалился в свои покои, где, словно в издевку, издал приказ немедленно перебить тех придворных Клеопатры и Антония, которые не нравились Арею. Несчастный Антилл, сын Антония, выданный своим вероломным учителем Теодором Октавиану, был немедленно казнен в храме, возведенном Клеопатрой в честь Юлия Цезаря, где Антоний нашел убежище. Когда палач отрубил мальчику голову, Теодор ухитрился украсть драгоценный камень, который Антилл носил на шее, но кража была раскрыта, и Теодора доставили к Октавиану, который тотчас приказал распять его на кресте. Под стражу были взяты двое детей Клеопатры, Птолемей и Клеопатра Селена, которые все еще находились в Александрии. Октавиан, видимо, дал понять Клеопатре, что, если она попытается убить себя, он казнит ее двоих детей. Так он мог гарантировать себе, что она не станет лишать себя жизни, так как, по словам Плутарха, «перед этим аргументом ее намерение [убить себя] пошатнулось и ослабло».

В это время тело Антония, полагаю, готовили к погребению. И хотя мумификация по-прежнему часто практиковалась в Александрии и греками, и египтянами, не думаю, что были сделаны какие-то серьезные попытки бальзамировать труп, и, вероятно, через несколько дней он был готов к погребальной церемонии. Из уважения к умершему полководцу ряд римских военачальников и иностранных владык, которые находились при армии Октавиана, обратились с просьбой позволить им оплатить расходы по его погребению, но из уважения к пожеланиям Клеопатры тело оставили у нее, и были отданы распоряжения, чтобы ее приказания в отношении похорон неукоснительно исполнялись. И Антоний был похоронен со всей царской пышностью в гробнице, которая, вероятно, уже давно была приготовлена для него недалеко от мавзолея его жены. Клеопатра шла за ним до его могилы, трагическая, жалкая фигурка, окруженная своими причитающими придворными, и, пока жрецы курили ладан и читали соответствующие тексты, царица своими хрупкими ручками безжалостно била себя в грудь и все звала и звала умершего. В эти последние ужасные часы Клеопатра вспоминала только самое лучшее в их отношениях с Антонием, а воспоминания о многочисленных разногласиях с ним стерла из ее памяти горестная сцена смерти Антония и его последние слова к ней, когда он, стеная, лежал на ее постели. В своем крайнем одиночестве Клеопатре, наверное, теперь так сильно хотелось вновь оказаться в его жизнерадостном обществе, как в начале их совместной жизни, как вряд ли хотелось при его жизни. И ей, вероятно, действительно было трудно удержаться от того, чтобы

не покончить со своей несчастной жизнью на могиле своего умершего возлюбленного. Но угроза Октавиана в отношении детей Клеопатры удерживала ее руку; к тому же даже в своих мучительнейших страданиях она не оставляла надежды спасти Египет из когтей Рима. Ее собственная власть, она знала, кончилась, и самым лучшим концом, на который она могла надеяться, была ссылка. Все же отношение к ней Октавиана во многом указывало на то, что он склонен оставить трон ее потомкам. Клеопатра не знала, как вероломно Октавиан ведет себя по отношению к ней, как он прилагает все усилия к тому, чтобы подогреть в ее сердце надежду, желая привезти ее в Рим живой и выставить в цепях на потеху глумящейся толпе. Клеопатра не понимала, что послания к ней Октавиана – с ободрениями и даже выражениями любви – были написаны с изощренным коварством, что его энергичные уверения в отношении ее детей делались в то время, когда он, вероятно, спешно отправлял письма в Беренику, пытаясь вернуть Цезариона в Египет для того, чтобы казнить. Клеопатра не поняла характера Октавиана и поэтому все еще на что-то надеялась. Она вела удивительную игру за объединение Египта и Рима в одно огромное царство под властью своих потомков и потомков великого Юлия Цезаря и проиграла ее. Но была еще надежда, что в этом общем крушении Клеопатра сможет спасти одну ценность, с которой начинала свои действия, – трон Египта, а чтобы сделать это, она должна еще жить и мужественно переносить кошмар своей жизни.

Вернувшись после похорон в свои комнаты в мавзолее, где решила теперь остаться, Клеопатра слегла с сильной лихорадкой и так, в бреду, провела несколько дней. К тому же она страдала от сильной боли, которую вызывали воспаления и раны от тех ударов, которые она в отчаянии градом обрушивала на свое хрупкое тело. В бреду Клеопатра снова и снова издавала безутешный крик: «Меня *не будут показывать* на его триумфе!» – и постоянно умоляла дать ей умереть. Одно время она отказывалась от еды и просила своего врача, некоего Олимпа, помочь ей тихо уйти из этого мира. Но Октавиан, узнав о возрастающей слабости Клеопатры, еще раз предупредил ее, что, если она не приложит усилия к тому, чтобы жить, он не будет снисходителен к ее детям. После этого, словно пробудившись к жизни от такого давления на ее материнские инстинкты, Клеопатра стала бороться за свое выздоровление, послушно глотая лекарства и стимуляторы, которые ей давали.

Так проходили жаркие августовские дни, и наконец царица, слабая и изможденная, снова могла передвигаться. На тот момент

ей было тридцать восемь лет, и она, вероятно, утратила ту свежесть молодости, которой всегда отличалась, но ее блестящие глаза, наверное, теперь стали еще более удивительными, оттеняясь бледностью лица, а небрежно уложенные темные волосы усиливали ее трагическую красоту. Чарующий голос Клеопатры не мог утратить свою прелесть, и это неуловимое качество ее голоса могло быть усилено ее болезнью и нервным напряжением, через которое она прошла. В действительности ее личное обаяние было так велико, что Корнелий Долабелла, один из римских военачальников, чьей обязанностью было охранять ее, быстро стал ее преданным слугой и дал обещание, что будет сообщать ей о любых планах Октавиана в отношении ее, которые ему станут известны.

28 августа, когда Клеопатра лежала на маленьком убогом ложе в верхней комнате своего мавзолея, глядя, как я думаю, в безысходном отчаянии на синие воды Средиземного моря, вбежали ее прислужницы с сообщением, что к ней пришел Октавиан, чтобы засвидетельствовать ей свое уважение. Он еще ни разу не наносил визит и очень вежливо избегал Клеопатру до и во время похорон Антония; а после них она была слишком больна, чтобы принимать Октавиана. Но теперь Клеопатра выздоровела, и завоеватель неожиданно пришел, чтобы поздравить ее с этим, как этого требовал этикет. Он вошел в комнату прежде, чем царица успела подготовиться, и Плутарх пишет, что, «когда Октавиан вошел, Клеопатра вскочила с ложа, одетая лишь в одну сорочку, и бросилась к нему в ноги; ее волосы были растрепаны, а лицо искажено, голос дрожал, глаза запали и были темны. На ее груди были видны отметины от ударов, которые она наносила себе, и вся она казалась сломленной не меньше, чем ее дух. Но, несмотря на все это, ее былая привлекательность и энергия ее девичьей красоты еще отчасти оставались с ней и, несмотря на ее нынешнее состояние, по-прежнему исходили от нее и проявлялись во всех выражениях ее лица».

Образ обезумевшей царицы со спутанными волосами, упавшими на лицо, в свободной сорочке, соскальзывающей с ее белых плеч, пресмыкающейся у ног равнодушного, нездорового на вид человека, несколько смущенно стоящего перед ней, вероятно, должен мучить разум историка, который следил за ходом военных действий Клеопатры против представителя Рима. Но все же в этой сцене мы можем разглядеть ее, лишенную царских официальных аксессуаров, которые часто делали Клеопатру более импозантной и внушающей благоговение, чем на самом деле. Она была, в сущности, женщиной, а теперь, находясь

в слабом физическом состоянии, действовала точно так же, как могла бы повести себя в подобных обстоятельствах любая другая представительница ее пола в крайнем возбуждении. Всегда удивлявшее современников мужество почти покинуло Клеопатру, а ее настойчивость в достижении цели рухнула вместе с крушением всех ее надежд. Клеопатру часто называли расчетливой женщиной, которая прожила свою жизнь в умышленном и эгоистичном сладострастии и которая приняла смерть с несгибаемым достоинством. Но, как я уже пытался показать в этой книге, характер царицы был по сути своей женским – Клеопатра была перенапряжена и подвержена быстрым переменам настроения от радости до отчаяния. И хотя египетская царица была проницательной, независимой и бесстрашной, она никогда не была женщиной, полностью уверенной в своих силах, и в обстоятельствах, которые описываются здесь, мы получаем представление о ее характере и видим, что она могла отчаянно нуждаться в помощи и сочувствии других людей.

Октавиан поставил Клеопатру на ноги и, доведя до постели, сел рядом. Сначала она говорила с ним сбивчиво, оправдывая свои действия в прошлом и приписывая некоторые свои поступки, такие как, я полагаю, укрытие в мавзолее, своему страху перед Антонием. Но когда Октавиан указал Клеопатре на расхождения в ее высказываниях, она больше не делала попыток оправдать свое поведение, умоляя его только не отнимать трон у ее сына и говоря ему, что она охотно будет жить, если только он гарантирует ей безопасность ее страны и династии и будет милосердным к ее детям. Затем, встав с постели, она принесла Октавиану несколько писем, написанных ей Юлием Цезарем, а также один или два его портрета, написанных для нее при его жизни. «Ты знаешь, – сказала она, – сколько времени я была с твоим отцом (Октавиан, внучатый племянник Гая Юлия Цезаря и до 44 г. до н. э. носивший имя Гай Октавий, был по завещанию Юлия Цезаря усыновлен и с 44 г. до н. э. стал Гаем Юлием Цезарем Октавианом (а с 27 г. до н. э., после описываемых событий, императором Цезарем Августом). – *Ред.*) и что именно он возложил корону Египта на мою голову, но, чтобы ты узнал кое-что о его личных делах, пожалуйста, прочти эти письма. Все они адресованы мне и написаны его собственной рукой».

Вероятно, Октавиан пролистал письма не без любопытства, но, по-видимому, не проявил желания читать их; и, видя это, Клеопатра вскричала: «Что пользы мне от этих писем? Но я снова будто вижу его в них живым!» Мысль о своем былом возлюбленном и друге и воспоминания, навеянные ей письмами и портретами, наверное, лишили ее присутствия духа, и, будучи в

таком взвинченном и слабом состоянии, она теперь совершенно потеряла самообладание. Было слышно, как она вскрикивает между рыданиями: «О господи, как я хочу, чтобы ты был жив», словно обращаясь к Юлию Цезарю.

Октавиан, видимо, утешил ее, как мог, и наконец она, видимо, согласилась, что в обмен на его милосердие она полностью отдастся его власти и безоговорочно передаст ему все свое имущество. Один из управляющих Клеопатры, по имени Селевк, в это время ожидал в мавзолее ее распоряжений, и она приказала ему передать Октавиану список драгоценностей и ценных вещей, который они вместе недавно составили и который теперь лежал вместе с другими бумагами в ее комнате. Селевк, видимо, прочел этот документ Октавиану, но, желая втереться в доверие к новому господину и полагая, что за верность Клеопатре ему уже не платят, добровольно сообщил, что некоторые предметы не были включены в список и что царица нарочно утаивает их для себя. При этих словах Клеопатра вскочила с постели и, бросившись на пораженного управляющего, схватила его за волосы, стала таскать его за них и в ярости била его по лицу. Она была так возмущена и взвинчена, что вполне могла нанести этому человеку какое-нибудь серьезное увечье, если бы Октавиан, который не мог удержаться от смеха, не удержал Клеопатру и не отвел ее назад к постели. «Правда, это очень тяжело, – воскликнула она, обращаясь к своему гостю, – когда ты оказываешь мне честь и приходишь навестить меня в таком положении, а мой собственный слуга меня обвиняет в том, что я не учла в списке некоторые женские безделушки. Можешь быть уверен, я сделала это не для того, чтобы украсить ими себя в своем несчастье, а чтобы сделать тебе, твоей сестре Октавии и твоей жене Ливии небольшие подарки и благодаря их заступничеству надеяться расположить тебя к тому, чтобы проявить милосердие».

Октавиан был рад слышать от нее такие слова, так как это, по-видимому, означало, что она полна желания продолжать жить, а он очень был озабочен этим отчасти, как я уже сказал, для того, чтобы испытать чувство удовлетворения, демонстративно проведя Клеопатру в цепях по улицам Рима, а отчасти, наверное, для того, чтобы продемонстрировать после этого свое милосердие и уважение к памяти покойного диктатора, даровав ей жизнь. Поэтому Октавиан сказал Клеопатре, что она может распоряжаться этими ювелирными изделиями по своему усмотрению, и, пообещав, что его обращение с ней будет милостивым сверх всяких ожиданий, он закончил свой визит, удовлетворенный тем, что завоевал доверие Клеопатры и обманул

ее. Однако в этом он ошибся, и сам был обманут ею.

Из его слов и манеры себя вести Клеопатра поняла, что Октавиан хочет выставить ее на всеобщее обозрение в Риме и не собирается позволить ее сыну Цезариону править вместо нее, а, напротив, нацелился захватить Египет для Рима. Ничуть не успокоив Клеопатру, эта беседа оставила в ней уверенность в том, что судьба ее династии решена окончательно. Она уже отчетливо видела, что не осталось ничего, ради чего стоило бы жить. Вскоре к Клеопатре пришел гонец от Корнелия Долабеллы и сообщил ей секретную весть: увидев, что она уже оправилась от болезни, Октавиан решил отправить ее в Рим вместе с ее двумя детьми через три дня или даже меньше. Возможно также, Долабелла уже сообщил ей, что у ее сына Цезариона нет никакой надежды, потому что Октавиан решил убить его, как только тот окажется в его руках, понимая, что неразумно оставлять в живых человека, претендующего на звание законного наследника Великого диктатора.

Услышав об этом, царица решила убить себя немедленно, так как ее отчаяние было таково, что сам факт существования стал для нее невыносим. Мысленно Клеопатра, вероятно, рисовала себе картину триумфа Октавиана в Риме, на котором она со своими детьми будет фигурировать в качестве главных экспонатов. Ее поведут в цепях на Капитолий точно так же, как ее сестру Арсиною во время триумфа Юлия Цезаря. И в своем воображении она уже слышала издевки и гул голосов римлян, которые не забудут напомнить Клеопатре ее хвастливые слова о том, что однажды она будет вершить царский суд на том самом месте, где ей придется терпеть унижения. Эта мысль, которая сама по себе была невыносима, соединилась с уверенностью в том, что, если она продлит свою жизнь, ей придется также пережить удар от жестокой смерти ее любимого сына, так как его гибель уже казалась неизбежной.

Поэтому, приняв решение, Клеопатра послала записку Октавиану, спрашивая разрешения посетить место погребения Антония, чтобы сделать обычные жертвоприношения его духу. Такое разрешение ей было дано, и на следующее утро, 29 августа, ее в сопровождении прислужниц отнесли на паланкине к могиле Антония. Оказавшись на месте, она бросилась на могильный камень и обняла его, охваченная горем. «О любимый Антоний, – вскричала она сквозь слезы, текущие по ее лицу, – не много прошло времени с тех пор, когда я вот этими руками похоронила тебя. Тогда они были свободны; теперь я пленница, и я отдаю тебе последний долг, находясь под стражей, так как враги боятся, что мое естественное горе и печали ослабят мое жалкое тело и

сделают его негодным для того, чтобы быть выставленным на всеобщее обозрение во время триумфа в честь победы над тобой. Не жди больше от меня жертвоприношений, Антоний; это – последние почести, которые Клеопатра сможет воздать твоей памяти, потому что ее спешно увозят от тебя. Ничто не могло разлучить нас, пока мы были живы, но смерть угрожает нам разлукой. Ты, римлянин по рождению, нашел могилу в Египте, а я, египтянка, должна искать только этой милости, и никакой другой в твоей стране. Но если боги там, под землей, с которыми ты теперь пребываешь, могут или захотят сделать что-нибудь для меня, раз уж те, которые на небесах, предали нас, не позволяй им покинуть твою живущую супругу, не допусти, чтобы меня вели во время триумфа над твоим бесчестьем. Спрячь, спрячь меня, похорони меня здесь, с собой. Ведь из всех моих жестоких несчастий не было ни одного столь же ужасного, как это короткое время, которое я жила вдали от тебя».

Некоторое время она лежала на надгробии, страстно целуя его; все ее прошлые ссоры с умершим были забыты, вытесненные желанием быть с ним теперь в этом ее одиночестве, и лишь ее былая любовь вспоминалась Клеопатре в этом смятении чувств. Потом она встала, положила на могилу венки из цветов, села в паланкин, и ее унесли назад в мавзолей.

Как только она прибыла туда, она приказала приготовить ей ванну. Ее вымыли, натерли благовониями, волосы тщательно уложили в прическу, и она легла на ложе и вкусила великолепных блюд. После этого она написала короткое письмо Октавиану, прося похоронить ее в одной могиле с Антонием, и, отправив его, она приказала всем покинуть мавзолей, за исключением Хармианы и Ирады, будто бы не желая, чтобы ее беспокоили во время дневного отдыха. Затем двери заперли, и часовые встали на постах снаружи, как обычно.

Когда Октавиан прочел письмо, которое принес ему посланец Клеопатры, он сразу же понял, что случилось, и поспешил к мавзолею. Но, передумав, он вместо себя послал своих военачальников, которые, прибыв на место, увидели, что часовые ничего не понимают. Взломав дверь, они взбежали по лестнице в комнату наверху, и сразу же их худшие страхи оправдались. Клеопатра, уже мертвая, лежала распростертая на своем золотом ложе, одетая в парадное царское греческое платье, в убранстве из всех своих царских драгоценностей и царском венце Птолемеев на челе. На полу у ее ног испускала свой последний вздох Ирада, а Хармиана, едва стоявшая на ногах, пыталась поправить корону на голове царицы.

Один из римских военачальников сердито воскликнул:

«Хармиана, хорошо поступила твоя госпожа?» Хармиана, держась за царское ложе, повернула к говорившему свое мертвенно-бледное лицо. «Очень хорошо, – задыхаясь, сказала она, – как и подобает наследнице стольких царей»; и с этими словами она упала замертво рядом с царицей.

Отправив гонцов, чтобы сообщить Октавиану о трагедии, римские военачальники, видимо, немедленно провели расследование причин этих смертей. Сначала часовые не могли ничего сказать, но наконец выяснилось, что в мавзолей был впущен крестьянин с корзиной винных ягод; и часовые решили, что фрукты предназначены для стола царицы. Солдаты заявили, что поднимали листья, которыми были прикрыты фрукты, и отметили отличное качество ягод, на что крестьянин засмеялся и предложил им взять несколько штук, но они отказались. Возможно, было известно, что Клеопатра хотела умереть от укуса ядовитой змеи, и поэтому все решили, что одну из этих небольших змеек ей могли принести, спрятав ее под инжиром. Стали искать змею, и один из солдат сказал, что он, кажется, видел на песке след змеи, ведущий от мавзолея в сторону моря. Теперь слуга, который впустил крестьянина, сообщил о том, что, когда Клеопатра увидела фрукты, она воскликнула: «Ну, вот она!» – факт, который свидетельствовал в пользу этой теории. Другие предположили, что змею в течение нескольких дней держали наготове в сосуде и что царица в конце концов раздразнила ее настолько, что та ужалила ее. Осмотр тела ничего не показал, за исключением двух маленьких отметин на руке, которые, вполне возможно, остались от укуса змеи. С другой стороны, было высказано предположение о том, что царица могла носить яд в полости гребня для волос или каком-нибудь другом предмете вроде этого. И эта версия, вероятно, получила некоторую поддержку благодаря тому факту, что смертей было три.

Вскоре, видимо, прибыл Октавиан и немедленно послал за знахарями змеиных укусов *psylli* (псиллы – североафриканское племя, жившее к юго-западу от залива Большой Сирт [Сидра], славившееся искусством заклинания змей и лечения от их укусов. – *Ред.*), чтобы они отсосали яд из раны, но они пришли слишком поздно и не смогли спасти Клеопатру. И хотя Октавиан выразил огромное разочарование ее смертью, он не смог удержаться от восхищения перед способом, которым Клеопатра ее добилась. Лично он, по-видимому, склонялся к той версии, что ее конец наступил от укуса змеи, и позднее, во время своего триумфа, приказал, чтобы всем было продемонстрировано изображение Клеопатры со змеей, обвившей ее руку. И хотя совершенно невозможно с уверенностью утверждать, как все

произошло, нет причины возражать против широко принятой сейчас версии о том, что змея была принесена Клеопатре в корзине с винными ягодами. Я не сомневаюсь в том, что у царицы имелись и другие яды, которыми, наверное, воспользовались две ее верные прислужницы. И следует понимать, что к идее с корзиной ягод – если она вообще верна – Клеопатра прибегла лишь для того, чтобы самой умереть тем способом, который прельстил ее благодаря проведенным экспериментам.

Октавиан распорядился, чтобы царицу похоронили со всеми почестями рядом с Антонием, как она того пожелала. По-видимому, Октавиан отправил гонцов в Беренику, порт на Красном море (называлось тогда Аравийским заливом), пытаясь не допустить отъезда Цезариона в Индию, ведь он, без сомнения, слышал о том, что молодой человек решил оставаться в том городе до самого последнего момента. Наставник Цезариона Родон порекомендовал ему довериться Октавиану, и по его совету они возвратились в Александрию, куда прибыли, вероятно, вскоре после смерти Клеопатры. Октавиан приказал немедленно казнить Цезариона, оправдывая этот шаг тем, что *двум Цезарям* опасно находиться вместе в мире. Так умер последний фараон Египта из рода Птолемеев, сын и единственный настоящий наследник великого Юлия Цезаря. Двое других детей, которые оставались во дворце, Птолемей и Клеопатра Селена, с первой оказией были отправлены в Рим, а в Мидийскую Атропатену, видимо, были посланы гонцы, чтобы завладеть Александром Гелиосом, который, как мы уже видели, вероятно, отправился туда ранее.

По моему мнению, Октавиан теперь решил вступить во владение Египтом лично. Он не хотел вызвать в стране революцию, провозгласив ее римской провинцией. Он, видимо, оценил непрерывные усилия Клеопатры и ее подданных, направленные на то, чтобы предотвратить ассимиляцию своей страны таким образом. Поэтому он решил действовать по-другому. Не коронуясь как действительный царь Египта, Октавиан стал им по молчаливому согласию египетских жрецов. На самом деле он, видимо, заявил, что является наследником трона Птолемеев. Юлий Цезарь был признан в Египте супругом Клеопатры, а он, Октавиан, был приемным сыном и наследником Цезаря. Устранив троих детей Клеопатры, он стал законным претендентом на египетский трон. Египтяне сразу же приняли его как своего монарха, и на стенах их храмов мы постоянно находим его имя, написанное иероглифами: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Солнца, вечно живущий Цезарь, любимый Птахом и Исидой». Октавиан также носил титул диктатора, который он взял у Антония и который в египетских надписях считался чем-то

вроде наследного царского имени и вписывался в картуш фараона. Таким образом, преемники Октавиана (с 27 г. до н. э. – Цезаря Августа), римские императоры, становились последовательно царями Египта, словно возглавляя правящую династию; и каждого императора при восхождении на римский трон приветствовали как монарха Египта, а во всех египетских надписях его называли фараоном и Сыном Солнца. Поэтому египтяне, делая уступку Октавиану, стали считать себя не вассалами Рима, а подданными своего собственного царя, который одновременно был римским императором. Таким образом, обрела существование великая египетско-римская империя, за которую и боролась Клеопатра. Всех римских императоров стали признавать в Египте не как правителей иностранной империи, частью которой являлся Египет, а как *настоящих фараонов египетских владений, частью которых был Рим*.

Ушли в небытие древние династии Аменофиса (греческая транскрипция имени Аменхотеп; в XVIII династии было четыре Аменхотепа. Наиболее известны Аменхотеп II, при котором завоевательная политика Египта достигла высшего развития (фараон в 1491–1465 или около 1440 – около 1415 гг. до н. э.); Аменхотеп III (фараон около 1405–1367 гг. до н. э.), соорудивший храм Амона-Ра в Луксоре и заупокойный храм (колоссы Мемнона – статуи этого фараона); Аменхотеп IV (Эхнатон) – реформатор, который пустил по ветру достижения предшественников, сильно ослабив Египет. – *Ред.*), Тутмоса, Рамсеса, Псамметиха и многие другие. А теперь точно так же наступил конец дома Птолемеев, и трон Египта оказался занятым династией Цезарей. Эта династия и так поставляла Риму монархов (династия Юлиев-Клавдиев пресеклась в 68 г. до н. э. – *Ред.*), а тот факт, что египтяне назвали Октавиана царем Египта немного раньше, чем он был признан императором в Риме, придал в глазах тщеславных египтян трону империи некое фараоново начало. Обычно считалось и считается, что Египет стал провинцией Рима. Но Октавиан устроил так, чтобы этой страной правил *praefectus*, который должен был действовать как его наместник, и сохранил в своей личной собственности большую часть доходов Птолемеев. И если в Риме считалось, что царство Клеопатры присоединилось к римским владениям, в Египте все понимали, что страна осталась по-прежнему монархией.

Октавиан относился к памяти царицы с уважением, раз уж он продолжал ее династию, и не позволял уничтожать ее статуи. Однако все великолепные сокровища египетской царицы – золотая и серебряная посуда и украшения – были переплавлены и

обратились в деньги, которые шли на выплату жалованья римским солдатам. Царские земли были захвачены, дворцы в основном разграблены, и, когда весной 29 г. до н. э. Октавиан возвратился в Рим, он стал сказочно богатым человеком.

13, 14 и 15 августа того же года были отпразднованы три великих триумфа: первый день был посвящен завоеваниям в Европе, второй – битве при Акции, а третий – победе над Египтом. Статую Клеопатры со змеей, обвившей ее руку, провезли по улицам столицы, а двух плененных близнецов царицы, Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, заставили идти пешком в этой процессии. По улицам везли образы, олицетворяющие Нил и Египет, а на триумфальных повозках лежали огромные груды интересных трофеев. Поэт Проперций рассказывает нам, как ему виделись «шеи царей в золотых цепях и флот Акция, плывущий вверх по Виа Сакра (улица, по которой проходили триумфальные шествия в Риме. – *Пер.*)». Все были воодушевлены, и со всех сторон слышались уничижительные слова в адрес Клеопатры. Гораций в своей замечательной оде выразил общие чувства и осудил несчастную царицу как врага Рима. На Октавиана градом посыпались почести, а вскоре после этого ему был дан титул Август, и его стали называть *Divi filius* как наследника *Dicus Julius*. Он получал удовольствие, прославляя память Великого диктатора, которого теперь считали одним из богов римского мира. И вот важный факт: Октавиан Август возродил и изменил луперкалии, тем самым каким-то образом отдавая дань уважения Цезарю.

Тем временем трое детей Клеопатры и Антония обрели убежище, которое им великодушно предоставила в своем доме Октавия, брошенная жена Антония. С тактом, достойным восхищения, Октавия, видимо, настояла на таком решении этого непростого вопроса – что же с ними делать. Их казнь вызвала бы глубокое возмущение египтян, а так как Октавиан теперь являлся законным наследником трона Египта и династическим преемником Клеопатры, а не иностранным узурпатором, было очень хорошо, что его собственная сестра стала заботиться об этих членах царской семьи. Октавия, всегда кроткая и послушная долгу, благородно взяла на себя такую заботу и, вероятно, была неизменно добра к этим детям своего неверного мужа и воспитывала их вместе со своими двумя дочерьми, Антонией Старшей и Антонией Младшей, и Юлием Антонием, вторым сыном Антония и Фульвии и братом казненного Антилла. Когда маленькая Клеопатра Селена выросла, она вышла замуж за царя Нумидии Юбу, образованного монарха, который позднее стал царем Мавретании. Сына от этого брака назвали Птолемеем, и он

стал преемником на троне своего отца приблизительно в 19 г. до н. э. Его убил Калигула, который по превратности судьбы тоже был потомком Антония. Мы не знаем, что стало с Александром Гелиосом и его братом Птолемеем. Тацит рассказывает нам, что Антоний Феликс, прокуратор Иудеи при императоре Нероне, женился (вторым браком) на Друзилле, внучке Клеопатры и Антония, которая, вероятно, была еще одной представительницей Мавретанской династии. Октавия умерла в 11 г. до н. э. Сын Антония Юлий Антоний во 2 г. до н. э. был казнен за безнравственную связь с дочерью Октавиана Юлией, а она сама была сослана на бесплодный остров Пандатерию. Сам Октавиан Август, покрытый славой, умер в преклонном возрасте (родился в 63 г. до н. э.) в 14 г. н. э., а его наследником на тронах Египта и Рима стал его пасынок Тиберий.

В последние годы правления Октавиана, или Августа, как называли с 27 г. до н. э., влияние Александрии на жизнь Рима ощущалось в удивительной степени. Оно настолько изменило жизнь в столице, что можно было подумать, что дух умершей Клеопатры воцарился на троне, на который она так стремилась взойти. Ферреро (Ферреро Гульельмо, 1871–1942; итальянский историк, социолог и публицист. Основной труд по истории – «Величие и падение Рима» [5 тт. 1902–1907. Русский перевод 1915–1923], охватывающий период от братьев Гракхов до смерти Августа. – *Ред.*) доходит до того, что высказывает предположение, что основные представления о великолепии монархического правления и пышной утонченности Востока, которые теперь получили развитие в Риме, обязаны своим появлением прямому влиянию Александрии и, наверное, в чем-то и тому, что новые императоры изначально были царями Египта. Художники и ремесленники из Александрии массово перебирались в Италию, а сотни римлян, которые захватили поместья в Египте, часто ездили в эту страну по делам и, не сознавая того, знакомились с его искусством и ремеслами. Александрийскую скульптуру и живопись можно было увидеть на каждой вилле, а поэтические и прозаические произведения александрийской школы читали все светские люди. Каждый римлянин хотел нанять александрийских мастеров, чтобы украсить свой дом; все учились манерам и изяществу у греческих египтян (точнее – египетских греков. – *Ред.*). Старый аскетизм уступил под напором жизнелюбия подданных Клеопатры (с этого и начался постепенно развал основ, на которых создавалась Римская держава. – *Ред.*).

Так что можно сказать, что египетско-римская империя, о которой мечтала Клеопатра, стала реальным фактом с разницей лишь в том, что ее монархи вели свой род от Октавиана,

внучатого племянника Цезаря, а не от Цезариона, его сына. Но, несмотря на то что Египет и Александрия сыграли определенную роль в создании римской монархии, память о Клеопатре, благодаря замыслам и энергии которой и развилась эта новая жизнь, с каждым годом подвергалась все большему поношению. Она стала врагом этого «овосточившегося» Рима, который по-прежнему считал себя западным; а борьбу Клеопатры с Октавианом вспоминали как губительный кризис, через который прошли сторонники Цезарей. Египетскую царицу осыпали оскорблениями, о ее распущенности придумывали небылицы. Именно на этом непрочном фундаменте основывается оценка личности Клеопатры в современном мире, и каждому, кто изучает этот отрезок истории, следует с самого начала своих изысканий избавиться от тех впечатлений, которые он получит из нечистых источников. Вычеркнув из своей памяти язвительные слова Проперция (Секст Проперций, ок. 49 – ок. 15 до н. э.; римский поэт-лирик) и жестокие строки Горация, написанные в великой радости по поводу окончания войны, которая подвергла опасности его небольшое загородное поместье, читатель получит возможность судить о том, следует ли считать интерпретацию личности Клеопатры и ее действий, которые я представил на его рассмотрение, чрезмерно снисходительной и правильно ли я распорядился милосердной привилегией историка, защищая часто одинокую и очень измученную женщину, которая всю свою жизнь боролась за исполнение великолепного патриотического замысла и умерла так, как «подобает потомку столь многих царей».

Приложения

Приложение 1

Письмо Антония к Октавиану, которое Артур Вейгалл назвал непристойным, появляется у Светония (Светоний Транквилл, ок. 70–160; римский историк) в «Жизнеописаниях двенадцати цезарей» (от Юлия Цезаря до Домициана); ему предшествуют другие обвинения, выдвинутые против Октавиана диктатором Востока или его соратниками.

Марк Антоний упрекал Октавиана в том, что тот заслужил выбор своего двоюродного деда Юлия Цезаря тем, что был для него проституткой; а брат Марка Антония Луций утверждал, что Октавиан – после своих гомосексуальных контактов с Цезарем – также унизился в Испании ради Аула Гирция, получив плату – 300 сестерциев. Еще одно обвинение состояло в том, что Октавиан прижигал ноги разогретой ореховой скорлупой, чтобы на них не росли волосы, уподобляя себя женщине. К тому же в Риме во время театрального сезона все зрители посчитали нападкой на Октавиана (которой они весьма энергично аплодировали) стихи об оскопленном жреце Богини-матери, прочитанные на сцене под барабанный бой:

> Узри, как жалкий палец извращенца правит миром!
> (*Videsne, iut cinaedus orbem digito temperat*!)

Кроме неприлично поспешной женитьбе на Ливии (которая тогда была беременной), Марк Антоний обвинил Октавиана в том, что тот на его собственных глазах насильно увел жену бывшего консула из столовой в спальню и вернул ее к столу со спутанными волосами и пылающими ушами. Он заявил, что Октавиан развелся со Скрибонией, потому что она слишком явно горевала по поводу того влияния, которое оказывала на него его любовница; что друзья Октавиана были его сводниками: они срывали одежды с замужних женщин и девушек, достигших брачного возраста, и осматривали их, как работорговец Тораний, готовящий свой товар к продаже.

Антоний также написал Октавиану следующее письмо личного содержания – еще в то время, когда они не испытывали друг к другу ни неприязни, ни вражды:

«Отчего в тебе такая перемена? Оттого, что я сплю с царицей [Клеопатрой]? Она моя жена. Разве я недавно начал делать это или тому уже девять лет? А ты на самом деле спишь только с Друзиллой? Пусть тебе повезет, если к тому моменту, когда ты

прочтешь это письмо, ты также не переспишь с Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титисенией, или со всеми ними сразу. Разве имеет значение, где или с кем ты спишь?»

(«*Quid te mutavit? Quod reginam ineo? Uxor mea est. Nunc coepi an abhinc annos novem? Tu deinde solam Druisillam inis? Ita valeas, uti tu, hanc epistulam cum leges, non inieris Tertullam aut Terentullam aut Rufillam aut Salviam Titiseniam aut omnes. An refert, ubi et in qua arrigas*?»)

Приложение 2

Способ, которым приняла смерть Клеопатра, обсуждали на протяжении веков и описывали поэты от Горация до наших дней. Их всех писателей древности вопрос о смертельной силе змеиного укуса и предполагаемом использовании его Клеопатрой при сведении счетов с жизнью лучше всего разрешил Элиан (Элиан Клавдий, годы рождения и смерти неизвестны; римский писатель и ритор II – начала III в., писал на греческом языке. Сохранились, в частности, «О природе животных» [в 17 книгах], «Пестрые истории» и др. – *Ред.*), который в своей работе «О природе животных» написал следующее:

«Мы полагаем, что чрезвычайно трудно обнаружить проявления или следы змеиных укусов, а змеиный яд считаем удивительно сильно– и быстродействующим. Когда ядовитая змея делает укус, яд не остается на поверхности кожи, а незаметно проникает через поры тела и попадает глубоко в жизненно важные органы. Таким образом, мы можем понять, почему придворные Октавиана не смогли быстро определить тот способ, который выбрала Клеопатра, чтобы уйти из жизни. Позднее тайна ее смерти была разгадана, когда они заметили два крошечных прокола, которые было чрезвычайно трудно увидеть или распознать. К тому же змея оставила свой след на песке, а те, кто был знаком с повадками этих существ, поняли, что без змеи тут не обошлось» (т. 9, с. 61).

«Такой выбор Клеопатрой способа своего ухода из жизни был основан на научных наблюдениях, которые она проводила в то время, когда были распространены суеверия и не хватало знаний о природных явлениях.

Клеопатра решила, что укус ядовитой змеи является безболезненным, так как, когда Август приближался к Александрии, она спрашивала на своих пирах о том, какая смерть повлечет за собой наименьшие страдания. Люди, которые получали раны, сказали ей, что смерть от меча вызывает боль; смерть от яда означает сильное физическое недомогание с судорогами и мучительными болями в желудке; но смерть от укуса змеи – легкая» (т. 9, с. 11).

Приложение 3

Из всех историй, рассказанных об огромном научном любопытстве и интересе Клеопатры, наверное, самым необычным является та, которая обычно ускользала от глаза историка. Она изложена в Талмуде (Ниддах, 30б) и повествует об экспериментах, которые она проводила, чтобы определить, в какой момент плод в утробе обретает форму и становится эмбрионом, наверное, для того, чтобы установить, когда реально зарождается человек путем вхождения в него души.

Тогда сказал Измаил: «О Клеопатре, греческой царице, рассказывают, что, когда ее служанки были приговорены к смерти, их подвергли испытанию, и выяснилось, что мужской эмбрион был уже полностью сформирован на сорок первый день, а женский – на восемьдесят первый». Они ответили: «Никто не приводит доказательств от глупцов. В чем причина? Возможно, что служанка с женским эмбрионом отложила половую связь на сорок дней, и только тогда произошло зачатие». И Измаил сказал: «Их посадили под стражу». И раввины ответили: «Никакой сторож не помешает непристойности; надзиратель сам мог иметь с ними половые сношения. Но разве может быть, чтобы в случае проведения хирургической операции на сорок первый день женский эмбрион также оказался бы полностью сформированным, подобно мужскому?» Измаил ответил: «Они были одинаковыми, что касается этих отличительных признаков».

Приложение 4

Рим вздохнул с облегчением, когда умерла эта женщина, которая – единственная со времени смерти Ганнибала – заставила его себя страшиться. Победа Октавиана в сражении при Акции и смерть Клеопатры были встречены хвалебными и радостными песнями величайших поэтов и ораторов того времени. В качестве примера такого материала пропагандистского характера я привожу поэму, написанную Проперцием, в переводе Х.Э. Батлер:

«Почему я должен рассказывать о той, которая за последние годы осыпала нас оскорблениями, об этой женщине, которая находила себе любовников даже среди своих рабов и заявляла, что стены Рима и сената подчинены ее тирании – это плата от ее подлого любовника [Марка Антония]? Преступная Александрия, искусная в коварстве, и Мемфис, который столь часто покрывался кровавыми пятнами нашего горя, где пески лишили Помпея трех его триумфов! Ты никогда не смоешь с себя это пятно, о Рим!

Царица-шлюха с непристойной улицы Канопус, единственный позор, навлеченный на Рим родом Филиппа [отец Александра Македонского], осмелилась противопоставить лающего Анубиса нашему римскому Юпитеру, заставить Тибр терпеть угрозы Нила, заменить римскую трубу гремящим систром, преследовать либурну на баркасе с шестом, расстилать свои непотребные занавеси на скале Тарпеи и выносить приговоры рядом с гербом и статуями Мария. Город, расположенный на семи холмах, царь мира, устрашился женской силы и ее угроз! Зачем ломал копья Тарквиний, благородная жизнь которого дала ему прозвище «гордый», если мы должны терпеть тиранство женщины? Ликуй, Рим, и, спасенный от гибели, проси долгой жизни Августу! Ты улетела, о царица, к блуждающим водам робкого Нила! Твои руки узнали цепи Рима. Я видел ее руки с укусами священных змей, я видел, как ее члены погрузились в вечный сон, когда их яд начал тайно действовать. «Тебе не нужно было бояться, Рим, когда такой гражданин мог встать на твою защиту!» – такие слова произносил даже тот язык, который заплетался от выпитого вина».

Приложение 5

Никакое произведение о жизни Клеопатры не может обойтись без хотя бы одного отрывка из самого поэтичного произведения Шекспира, полного огромного понимания женской психологии, – «Антония и Клеопатры». Наверное, никто не понял движения души и характер великой царицы так хорошо, как мужчина, рожденный через 1600 лет после ее смерти. Вот финальная сцена из его несравненной трагедии (в переводе М. Донского):

К л е о п а т р а.
Порфиру мне подай. Надень корону.
Бессмертие зовет меня к себе.
Итак, вовеки виноградный сок
Не смочит этих губ. Поторопись!
Я слышу, как зовет меня Антоний, —
Я вижу, он встает навстречу мне,
Поступок мой отважный одобряя.
Смеется он над Цезаревым счастьем;
Ведь счастье боги нам дают затем,
Чтобы низвергнуть после за гордыню.
Иду, супруг мой! Так назвать тебя
Я мужеством завоевала право.
Я воздух и огонь; освобождаюсь
От власти прочих, низменных стихий.
Готово все? Тогда прошу, примите
От губ моих последнее тепло.
Прощайте! Дорогая Хармиана!
Моя Ирада!

(Целует их. Ирада падает и умирает.)

Что это? Мертва!
Иль на моих губах змеиный яд?
И так легко ты распростилась с жизнью,
Что, верно, смерть – та сладостная боль,
Когда целует до крови любимый.
Безмолвно ты ушла, нам показав,
Что этот мир прощальных слов не стоит.

Х а р м и а н а.
О туча, ливнем разразись, чтоб я
Могла сказать, что сами боги плачут!

К л е о п а т р а.
О стыд! Ее Антоний встретит первой,
Расспросит обо всем и ей отдаст
Тот поцелуй, что мне дороже неба.

(Прикладывает змею к своей груди.)

Что ж, маленький убийца, перережь
Своими острыми зубами узел,
Который так запутала судьба.
Ну, разозлись, глупышка, и кусай.
Ах, если б ты владела даром слова,
Ты назвала бы Цезаря ослом:
Ведь мы с тобой его перехитрили!

Х а р м и а н а.
Звезда Востока!

К л е о п а т р а.
Тише, не шуми,
Не видишь, грудь мою сосет младенец.
Он усыпит кормилицу свою.
Яд сладок-сладок,
Он, как успокоительный бальзам,
Как нежный ветерок —
О, мой Антоний!
Иди и ты ко мне, вторая змейка.

(Прикладывает вторую змею к своей руке.)

Зачем мне жить…

(Умирает.)

Хронологическая таблица

69 г. до н. э. – у Птолемея XI Авлета родилась Клеопатра;

59 г. до н. э. – в Риме Цезарь объявил изгнанного Птолемея Авлета царем Египта;

58 г. до н. э. – дядя Клеопатры совершает самоубийство на Кипре; ее отец изгнан из Рима;

55 г. до н. э. – Марк Антоний, как легат Габиния, помогает Птолемею XI Авлету возвратить ему трон Египта и знакомится с Клеопатрой, которой 14 лет;

51 г. до н. э. – Птолемей XI Авлет умирает; Клеопатра выходит замуж за своего брата Птолемея XIII и начинает править как Клеопатра VII;

48 г. до н. э. – египтяне (в основном александрийские греки) объединяются с ее братом, чтобы свергнуть Клеопатру с трона за защиту интересов коренного населения Египта; советники Птолемея убивают и обезглавливают Помпея; Цезарь высаживается в Египте и влюбляется в Клеопатру;

48–47 гг. до н. э. – гражданская война, в ходе которой Цезарь наносит поражение египтянам; Птолемей XII тонет в Ниле; Цезарь выдает Клеопатру замуж за ее десятилетнего брата Птолемея XIII и отдает Египет под ее правление;

47 г. до н. э. – Цезарь и Клеопатра плывут вниз по течению Нила, посещая египетские святыни; у них рождается сын Цезарион;

46–44 гг. до н. э. – Клеопатра следует за Цезарем в Рим, живет на его вилле на другом берегу Тибра, внушает ему

желание завоевать Парфию и Индию и перенести столицу из Рима на Восток;

44 г. до н. э. – убийство Цезаря 15 марта; Клеопатра возвращается в Египет с их сыном, его единственным законным наследником, которого она делает своим соправителем как Птолемея XIV;

41 г. до н. э. – Клеопатра едет в Тарс, чтобы соблазнить Антония, который теперь стал владыкой римского Востока; Антоний следует за ней в Александрию, где у них начинается роман, и они предаются бесчисленным оргиям;

40 г. до н. э. – несмотря на рождение близнецов, Антоний покидает Клеопатру и женится на сестре Октавиана Октавии, чтобы укрепить свое политическое положение;

37 г. до н. э. – Антоний возвращается к Клеопатре и женится на ней; он дарит ей обширные территории, вызывая беспокойство и зависть в Риме;

34 г. до н. э. – Антоний празднует римский триумф в Александрии после своей победы над Арменией; он и Клеопатра провозглашают новую Восточную империю, а самих себя – Геркулесом и Афродитой, богом и богиней;

33 г. до н. э. – Октавиан готовится к войне с Антонием и Клеопатрой, развертывая широкомасштабную пропаганду против Клеопатры и «угрозы с востока»;

32 г. до н. э. – под давлением Клеопатры и своих сподвижников в Риме Антоний разводится с Октавией; римляне объявляют Клеопатре войну;

31 г. до н. э. – Агриппа выигрывает сражение при Акции для Октавиана; потерпев поражение, Антоний и Клеопатра бегут в Египет, где она готовится возобновить вооруженную борьбу, а он пребывает в мрачном настроении;

30 г. до н. э. – Октавиан захватывает Александрию 1 августа; Антоний убивает себя мечом и умирает на руках Клеопатры; она сводит счеты с жизнью при помощи ядовитой змеи, которую ей тайно приносят в корзине с винными ягодами; Октавиан казнит Цезариона; Египет становится провинцией Рима.

notes

Примечания

1

Написанное иероглифами имя Клеопатры читается как Клеопадра. Это греческое имя, означающее «Слава ее племени».

2

Обычно утверждают, что Цезарь покинул Египет до рождения Цезариона. Это мнение, которое, учитывая слова Аппиана (греческий историк II в. н. э. – *Пер.*), что Цезарь оставался в Египте девять месяцев, всегда казалось мне невероятным; ведь, разумеется, непростым совпадением было то, что он отложил свой отъезд из Египта до того самого месяца, когда должен был родиться его с Клеопатрой ребенок, а с ней он познакомился в октябре прошедшего года. Утверждение Плутарха можно истолковать так, что Цезарь отбыл в Сирию после рождения своего сына. Я полагаю, что замечание Цицерона, которое он сделал в письме, написанном в июне 47 г. до н. э., о том, что была серьезная причина, не дававшая Цезарю уехать из Александрии, касается события, которого он ожидал. Те, кто высказывает предположение, что Цезарь *не* оставался в Египте так долго, вынуждены отрицать, что он совершил путешествие вверх по Нилу, о чем пишут другие авторы. И они вынуждены не придавать значения уверенному утверждению Аппиана о том, что пребывание диктатора в Египте длилось девять месяцев. К тому же дата празднования семнадцатилетия Цезариона является дальнейшим указанием на то, что он родился не позднее начала июля.

3

См. приложение 1.